

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 2
2025

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukoza2010@yandex.ru

*Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы
в электронном виде с фотопортретом и краткой
биографической справкой автора. Редакция не вступает
в переписку с авторами и не рецензирует присланные
произведения.*

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 3240

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868—5819 «Московский Вестник», 2025, № 2

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*.....7

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Александр Полубедов П.И. Бартнев – первый пушкинист. Очерк.....	8
Иван Панин Пушкин любил Москву! Очерк.....	45
Юлия Александрова Витражи сердца. Стихи.....	55
Нина Хрущёва Бабочка. Повесть.....	66
Валерий Бокарёв Россию покорить нельзя! Стихи.....	87
Виктор Перегудов Три рассказа.....	101
Ирина Косова Времена года. Стихи.....	168
Ольга Грушевская Во что играют девочки. Цикл коротких рассказов.....	175
Владимир Шостакович Мужчины. Стихи.....	197
Юрий Рыченков Пагубные пути. Новелла.....	205

Сергей Кодак
Ох, родная ты сторонка... Стихи 220

Марина Зайцева (Гольберг)
Солдат на колёсиках. Рассказ 231

Александр Юдин
Долгий-долгий летний день. Рассказ 238

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Светлана Вьюгина
Три рассказа 248

Наталья Ярославцева
Три рассказа 260

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Людмила Ахременкова
Арбуз ЕГЭ 284

Татьяна Бокарева, Пётр Калитин
«Странные» особенности красоты (русской женщины) 296

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Как уже неоднократно говорилось, восстановление нормального литературного процесса является одной из главных задач, стоящих сегодня перед писательским сообществом. Выполнение этой задачи находится в самом начале: слишком велики издержки, заплаченные и нашей литературой, и культурой в целом, за приобщение к «благам» вырождающейся западной цивилизации; слишком значителен ущерб, нанесённый национальному самосознанию длительным агрессивным воздействием космополитической (в терминологии 1990-х годов – «демократической», позднее и до настоящего времени – «либеральной») идеологии; слишком глубоко зашёл процесс профессиональной дисквалификации современной литературы, принудительно выведенной за рамки классической и профессиональной системы координат. Следует напомнить и о разрушенных связях между национальными литературами – связях, которые на протяжении последних двух десятилетий восстанавливаются силами энтузиастов и общественных творческих организаций. Злонамеренно положенный идеологами «демократических преобразований» в основу творчества принцип беспредельной свободы и вседозволенности привёл к обрушению уровня литературного мастерства, к деморализации медийного литературного пространства. Не секрет, что очень многие литераторы из числа поборников «свобод» в трудный для Родины период заняли двусмысленную, а в каких-то случаях откровенно враждебную позицию по отношению к своему государству и, таким образом, вывели себя за пределы российской литературы. Специальная военная операция на Украине для подавляющего большинства россиян стала стимулом к утверждению общенационального самосознания, разбудила надежды и ожидания. Сегодня большой подъём переживает патриотическая поэзия, воспевающая подвиг российских воинов в противостоянии нацизму. В то же

время, литературный энтузиазм патриотически настроенных авторов не всегда в должной мере соответствует высоким критериям профессионального мастерства. И здесь большая ответственность лежит на тех, кто формирует литературный процесс в рамках своих компетенций: на периодических изданиях, средствах массовой информации, литературных объединениях всех уровней и т.д.

Прежде всего, главным ориентиром и преобладающим направлением для современной литературы должна быть русская, российская классическая традиция, освящённая именами и наследием наших классиков. Пушкинская линия представляет собой золотой эталон творчества, с которым каждый современный литератор должен сверять свою творческую позицию – особенно в наши дни, когда даже в патриотических рядах нет стойкого мировоззренческого единства. В пушкинском наследии есть ответы на все вопросы, нужно только внимательно его читать. Литературный XIX век в целом являет собой пример многообразия и духовного единства российского духовного мировоззрения в процессе становления и развития. Советская традиция является естественным и органичным продолжением предыдущего литературного опыта, поэтому требует столь же внимательного отношения. XX век революционно расширил и обогатил русское мировоззрение, привнёс в него новые плодотворные идеи и ценности, дал импульсы для дальнейшего развития и движения вперёд. Отказ от советских достижений в области литературы, инициированный «реформаторами» 1990-х годов, был одной из составляющих того «разрыва связи времён», который нам в настоящем и будущем предстоит преодолеть. Речь идёт не об отказе от исканий и экспериментов, а о возвращении в литературу прочного стержня национальной традиции. С учётом всего вышесказанного, выполнение этой задачи потребует таких качеств, как сознательность, патриотизм, мастерство, упорство и последовательность действия. А также, разумеется, политическая воля, но это уже прерогатива государства...

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Александр ПОЛУБЕДОВ

Александр Петрович Полубедов – прозаик, поэт, публицист, офицер запаса. Родился в 1960 году в Липецкой области. Окончил Харьковское высшее военное авиационное училище связи и Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина. Писать начал после завершения службы. Опубликовал в журналах «Биография» и «Москва» очерки о ранее неизвестных потомках художника И.И. Левитана. Издал справочник «Филателистическая политическая география», созданный с целью сохранения исторической правды. Автор военного романа «Русские осколки», сборника повестей и рассказов «Офицерские сюжеты», а также серии очерков о литературоведе и историке П.И. Бартенева. Лауреат премии литературного журнала «Петровский мост». Пишет прозу и стихи о людях и событиях, о которых нужно помнить. Член МГО Союза писателей России с 2023 года.

Живёт в Москве.

П.И. БАРТЕНЕВ — ПЕРВЫЙ ПУШКИНИСТ

Очерк

І. ВЕЩЕЙ СОН

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!

29-е ЯНВАРЯ 1837,
Ф.И. Тютчев

Просыпаться семилетнему Пете Бартенева ещё не хотелось. Он был одним из младших детей в семье, поэтому спал всегда в маменькиной спальне на своём диванчике, стоявшем близко к её большой кровати с высокими пуховыми подушками. Петя сладко потянулся сквозь приятную дремоту февральского утра и приоткрыл глаза, протирая их руками ото сна. Вопреки обыкновению, маменьки в спальне уже не было. Обычно она выходила несколько позже своих детей, но сейчас её приглушённый голос уже доносился из-за прикрытой двери. Она что-то обсуждала с экономкой, старушкой Евдокимовной.

Открытые снаружи ставни тоже означали наступившую пору пробуждения. Через расписанные зимними узорами большие высокие окна пробивалось солнце, лучи которого касались верхних изразцов печи. Значит, надо вставать, хотя так хотелось ещё поваляться в постели.

Заслышав мягкие шаги горничной Маргариты, Петя быстро смежил веки и притворился спящим. Он помнил её с малых лет и очень любил за весёлый и добрый нрав. Петя заведомо знал, что провести чуткую горничную не удастся, но это была у них такая своя давняя игра в притворяшки.

– «Бывало, он ещё в постеле: к нему записочки несут!» – с ласковой улыбкой, нараспев проворковала Маргарита. – Маменька ваша велела поднимать вас, барин. Так что поспевайте к чаю.

Маргарита была большой охотницей до пословиц и поговорок. Она умела читать и к случаю применяла двустишия из пушкинского «Евгения Онегина», напечатанные на конфетных фантиках.

Предупреждение горничной не было пустым, поскольку опаздывать к появлению маменьки Аполлинару Петровны в чайной комнате не дозволялось. Овдовев два с половиной года тому назад в возрасте сорока лет, она стала главой семьи и положила себе за правило сохранять порядок, ранее установленный её покойным мужем, отставным подполковником Иваном Осиповичем Бартевым.

Когда Петя, умывшись и причесав русые вихры, вошёл в довольно узкую комнату, в которой у них было принято пить чай, то ожидаемо обнаружил, что его старшие сёстры Полина и Сарра негромко беседовали за столом. Полине шёл восемнадцатый год, и она всего неделю как вышла замуж за поручика Платона Александровича Барсукова, находившегося сейчас подле неё.

Теперь в семье первой девушкой на выданье считалась Сарра, которая была тремя годами младше Полины, поэтому предметы обсуждения у них были совместные: шубки, шляпки, платья и здешние липецкие женихи. Пятилетняя Катенька участия в разговорах не принимала.

Время утреннего чая, когда вся семья собиралась в одной комнате, использовалось для освежения воздуха в других помещениях. Ради сбережения тепла в тесноватом деревянном доме Бартевых окна на зиму плотно законопачивались, а форточек для проветривания в ту пору ещё и в заводе ни у кого не имелось, поэтому один из дворовых обносил все комнаты благоухающей мятой или чабрецом на разогретом в печи кирпиче.

Старик Прокофий, давний слуга Ивана Осиповича из костромского поместья, накрыл стол, поставил горячий самовар и удалился в людскую. К чаю подавались сливки в двух кастрюлях: в одной без пенок, для младших детей, а в другой с пенками, для взрослых. Прислуживать за столом остался лакей Иван

Горячий с домотканым вышитым полотенцем, перекинутым через левую руку.

Наконец-то в чайную комнату вошла хозяйка дома в утреннем платье. Она была явно чем-то взволнована. Барсуков в домашнем халате с шалевым воротником легко поднялся навстречу и галантно отодвинул для неё стул.

– Помилуйте, Аполлину Петровна, об чём же можно столь долго толковать с утра, даже чаю не напившись? – с лукавой усмешкой испытующе взглянул он на тещу, расправляя двумя пальцами свои щёгольские усы.

– Ах, Платон Александрович, да ведь сон-то мне какой ужасный ноне привиделся! – усаживаясь за стол, пробежала она беспокойным взглядом по лицам домочадцев. «С виду вроде все здоровы», – понемногу стала успокаиваться хозяйка, и вскоре семья приступила к чаепитию.

Из самоварного краника забулькал по чашкам кипяток, тонко зазвенели ложечки и блюдца, послышались причмокивания и полились неспешные застольные разговоры старших промеж себя. Младшим дозволялось внимать молча. После рассуждений о погодах и съестных припасах до Пасхи беседа сама собой воротилась к причине маменькиных переживаний.

– Однако ж, Аполлину Петровна, вы были прямо-таки не в себе, – учтиво поклонился Барсуков. – Что за сон таков?

– Примстилась мне некая персона мужеска полу со страшной рожей! – от воспоминаний Аполлину Петровну передёрнуло, как от озноба. – Да как засмеётся этак дико! Зубы оскалил, а изо рта здоровый зуб, возьми да и выпади прямо в снег! Я бежать от него, а ноги – что гири, шагу ступить не могу! Страх меня так обуял, что насилу проснулась! Вот, сударь мой, какие страсти!

При последних словах Аполлину Петровна встала и трижды с поклоном перекрестилась на Тихвинскую икону Богородицы в углу.

– Маменька, так к чему бы такой сон? – негромко и насто-роженно спросила Полина, опасавшаяся всего, что могло бы повредить её недавно обрётённому счастью. – Что ж поведала вам об сём наша Евдокимовна?

Маленькая сухонькая старушка Евдокимовна слыла не только расторопной экономкой, но и толковательницей разных примет и снов.

– Сказывала, что лишиться во сне здорового зуба означает к болезни. С кровью, то к рódному, а ежели без крови, то не с рódным, а со знакомым чего-то случится. Да только я со страху не припомню на верное: была ль кровь аль нет?

– Коли не помните, стало быть, и не было, – резонно заключил Платон Александрович, радевший о душевном покое супруги. – Сказывают за верное, что воскресный сон до обеда сбывается, не так ли? Так мы с барышнями сейчас кататься-то не поедем?

– И то правда, голубь мой, вели кучеру не запрягать лошадей, – одобрила в душе осмотрительность зятя Аполлиария Петровна. – Да и завьюжило теперь на дворе. Эка снег-то повалил! В иной денёк по зимнику промчитесь – у Бога дней много.

После чаю Аполлиария Петровна по обыкновению прочла вслух одну главу из Евангелия и отпустила всех домашних по их занятиям, а сама прошлась по дому.

– Петенька, отнеси Евангелие тётеньке Надежде Петровне, – подала она сыну старую толстую книгу с тиснёным православным крестом на чёрной обложке.

Шестидесятилетняя Надежда Петровна Бурцева, старшая сестра Аполлиарии Петровны, проживала в этом же доме в маленькой комнате. Семьи у Надежды Петровны не было. Столовалась она отдельно, поскольку имела крепостного повара старика Трофима, ежедневно готовившего для неё особое кушанье. Худошавая и скромная, была она строгой постницей и усердной молитвенницей. После Аполлиарии Петровны она прочитывала по три главы из Евангелия, помимо принятых утренних и вечерних молитвенных правил. Столь же охотно Надежда Петровна помогала бедным людям, отчисляя на благотворительность десятину со своих доходов.

Вообще в семьях Бурцевых и Бартеневых Бога чтили. После пробуждения все члены семьи непременно читали утренние молитвы. Поэтому-то Аполлиария Петровна появлялась

из спальни несколько позже, после завершения своего утреннего правила. По этой же причине домашним возбранялось опаздывать к столу: маменька предваряла трапезу молитвой о вкушении. Также перед началом всякого дела и по его окончании читались особые молитвословия. Новорождённых детей старались называть именами святых, почитавшихся в этот день православной церковью. Именно поэтому вторую дочь в семье, рождённую 13 июля, окрестили Саррой в память ветхозаветной Сарры, жены Авраама, прародительницы Иисуса Христа, а также в честь святой Сарры Ливийской, появившейся на свет в тот же день, согласно Святым.

Через некоторое время после утреннего чая сёстры встретились в гостиной, чтобы поговорить о житейских новостях и делах. Потом они зашли в чайную комнату, где Надежда Петровна слила оставшийся чай в особую бутылку для приготовления уксуса, который применялся в домашнем хозяйстве.

– За Мишеньку боязно, – поделилась с сестрой переживаниями Аполлиария Петровна. Старший её сын Михаил первый год учился во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге.

– Полноте, сестрица, пустое, – успокаивала её Надежда Петровна. – В корпусе шалить не позволено. В столице присмотр и строгости.

– Так-то оно так, а всё ж волнительно – задумчиво подтвердила Аполлиария Петровна, подходя ближе к окну, в котором заметила какое-то движение на их Дворянской улице. Вдоль ограды быстро шёл коренастый мужчина среднего роста в чёрном зимнем пальто и меховой шапке. По одежде и походке сёстры сразу признали его.

– Смотрите-ка, Наденька! – воскликнула Аполлиария Петровна. – Да ведь это никак Михаил Яковлевич к нам поспешает!

– Едва ли не бежит, сердешный, – подошла к окну и старшая сестра. – Нешто беда какая?

Михаил Яковлевич Головин, моряк, отставной капитан третьего ранга (на армейский лад – майор), был их соседом по улице. Они дружили семьями. Его жена Мария Ильинична

много читала. От них Бартеневы получали старинные повести и романы. Дети Головниных, два сына и две дочери, дружили с бартеневскими детьми.

Михаил Яковлевич действительно направлялся к дому Бартеневых. Аполлиария Петровна отдала необходимые распоряжения прислуге и перешла вместе с сестрой в гостиную. Лакей принял у гостя запорошенное снегом пальто с шапкой и трость и проводил к хозяйке дома. Когда Михаил Яковлевич здоровался, голос его дрожал, а в глазах блестели слезы.

– Да что ж такое с вами стряслось, батюшка Михаил Яковлевич? На вас же лица нет! – переполошились сёстры.

Головнин сел в предложенное кресло у стола и едва смог вымолвить трясущимися губами:

– Ох, матушки, беда-то какая случилась! Пушкина убили!

Сказал и склонил голову в широкие ладони, а для всех присутствующих как будто вдруг гром грянул с зимних небес. Сёстры на несколько мгновений словно онемели от ужаса, да и залились горячими слезами. Заплакали в передней Полина и Сарра, слышавшие этот разговор. От страха за взрослых заревели и малыши. Из людской доносились всхлипывания горничной Маргариты и кого-то ещё.

В семье любили стихи Пушкина, восхищались их изящной лёгкости, удивлялись меткости и ёмкости неожиданных сравнений и определений. Сёстры с чувством глубокой отрады иногда говаривали о том, что прабабушка поэта Сарра Юрьевна Пушкина крестила их сестру Прасковью, а Надежда Петровна гордилась ещё и тем, что в детстве коротко знала Марию Алексеевну Ганнибал и её дочь Надежду Осиповну, будущих бабушку и мать поэта, проживавших тогда недалеко от Липецка в имении Коренёвцино.

Особо отмечали, что лицеиста Александра Пушкина благословил на высокий путь стихотворца не кто-либо, а государственный деятель и первый поэт своего времени Гавриил Романович Державин, некогда гостивший в этом самом доме у их отца Петра Тимофеевича Бурцева. В то время Г.Р. Державин, стихотворчеством заслуживший благосклонность императри-

цы Екатерины II, занимал должность правителя Тамбовского наместничества, а П.Т. Бурцев служил липецким городничим.

– Как же это случилось?! – немного погодя простонала Надежда Петровна, давась рыданиями.

– На дуэли, – осекшимся голосом выдавил Головнин. – Погубили, ироды, отраду и гордость нашу...

– Ох, свят, свят! Вот и сон-то мой в руку! – вытирала платком слёзы Аполлиария Петровна. – Отколь же весть сия пришла?

– Почтарь, что с Москвы приехал, известие привёз...

– Кто ж он, душегубец-то?

– Французишко какой-то, я в сердцах имя-то его проклятое запомнил.

– Ведь недаром сказывают, что развелось их, нерусей, в Петербурге – страсть! Что ни немец, то, почитай, француз! А по-русски при дворе и слова не слышать!

В знак общей скорби все домашние облачились в траурные одежды. В тот же день священник липецкого Христорождественского собора отец Стефан, к пастве которого были приписаны Бартеневы, отслужил в их доме панихиду по убиенному великому русскому поэту.

Гибель Александра Сергеевича Пушкина воспринималась в России очень тяжело. Особо подчёркивалось, что самого лучшего нашего русского поэта убил не кто-нибудь, а именно француз, представитель страны, нашествие которой не так давно, всего двадцать пять лет тому назад, отразила Россия. Француз, от грабителей-соплеменников которого сгорела Москва и другие города, а сотни тысяч русских людей погибли. Француз, соотечественники которого вместе с их пособниками с позором бежали из России, разбитые русской армией. Ещё были живы многие участники Отечественной войны 1812 года и последовавших за ней антинаполеоновских заграничных походов, с оружием в руках отстоявшие Россию.

Казалось бы, после таких кровавых событий французам не должно быть места среди российской знати, но именно благодаря императору Николаю оказался при дворе будущий убийца

нашего великого стихотворца. Мыслящие русские люди всех сословий видели в этом происшествии измену на самом вершине государственной власти. От страха перед народным негодованием властители схоронили поэта по-тихому, словно тайком спрятали в земле то, что украли у русского народа.

Однако зёрна его проникновенных, «летучих» стихов проросли в благодарных сердцах соотечественников. А первым, кто начал буквально по словечку, по листику собирать пушкинские строки и сведения о жизни и творчестве поэта, оказался Пётр Иванович Бартенев.

II. ХОРОШ СОВЕТ ВОВРЕМЯ

Увлечение творчеством и личностью Александра Сергеевича Пушкина началось у Петра Ивановича Бартенева в 1847 году во время обучения на первом курсе историко-филологического (словесного) отделения Философского факультета Московского университета (с января 1850 года – историко-филологический факультет).

Определяющее влияние на него оказал декан факультета Степан Петрович Шевырёв (1806–1864 гг.), личность яркая и притягательная. Для жаждущего познаний деятельного молодого человека оказалось очень большой удачей встретить авторитетного наставника, кем явился профессор С.П. Шевырёв в отношении Петра Ивановича Бартенева.

Щедро одарённый разнообразными филологическими талантами, С.П. Шевырёв развернул на литературном поприще обширную и плодотворную деятельность: поэт и переводчик, литературный критик и историк литературы, доктор философии и профессор Московского университета, академик Санкт-Петербургской академии наук, участник издания в разные годы литературных журналов «Московский вестник», «Московский наблюдатель» и «Москвитянин».

В педагогической практике профессор Шевырёв неуклонно придерживался государственной идеологии: православие,

самодержавие, народность. Будучи прекрасным лектором, он стал автором первого учебника по истории русской литературы «История русской словесности», составленным из его лекций, чем положил начало русскому литературоведению. Свободное владение санскритом, немецким, французским, итальянским и другими языками позволило С.П. Шевырёву приобщиться к лучшим произведениям мировой художественной литературы, поэтому он воспринимался студентами как пример начитанности и образованности.

На курсе Бартенева профессор Шевырёв замечательно читал историю литературы, теорию красноречия и поэзии. Его лекции не оставляли слушателей равнодушными.

Особенно он любил рассказывать о поэте Александре Сергеевиче Пушкине, с которым был лично знаком: «... А когда вспомнишь, что этот художник был первый поэт русской, гениально отгадавший тайну нашей народной поэзии; что его мастерская была наша русская жизнь, в которой он наиболее черпал свои вдохновения; что этот чудный мрамор, покорявшийся меткой руке его, был наше русское слово, которого поэтическую тайну он постиг и унёс с собою...».

Студенты слушали его зачарованно... Невольно хотелось овладеть познаниями наставника, научиться излагать свои мысли столь же свободно, образно и красноречиво.

Впоследствии Пётр Иванович вспоминал о нём: «С самого первого курса был я счастлив тем, что главным профессором был у нас Степан Петрович Шевырёв, великий трудолюбец, идеалист, строго православный и многостороннейше образованный. У него нельзя было перейти с курса на курс, не подав какого-нибудь доказательства о труде дельном».

Таким методом профессор Шевырёв прививал студентам навыки самостоятельного изучения материала, его обработки, систематизации и анализа. К примеру, П.И. Бартенев, совместно с двумя своими друзьями студентами, на первом курсе представил «Словарь к памятникам Русской письменности до XIII века»; на втором – статью о разнице своего собственного перевода с санскрита поэмы «Наль и Дамаянти» с пере-

водом В.А. Жуковского с немецкого языка; на третьем – перевод с немецкого книги «Самохарактеристика Гёте, по его письмам».

Необходимым условием обучения и воспитания студентов Шевырёв считал доступность преподавателя, поэтому с шести до семи часов вечера двери его дома в Дегтярном переулке на Тверской были открыты для слушателей. Характерный для Москвы почти квадратный одноэтажный деревянный особняк с четырьмя колоннами по фасаду, крепко стоявший на каменном фундаменте, был хорошо знаком его подопечным.

Шевырёв принимал студентов в своём кабинете, вдоль стен которого стояли шкафы и стеллажи с книгами. Обыкновенно профессор располагался в своих креслах за широким двухтумбовым столом, покрытым зелёным сукном. К этому столу был т-образно приставлен другой стол, за которым могли сидеть студенты. Они приходили за советами и для обсуждения учебных вопросов. Их услугам была предоставлена личная библиотека профессора, помимо студенческой библиотеки, которую он завёл в университете. Подчёркивая официальный характер встречи, профессор выходил к пришедшим будучи одетым в тот же университетский мундир, в котором читал лекции. Студенты также являлись в форменных сюртуках и фуражках, как и положено на консультациях у преподавателей.

Пытливому студенту Бартеневу всегда имелося что спросить у наставника. Повышенный интерес Бартенев проявлял к людям, знавшим Александра Сергеевича Пушкина. Бартенев им по-хорошему завидовал и сожалел, что лично не видел поэта, потому что родился тридцатью годами позже него. В глазах Петра Ивановича все знакомые Пушкина были отмечены некой печатью сопричастности к жизни и творчеству великого поэта, а профессор Шевырёв как раз являлся одним из них. С какими бы вопросами ни приходил Бартенев к Шевырёву, в конце беседы разговор неминуемо сводился к Пушкину.

Весной 1848 года во время подготовки к экзаменам за первый курс обучения Бартенев бывал на консультациях чаще, чем обычно.

– Степан Петрович, отчего же вы до сих пор не облекли в переплёт сочинения Александра Сергеевича? – Бартенев взял с книжной полки один из томов первого посмертного собрания сочинений поэта, выпущенного в 1838 году в простой бумажной обложке. В те годы в таком виде выходили из типографии все книги, что удешевляло их стоимость. В дальнейшем владелец мог заказать в переплётной мастерской кожаный или коленкорный переплёт с тиснением имени автора, названия книги и своего имени.

Профессор благосклонно улыбнулся. Хотя до самого окончания университета он всем студентам говорил «ты», но тем из них, кто учился успешно, дозволялось обращаться к нему по имени и отчеству.

– Лелею надежду увидеть на своём веку иное издание, которое по полноте содержания и типографскому стилю оказалось бы достойным памяти нашего великого поэта, – профессор подошёл к тому же книжному шкафу и раскрыл первый том сочинений.

– Взгляни-ка, – перевернув титульный лист, показал он студенту разворот, – сразу же за цензорским позволением следует роман «Евгений Онегин»! А где же предисловие с оценкой творчества поэта? Где его краткая биография? Их нет здесь вовсе! А должны быть непременно, как у каждого состоявшегося поэта!

Профессор начинал горячиться, в больших глазах его засверкали молнии негодования, на что студент сочувственно кивал, сопереживая наставнику.

– Ведь почтеннейший Василий Андреевич Жуковский, возложивший на себя хлопоты по изданию, авансировал сообщить сведения о поэте! Счастье наше, что портрет Александра Сергеевича напечатали! – профессор жестом предложил студенту присесть к столу, а сам расположился в креслах, намереваясь продолжить беседу.

– Обрати внимание, – указал он на обложку и титульный лист, – здесь не сочли нужным указать отчество поэта! Увы, так принято, но сие неверно. Мы же зовём его меж собою Александром Сергеевичем, как не просто первого поэта, но недосыгаемо

великого! И вообще типографская печать вышла весьма небрежной, со многими ошибками, опечатками и искажениями слов. Выбран какой-то неуклюжий формат оттиска, бумага должна была быть простой, как заявлено издателем, но она худшая из простых – какая-то бледно-серая, будто обёртка у купца в лавке.

Профессор положил книгу на стол и, тяжело вздохнув, громко продолжил, задумчиво глядя на студента.

– Должно признать, что издание сие дурно отредактировано: пиесы размещены безо всякой системы, стихи и проза вперемежку, без соблюдения хронологии; нет никаких пояснений к сочинениям, не внесены даже ранее известные заметки и примечания Пушкина; ни слова о библиографических данных, о прежних изданиях и вариантах. Главный же изъян – вопиющая неполнота! Горько сознавать, что пропущены даже некоторые из творений, помещённых самим автором в 4-х томном собрании его сочинений 1832 и 1835 годов, а также произведения, напечатанные в журнале «Современник» при жизни и после смерти Пушкина. Каково?

– Как же этак вышло, Степан Петрович? – подавленно смотрел на него ошеломлённый дурными известиями студент.

– Пожелали на скорую руку помочь семье поэта и сохранить память о нём, – тяжело вздохнул профессор. – Ведь что представляло собой литературное наследие Пушкина в те годы? При жизни поэта имелось значительное количество публикаций его сочинений в журналах, альманахах и сборниках. Помимо того, многое вышло в свет в отдельных изданиях с 1814 по 1837 годы. Также в семье поэта хранились неразобранными его многочисленные бумаги, а у друзей и знакомых ещё оставались его письма. После смерти поэта потребовалось подвести итог его творческим деяниям. Такой цели более всего отвечало бы издание всех его сочинений. Государь император Николай предусматривал в числе мер поддержки семьи поэта издание его сочинений на казённый счёт. Однако с казёной спешить не стали, поэтому объявили подписку желающих получить собрание сочинений по двадцати пяти рублей ассигнациями на простой бумаге или по

сорока рублей на веленовой. Цена немалая. Надзор за изданием приняли на себя друзья поэта, известные литераторы Василий Андреевич Жуковский, Пётр Андреевич Вяземский и Пётр Александрович Плетнёв. Подписка позволила собрать сумму, более чем достаточную для приличного издания. Чего бы лучше? Однако первое посмертное издание сочинений, выпедшее в 1838 году в 8 томах, не оправдало ожиданий подписчиков по перечисленным мною причинам.

– Я вижу, что на полке стоят одиннадцать томов, – осторожно заметил студент.

– Именно так, – профессор поднялся с кресел и взял с полки книжку. – Вот, к примеру, том девятой.

Студент тоже попытался встать, но профессор задержал его на прежнем месте.

– Сиди, вставать не надобно, – положил Шевырёв руку ему на плечо. Бартенев был хром с детских лет и мог самостоятельно передвигаться только с костылём. – В эти три дополнительных тома, выпущенные в 1841 году иждивением издателей и книготорговцев Глазуновым и Заикиным, вошли те самые сочинения, что не успели в восьмитомник. Да и после того, что ни год, то сыскиваются всё новые записи Пушкина. Пожалуй, что уже и на двенадцатой том набралось.

– В итоге чехарда получилась изрядная, – просмотрел Бартенев оглавление девятого тома.

– В общем об этом многострадальном издании можно сказать, что в нём «смешались в кучу кони, люди», – профессор с сожалением вернул том на полку. – Очевидно, что поэтическое наследие Пушкина требует серьёзного научного подхода.

– И что же? Кто-либо сейчас у нас в России занимается сим предметом? – голос студента как будто немного дрогнул.

Шевырёв многозначительно взглянул на Бартенева и вернулся на своё место.

– До сего дня мне не приходилось слыживать о подобной личности, – лицо профессора неожиданно осветилось доброжелательной улыбкой. – Однако с этой минуты я полагаю, что такой учёный литератор у нас есть!

– Кто ж сей? – вмиг осипшим тенорком спросил студент.

– Взгляни сюда, – указал профессор на стену. – Сию минуту тебе его и представлю! Только встань повыше.

Поднявшись в рост и повернув голову куда велено, Бартенев увидел своё собственное отражение в итальянском зеркале, висящем на стене. Шевырёв был тоже небольшого роста, поэтому зеркало располагалось удобно и для Бартенева.

– Прошу любить и жаловать! – рассмеялся профессор, довольный своей остротой. – Впрочем, знакомить вас нужды нет! Разве что в ином качестве.

– Вы шутить изволите, Степан Петрович? – сам не будучи уверен в своих словах, повернулся студент к наставнику.

– Нимало, – со спокойной уверенностью заключил профессор. – Я лишь озвучил твоё тайное желание, в котором, возможно, ты сам не отдавал себе отчёта до сей поры.

Собираясь с чувствами, взволнованный неожиданным предположением профессора, Бартенев сел на место.

– Кому ж ещё заняться сим предметом, как не тебе? – продолжил развитие мысли Шевырёв. Ещё пять минут тому назад он и не помышлял о том, что произнёс сейчас, но уже не в первый раз отметив живой интерес Бартенева к Пушкину, вдруг поразился внезапной догадке о судьбоносности сегодняшней беседы. – Тебя же, как никого более из известных мне словесников, интересует абсолютно всё, что связано с именем Пушкина! А ведь именно интерес является главным качеством биографа! Остальное приложится! Ты очень добросовестно относишься к занятиям, и я имею все основания утверждать, что ты обладаешь задатками серьёзного учёного. У тебя всё получится!

– Признаюсь, что мне всею душою хочется заняться Пушкиным, – подтвердил Бартенев догадку профессора. – Однако учёба в университете занимает всё время без остатка.

– А ты всё-таки начни, – ободрил профессор. – Вот сейчас надобно написать хорошую, подробную биографию Александра Сергеевича, коей доселе ещё не бывало в отечественных литературных трудах. Начни прямо с истоков, от происхождения его рода. Собирай о нём все сведения, какие только сможешь

достать: всевозможные автографы, письма к нему и от него, стихи и прозу, воспоминания современников и многое прочее. К примеру – адреса поэта! Ведь Пушкин бывал в этом доме, в моём кабинете! Вот в этих самых креслах сживать изволил!

При этих словах профессор, сидевший в креслах из карельской берёзы, восторженно хлопнул ладонями по подлокотникам и значительно взглянул на студента.

– Поведаю вам, Степан Петрович, что в прошлом веке моя липецкая родня зналась с бабушкой поэта, Марьей Алексеевной. Её отец, капитан Пушкин Алексей Фёдорович, одно время служил воеводой в Сокольске, который позднее вошёл в черту Липецкого уезда на Тамбовщине, – довольно улыбнулся Бартенев. – Поскольку я и сам липецкий, то мы с ней земляки!

– В таком случае, как говорится, тебе и карты в руки! – завершая консультацию, поднялся с кресел профессор. – Я же со своей стороны обещаю полную поддержку. К примеру, предложу тебе какую-либо тему о Пушкине для написания работы по словесности. И можешь рассчитывать на мои лучшие рекомендации к друзьям незабвенного Александра Сергеевича.

III. ПУШКИНИСТИКА – ЗАБОЛЕВАНИЕ ДУШИ

Советы профессора оказались созвучны пожеланиям студента. Получив поддержку наставника, Бартенев обрёл ещё большую уверенность в правильности своих устремлений.

За отправную точку своей исследовательской деятельности Бартенев принял издания сочинений 1838–1841 годов и, чтобы не повторяться, начал собирать произведения поэта, не вошедшие в указанные выпуски.

Пётр Иванович учёл неудачный опыт «первого блина комом» предшественников, поэтому возвращаясь в литературной среде пушкинские стихи, имевшиеся в рукописях, переписывал не в тетрадь, а на отдельные листы, чтобы впоследствии их легко было располагать в хронологическом порядке. Помимо руко-

писей, он стал собирать журнальные вырезки с напечатанными стихотворениями, статьями и письмами поэта.

Тогда же Бартенев приступил и к сбору первых доступных ему материалов для пушкинской биографии. С.П. Шевырѐв познакомил его со своим другом Михаилом Петровичем Погодиным, бывшим профессором Московского университета, который в своё время очень много общался с А.С. Пушкиным по литературным и издательским делам. М.П. Погодин не был преподавателем Бартенева, поскольку прекратил педагогическую деятельность ещё в 1844 году, то есть за три года до поступления Петра Ивановича в университет, поэтому их знакомство состоялось только благодаря посредничеству С.П. Шевырѐва.

Бартенев не упускал возможности послушать воспоминания о Пушкине профессора Московского университета Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855). В то же время он познакомился с писателями Николаем Васильевичем Гоголем (1809–1852), Алексеем Степановичем Хомяковым (1804–1860), Петром Яковлевичем Чаадаевым (1794–1856), близким другом поэта Павлом Воиновичем Нащокиным (1801–1854) и некоторыми другими современниками поэта, лично знавшими его.

Годы жизни друзей Пушкина здесь указаны неслучайно. Как видим, быстротечное время, отпущенное Всевышним каждому их них на всё про всё, безвозвратно истекало струйкой песочных часов в пятидесятых годах текущего века. И если Провидению было угодно сохранить память о поэте в воспоминаниях его современников, то в сфере русской культуры обязательно должна была появиться личность, способная собрать и сохранить для потомков устные предания о Пушкине. Однако среди друзей, знакомых и просто современников поэта ни одного такого деятельного человека не нашлось.

Пушкина при жизни любили многочисленные почитатели его таланта всех сословий, но его ненавидела и над ним ехидно посмеивалась офрануженная и онемеченная высшая придворная знать, презирающая русский народ, русскую речь и саму русскую культуру. Они видели в Пушкине всего лишь камер-

юнкера, мелкий придворный чин в сравнении с их собственными высокими званиями и положением.

Должно было пройти какое-то время, ведь «большое видится на расстоянии». Следовало подождать, чтобы ушли задетые пушкинскими остротами влиятельные особы, получившие от него по заслугам; чтобы забылись проступки самого Александра Сергеевича, который, по словам его старшего друга В.А. Жуковского, «... только созрел как художник и всё шёл в гору как человек».

И вот наконец на двенадцатом году после пушкинской тризны в литературно-исторической среде России появился молодой человек одного из последовавших за пушкинским поколением, который, в отличие даже от своих сокурсников-студентов, очень близко к сердцу воспринял судьбу и творческие свершения великого русского поэта.

Худенький юноша небольшого роста, с навсегда разбитым коленом и костыликом, но с сердцем чистым и отзывчивым на истинно возвышенные деяния, положил себе целью, ни много ни мало, служение памяти Александра Сергеевича Пушкина. Высокому служит высокое.

Свои мысли о творчестве и личности А.С. Пушкина Пётр Иванович впервые письменно изложил на третьем курсе в студенческой работе «Художественное сознание русских поэтов», написанной по поручению профессора С.П. Шевырѐва.

Основная же «жатва пушкинских полей» началась для Бартенева после обучения в Московском университете, который он окончил в 1851 году со степенью кандидата.

В ноябре того же года Бартенев приехал в Санкт-Петербург в качестве домашнего учителя детей графини Лидии Дмитриевны Шевич (дочери графа Д.Н. Блудова). Для бартеневской пушкинистики граф Дмитрий Николаевич Блудов, литератор и государственный деятель, интересен тем, что он был очень хорошо знаком с Александром Сергеевичем Пушкиным. Они виделись в детстве, состояли в литературном кружке «Арзамас», впоследствии неоднократно встречались после возвращения поэта из ссылки. Граф Блудов познакомил Бартенева с другими друзьями Пушкина.

Хорошо знать человека далеко не всегда означает иметь с ним добрые и приятные отношения. Дмитрий Николаевич недолюбливал Пушкина по личным причинам, но его старшая дочь Антонина с удовольствием делилась с Бартевым своими восторженными впечатлениями о поэте.

Различные мнения современников о Пушкине помогли Петру Ивановичу воссоздать в своём воображении сложный образ поэта во всём многообразии сторон его живой натуры.

В свободное от учительских обязанностей время Бартев реализовал письменные рекомендации С.П. Шевырёва к его петербургским знакомым. Особенно значимой для изыскательской деятельности Петра Ивановича явилась встреча с литератором Петром Александровичем Плетнёвым (1794–1865), ректором Санкт-Петербургского университета.

Вступив в литературу как поэт, П.А. Плетнёв вскоре зарекомендовал себя авторитетным литературным критиком, с мнением которого считались литераторы. Он придерживался убеждения, что поэтом нужно родиться, но нельзя стать им преднамеренно, посредством каких-либо занятий на ниве словесности. Основным качеством писателя он считал талант и очень чутко отзывался на его проявления, оказывая поддержку достойным литераторам вне зависимости от их творческих направлений. Заметив в молодом Пушкине поэтический огонёк и склонность к изящному слогу, Плетнёв в дальнейшем внимательно следил за развитием его литературского дарования.

Поначалу Пушкин относился к Плетнёву с иронией, но, находясь в одиночестве в михайловской ссылке, очень сильно завязал его, поскольку Пётр Александрович сам протянул Александру Сергеевичу руку помощи и добровольно принял на себя заботы об издании первой главы «Евгения Онегина» и других сочинений, не побоявшись прослыть неблагонадёжным из-за общения с опальным поэтом.

Когда талантливый человек находится в зените славы, то с ним не только достойные личности считают за честь знакомство завести, но и всякий в друзья набивается. Нет! Ты помоги таланту, когда он себе дорогу пробивает, преодолевая чиновничье

равнодушие, безденежье, зависть, клевету и злословие! Вот тогда ты ему друг! Известно, что друзья познаются в беде. Как Плетнёв в отношении Пушкина. В благодарность Александр Сергеевич сначала посвятил Петру Александровичу Плетнёву IV и V главы «Евгения Онегина», а впоследствии перенёс это прочувствованное посвящение на весь свой уникальный роман в стихах.

Подумать только: Пушкин посвятил свой несравненный поэтический роман, своё высшее стихотворное достижение не невесте или жене, не любовнице или любимой женщине, а другу! И не просто другу: дуэлянту, кутиле и картёжнику, которых немало имелось в его кругу, а другу – издателю его сочинений!

На протяжении двадцати лет отношения Плетнёва к Пушкину прошли сложный эволюционный путь от доброго старшего товарища до близкого друга, и Пётр Александрович сознавал свою значимость, как человек, оказавший неоценимую помощь великому поэту и знавший о нём очень много. Если при жизни Пушкина Плетнёв оберегал его от неприятностей, то теперь он бережно и ревностно хранил память о нём, не подавая повода любителям злословия очернить поэта.

Бартева он принял с осторожностью. Хотя и рассказал ему немало интересного о Пушкине и других писателях, но не позволил скопировать не только стихов, но даже ни одного письма поэта. Ну да они ещё между собой спишутся позднее, когда Плетнёв убедится в надёжности Бартева.

Иное дело – Сергей Александрович Соболевский. Тоже близкий друг Пушкина, умный и образованный ценитель литературы и увлечённый собиратель книг, автор эпиграмм и шуточных стихов, друг многих русских и иностранных писателей. Соболевский не только помогал Пушкину в издательских делах, но даже предотвращал его дуэли.

Вольный в обращении Соболевский встретил Бартева весьма дружелюбно, как будто тот тоже был другом Пушкина. А ведь друг моего друга – мой друг. Вместе они посмеялись над курьёзной рекомендательной записочкой скуповатого М.П. Погодина, написанной им из экономии на жалком клочке бумаги.

В ответном послании Погодину Сергей Александрович сообщил не без тонкой иронии, что «получил любезное письмо Ваше». Остроумием, живостью характера и эрудицией Соболевский сходил с самим Пушкиным. Он рассказал Бартеневу немало интересных сведений о нём, а также подарил два автографа и портрет поэта.

Собственных воспоминаний о Пушкине Соболевский писать не имел охоты, но с интересом просмотрел тетрадь Бартенева с записями рассказов П.В. Нащокина и оставил на полях свои заметки по тексту. В эту тетрадь, которую можно назвать «первой бартеневской тетрадью», Пётр Иванович в дальнейшем продолжил записывать все рассказы о Пушкине его друзей.

Помимо воспоминаний современников поэта, Бартенев прилежно переписывал на отдельные листы его письма, стихи и прозу. В своё время эти материалы будут им помещены в единый переплёт вместе с автографом и вырезками из журналов и составят «вторую бартеневскую тетрадь», на корешке которой Пётр Иванович сделает надпись: «Письма Пушкина».

В июне 1852 года Л.Д. Шевич отправила на лето одного из сыновей к своей тётке М.А. Поликарповой в деревню Панафидино Старицкого уезда Тверской губернии. Домашнему учителю П.И. Бартеневу было велено находиться при ученике. Таким образом Пётр Иванович оказался недалеко от «заповедных» пушкинских мест: Берново, Курово-Покровское, Малинники, Марицыно, связанных с именем великого поэта и его друзьями из семейства Осиповых-Вульф. В этом краю Пушкин писал VII главу «Евгения Онегина» и другие произведения, что не могло пройти мимо внимания Бартенева.

Закончив службу у Шевичей в ноябре 1852 года, Пётр Иванович возвратился в Москву и через некоторое время взялся за первую биографическую статью о поэте, которую он завершил 11 июня 1853 года.

При содействии профессора Т.Н. Грановского статья была опубликована в Санкт-Петербурге издателем Андреем Александровичем Краевским (1810–1889) в № 11 журнала «Отечественные записки» под названием «Род и детство Пушкина»

(Материалы для его биографии, собранные П.И. Бартеневым). Таким образом было положено начало написания и печати биографии А.С. Пушкина. Между прочим, именно этой «пушкинской» статье Бартенев обязан получением первого литературного гонорара.

Дальнейшее развитие пушкинской тематики реализовывалось П.И. Бартеневым в Москве написанием в хронологическом порядке биографических глав под общим названием цикла: «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии».

Статьи печатались на страницах литературного прибавления к газете «Московские ведомости» литературного критика, издателя и публициста Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), который в годы студенчества Бартенева читал на их курсе логику, психологию и историю философии.

Московская первая глава, посвящённая детству поэта, повторяла сведения из петербургской публикации и появилась в печати 15 июня 1854 года в № 71. За ней последовали главы о лицейской жизни поэта и периоде 1817–1820 годов, опубликованные в 1855 году.

Подобными обстоятельными главами Пётр Иванович намеревался охватить весь жизненный путь великого поэта, составив его первую полную биографию. По замыслу Бартенева, следующая, четвёртая глава посвящалась времени пребывания Пушкина в ссылке в Южной России с 1820 по 1824 годы. Напечатать её не удалось, поскольку возникли неожиданные административные препятствия, предпосылки к которым возникли ещё несколько лет тому назад, потому что не только у Бартенева душа «болела Пушкиным».

IV. ПОЛКОВНИК-ПУШКИНИСТ

В сентябре 1851 года Москва жила взволнованным ожиданием торжеств, посвящённых 25-летию восшествия на престол императора Николая. Строительство железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы ещё задерживалось окончанием,

поэтому прибытие Государя с императорским Двором, включая Свиту, ожидалось привычным образом по почтовому тракту. Для подготовки встречи и размещения высоких гостей многие петербургские доверенные лица заблаговременно приехали в первопрестольную столицу.

Один из них, флигель-адъютант Его Императорского Величества Иван Васильевич Анненков (1814–1887), полковник Конного лейб-гвардии полка, помимо служебных обязанностей имел в Москве и личные интересы. Он возлагал очень большие надежды на предстоящую встречу со старшим братом Павлом Васильевичем Анненковым (1812–1887), который пообещал нарочно для этого подъехать из имения Чирьково Симбирской губернии.

Уже много месяцев полковник Анненков находился во власти высокой идеи издания достойным образом сочинений Александра Сергеевича Пушкина. Анненкова настойчиво попросил об этом командир его полка генерал-майор Пётр Петрович Ланской, второй муж Натальи Николаевны Пушкиной, вдовы поэта. Просьба имела основания, поскольку И.В. Анненков снискал в военных кругах славу литератора после того, как успешно написал и издал четырёхтомную историю своего полка.

Иван Васильевич изначально сознавал, что лично ему не по силам столь грандиозная и ответственная задача, как второе издание сочинений Пушкина с его биографией, но он надеялся привлечь к её выполнению своего старшего брата Павла, в полном смысле признанного литературного историка и критика, имевшего успешный опыт сочинения и публикации статей.

Более года тому назад Наталья Николаевна Ланская прислала братьям Анненковым на квартиру в Конногвардейских казармах на Мойке два сундука с бумагами Пушкина. Даже поверхностный осмотр драгоценных литературно-исторических россыпей показал тогда Павлу Васильевичу, что он совсем не тот ювелир, который способен придать этим «самоцветным камням» соответствующую оправу. Он всего лишь подал Ланской некоторые рекомендации по поводу повторного издания и не более того.

Неблагоприятные имущественные дела Павла Васильевича требовали его присутствия в симбирском имении, поэтому зиму 1850–1851 годов и весну он провёл в Чирьково, лишь иногда выезжая в Симбирск.

Тем временем полковник И.В. Анненков по-прежнему не оставлял намерения помочь Ланским в осуществлении задуманного ими предприятия. В этом устремлении его горячо поддерживал старший брат Фёдор Васильевич Анненков (1805–1869), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, который столь же высоко чтит память о поэте. Вместе они внимательно пересмотрели пушкинский архив и решили всё-таки убедить брата-литератора взяться за дело.

Встреча братьев состоялась в кремлёвской квартире генерала Фёдора Васильевича Анненкова, второго коменданта города Москвы, назначенного на эту должность годом ранее. По давней традиции коменданты размещались в Потешном дворце недалеко от Троицких ворот, служивших основным местом въезда на территорию Кремля. Генерал Анненков не собирался обживать здесь надолго, поэтому свою квартиру обставил приличной и недорогой мебелью, взятой напрокат.

Старший брат заблаговременно предусмотрел для Павла Васильевича удобную боковую комнату, в которой тот и разместился сразу по приезду.

Отношения между тремя братьями сложились взаимоуважительные и доверительные. Наследственное имение, хотя и поделённое, у них имелось всего одно и требовало рачительного распоряжения. Известно, что каналья-управляющий, сколь его не поощряй, прежде всего свой личный интерес блюдёт, а не хозяйский. Фёдор и Иван не могли оставить успешно сложившуюся военную карьеру, поэтому присматривать за вотчиной досталось Павлу, оставившему вопреки своему желанию литературный Петербург и переехавшему ради общей пользы в Чирьково. В меру сил контролируя сельские доходы и расходы, Павел Васильевич иногда благодетельствовал братьев, пересылая им причитающиеся долевые суммы. Братья были ему безмерно благодарны и не упускали случая оказать ему полезными.

– Опять же говорю тебе, Павлуша, – с доброй улыбкой старшего младшему поворотился к брату Фёдор Васильевич, – это дело верное! В пушкинских сундуках великое множество очень хороших вещей как для сведения, так и для печати!

– Неужто довольно станет для дополнительного тома? – исподлобья взглянул на него Павел Васильевич.

Они сидели в гостиной, вольно развалившись на трёхместном ореховом диване с рельефной резьбой и шёлковой обивкой. В таком же стиле был подобран весь мебельный гарнитур. Придя со службы, Фёдор Васильевич не переменял строгого генеральского мундира на мягкий халат, поскольку в любую минуту мог быть вызван по делам. Свидетельством единственной уступки домашнему комфорту служили расстёгнутые петли расшитого золотом стоячего воротника.

– Уверяю тебя, что вполне хватит! Ты отписал нам, что в сундуках только плесень сыскать можно, а наш неутомимый Ванюша достал оттуда толстую тетрадь неопубликованных стихов, которую непременно должен был бы обнаружить ты, Павлуша, если бы не твоя привычная леность и самоуверенность! – пристально и иронично наблюдал он за братом.

На это Павел Васильевич глубоко вздохнул и развёл руками. По его полуприкрытым веками глазам и несколько пухлому лицу с широкими усами нельзя было положительно определить, что более выражал его взгляд – недоумение или сожаление. Недоумение как проявление недоверия к словам брата или сожаление о безвозвратно потерянном времени, о без малого двух годах с того дня, когда он впервые осмотрел пушкинский архив, увы, весьма поверхностно.

Из прихожей послышались звон колокольчика, звуки открываемой денщиком двери, и вскоре в гостиную вошёл самый младший из братьев, полковник Анненков Иван Васильевич, с золотыми аксельбантами и вензелями флигель-адъютанта на погонах. Он только что приехал из Чугуева, что близ Харькова, где по поручению императора проверял юнкеров.

Братья поднялись ему навстречу и радостно приветствовали, здороваясь и обнимаясь. Чертами лиц все они были схожи: кра-

сивые кареглазые брюнеты с аккуратными правильными носами и волосами угловым мыском вперёд по середине линии лба, что характерно в их семействе.

Большим сходством выделялись Фёдор и Иван. Стройные, подтянутые гвардейские кавалеристы с причёсками на армейский лад того времени, определявший, что виски следует зачёсывать вперёд «по-императорски», они немного отличались только усами. У послужившего генерала усы опущены вниз, а у молодого полковника кончики усов лихо загибались вверх. Павел же, как человек гражданский, волосы носил подлиннее, а животик содержал повольнее.

Внешний облик человека всегда свидетельствует о склонностях его натуры. Приученные к однозначным и чётким командам братья-военные привыкли быстро уяснять задачу, оценивать обстановку и действовать в соответствии с принятым решением.

Предоставленный произвольному сплетению мыслей Павел подолгу не мог определиться с отдачей предпочтения чему-либо конкретному, оставляя дела их естественному течению.

Фёдор и Иван с юности выбрали себе военную стезю и не сходили с неё, дослужившись до генеральских званий. Павел с родом занятий определился не сразу: сначала поступил в Петербургский горный институт, но оставил обучение, затем немного послужил в министерстве финансов и тоже уволился.

Когда он понял, что более всего ему по душе литературная деятельность, то зачислился вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета. Он искал общения с литераторами и сумел обратить на себя их внимание.

Определяющим в судьбе двадцатилетнего Анненкова оказалось знакомство с Николаем Васильевичем Гоголем, который был всего тремя годами старше, но уже начал публиковаться в литературной печати. Острый аналитический ум и умение Павла Васильевича поддерживать интересную беседу пришлось Гоголю по нраву, и он ввёл Анненкова в литературные круги. Как близкий друг, начинающий литератор присутствовал на премьере «Ревизора» и первом чтении «Мёртвых душ».

В дальнейшем способности П.В. Анненкова высоко оценил литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский, также оказавший ему поддержку. Он видел в Анненкове будущего литературного историка и критика.

В 1840-х годах П.В. Анненков дважды отправлялся за художественными впечатлениями в Европу. Результатами его литературных опытов стали очерки «Письма из-за границы», опубликованные в журнале «Отечественные записки». Через несколько лет полюбившийся жанр записок путешественника продолжился «Письмами из Парижа», вышедшими в журнале «Современник».

Павел Васильевич не упускал возможности заводить и поддерживать знакомства с литераторами. Помимо уже упомянутых Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского, он встречался и переписывался с И.С. Тургеневым, А.И. Герценом, И.Т. Грановским, В.П. Боткиным – очеркистом и критиком, издателями М.Н. Катковым и А.А. Краевским, а также многими другими пишущими деятелями, включая даже Карла Маркса.

Близкое общение с известными литераторами оказало благотворное влияние на формирование личности Павла Васильевича как тонкого и глубокого ценителя художественной литературы и авторитетного литературоведа.

Однако способность критика оценить произведение писателя совсем не означает возможность первого самому написать нечто лучшее вместо второго. И писатели, и критики, которые им оценки ставят, доподлинно знают, что править текст на бумаге значительно легче, чем внове создавать сюжет с чистого листа. Поэтому объяснима робость Павла Васильевича при первом приближении к изданию Пушкина. Он сомневался в себе вполне обоснованно, поскольку до сих пор ему приходилось писать о персонажах, ему известных, но с Александром Сергеевичем Пушкиным он даже не был знаком лично. В своё время Н.В. Гоголь намеревался ввести его в пушкинский круг, но случая не представилось. Да и полноценного историко-филологического образования он не получил, ведь вольные слушатели посещали либо не посещали занятия по своему желанию, экзаменов не

сдавали, документов об окончании университета не получали. А ведь биография представляет собой сочетание истории со словесностью. Наиболее желательным образованием для биографа является именно историко-филологическое, с которым он всего лишь соприкоснулся на «вольных» лекциях, но не получил его в полной мере.

Предполагалось, что биографию поэта мог бы написать кто-либо из его друзей литераторов. Среди них целое созвездие значимых в русской литературе имён: В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнёв, Н.В. Гоголь, П.Я. Чаадаев, Н.М. Языков, М.П. Погодин, В.А. Соллогуб, В.Ф. Одоевский, и этот перечень не полон. Пишущих много, а потрудиться над биографией Пушкина оказалось некому.

Что же касается П.В. Анненкова, то он к тому времени ещё не проявил всех своих потенциальных возможностей. Павел Васильевич тогда ещё не был личностью, способной поднять гигантский пушкинский пласт. Даже он сам не подозревал в себе таких творческих сил.

А вот его брат полковник Иван Васильевич Анненков нимало не сомневался в том, что Павел сможет подготовить полноценное издание Пушкина. Надо только его хорошенько организовать: раскачать, заинтересовать, убедить и придать нужное направление его действиям.

Иван Васильевич присел на стул возле стола перед братьями, занявшими прежние места на диване.

– Павлуша, я в самом деле подписал условие с генеральшей Ланской, – улыбнулся он брату. – Теперь ретирада невозможна. Только вперёд!

– И во что же нам обойдётся твоя затея, Ванюша? – забарабанил пальцами по подлокотнику Павел. – Попрошаю не из праздного любопытства, а как наш общий казначей. Голов у нас три, словно у Змея-Горыныча, а желудок-то всего один, и он нам общий – единственное наше имение. Чья бы глотка не перепила, а тошно станет всем.

– Твои сомнения безосновательны, Павлуша. Разобрав дело со всех сторон, я нашёл его верным и взялся за исполнение

твёрдо. Я решительно обязался уплатить генеральше пять тысяч рублей серебром, но с дохода после продажи книг! Сие означает, что не надобно платить сей час, но после того, как дело свершится. Ты доволен условиями договорённости?

– Не просчитаться бы нам с вами? – размышлял Павел Васильевич, посматривая то по сторонам, то на братьев.

– Все полагают, что дешево запросил Ланской, да ещё не сразу, а в долг, – заметил генерал.

– Многие знакомые, узнав о выгодном контракте, ломятся ко мне в дело, но не вижу в них прока, – подтвердил Иван Васильевич. – Тот же Николай Алексеевич Некрасов, издатель «Современника», хочет принять участие, да нам ни к чему, ведь он человек безденежной. Сами справимся. Я счёл тщательно, что печатать надобно пять тысяч экземпляров, при этом затраты возместятся при продаже половины книг, а остальное пойдёт в прибыль.

– Какие ещё предвидятся расходы, Ванюша? – открыл блокнот для записей литератор.

– Поскольку мы не платим Ланским сразу, то выходит так, будто они предоставили нам право печати в кредит. За это мы должны будем приплатить им ещё четыре процента со всей суммы со дня подписания условия, что составит 200 рублей в год. Словно наших пять тысяч уже лежат на их счету в банке, и на них идёт указанный процент, что нахожу справедливым. Платёж сей уже насчитывается и подстёгивает нас, как саврасок, дабы не спали в хомуте, а посему приступить к делу нужно отнюдь немедленно.

– Не осрамиться бы с нашим изданием, как вышло с первым, – по тону Павла Васильевича можно было предположить, что он колеблется. – Ты писал мне, что за ходом издания берутся смотреть Плетнёв и князь Вяземский? Однако, ведь именно они следили за подготовкой первого издания, которое получилось столь скверным.

– Ну, теперь-то они знают, на что следует обратить внимание и к чему стремиться! – попытался развеять сомнения полковник. – Помимо них проверит Боткин. Даже Некрасову покажем,

чтобы не говорил потом, что его не позвали. Образцы бумаги и оттиски печати я тебе высылал, а также стихи и мою тетрадь с выпиской того, что ещё не было напечатано, чтобы тебе не искать в сундуках. Сии новые стихи станут залогом успеха! Среди них есть цельные, а есть неоконченные, но такие замечательные, что их непременно надобно печатать. К примеру, послушай!

При последних словах полковник встал и, обращаясь к братьям, прочувствованно прочёл по памяти:

*Два чувства дивно близки нам;
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.*

*Без них нам целый мир пустыня,
И жизнь без них мертва;
И как Алтарь без божества...*

На этом месте полковник немного помолчал, справляясь с охватившим его волнением, и добавил:

– Стихотворение не окончено, но можем ли мы смести в сторону сии близкие каждому человеку высокие мысли поэта? А ведь из пушкинских сундуков этакие сокровища хоть горстями доставай! И их надобно подать достойно. Да мне сейчас все друзья Пушкина помогают, предоставляют материалы, потому что рады, что за печатание взялся я, а не кто-то из книготорговцев. К уже упомянутым могу добавить Соболевского и Виельгорского. Издание украсится двумя портретами Пушкина, детским и взрослым, его собственноручными виньетками и образцами почерка. Айвазовский взялся написать картины к морским сюжетам стихов! В результате трёх месяцев моего постоянного

труда печатание вышло на столь высокий уровень, что сие есть не искание выгоды, а желание всех друзей Пушкина исполнить издание наилучшим образом. Я же взял на свои плечи общие хлопоты по изданию и затраты. Если всё-таки просчитаюсь, то один виноват в том буду, а в случае успеха рады будем все. Но при таком исходе есть риск затмить твоё имя в литературе, Павлуша, а я сего не желаю. Тебе надобно перенять от меня все дела по печатанию, написать биографию и критический разбор творчества поэта, и поступать далее, как сочтёшь нужным во благо издания. Коли ты откажешься, то я сыщу кого-либо со стороны, но жаль будет новых расходов, да и не хочу пускать в наше дело посторонних.

– Что ж, Павлуша, берёшься ль ты за это дело? – поинтересовался старший брат генерал. – Постигаешь ли, что мы к великой славе тебя подвигаем? Нас с Ванюшей позабудут, тех, кто понукал тебя и подталкивал к пушкинской стезе, а твоё имя прославится и останется в памяти России, доколь Пушкина помнить будут!

– Мне представляется странным, Павлуша, что это я тебе предлагаю взять в свои руки издание Пушкина, а не ты просишь меня: «Ванюша, твой командир полка – Ланской? Ведь он женат на вдове Пушкина? Узнай, не сохранились ли у неё бумаги поэта? Возможно, она позволит мне их издать на неких условиях?» – полковник в лицах разыграл предполагаемый диалог и добродушно рассмеялся.

Заулыбались и братья. Они встали с дивана, и Павел Васильевич протянул им руки для пожатия.

– Убедили! Согласен!

V. КТО ВСЛЕД ЗА ПЕРВЫМ, ТОТ ВТОРОЙ

Весть о том, что Павел Васильевич Анненков взялся продолжить дело брата, быстро облетела Москву. Новость получила подтверждение из первых уст на вечере у М.П. Погодина

7 октября того же 1851 года. Михаил Петрович периодически устраивал «литературные поминки Пушкина», на которые являлись друзья поэта. Сюда и привёл П.В. Анненкова Николай Васильевич Гоголь. Именно на этом вечере познакомились молодой пушкинист с начинающим: двадцатидвухлетний кандидат Московского университета П.И. Бартенева, несколькими месяцами ранее окончивший историко-филологический факультет, и тридцатидевятилетний литератор П.В. Анненков.

Каковы бы ни были в дальнейшем достижения последнего в пушкинистике, это будут успехи второго пушкиниста, потому что он пришёл не на пустое поле – пушкинскую ниву до него уже плодотворно возделывал Бартенева.

По просьбе Анненкова Пётр Иванович показал ему свои пушкинские изыскания, полагая, что через него ему удастся что-либо уточнить о жизни поэта. Ожидания не оправдались, ведь конкуренты не смогут стать искренними друзьями. Вероятно, оценив цепкую хватку Бартенева в пушкинистике, Павел Васильевич обеспокоился, как бы первый биограф Пушкина не обошёл на костылях их великолепную анненковскую тройку.

Профессионального литературоведа Бартенева, в отличие от Анненкова, совсем не утрашала «громкость задачи» освоения пушкинского наследия. Напротив, Пётр Иванович обладал всеми необходимыми качествами биографа и всеми силами стремился получить как можно более полные сведения о поэте и его творчестве. Уж он-то отчётливо понимал, что именно нужно делать для подготовки нового издания сочинений поэта, и очень сожалел, что не имел доступа к пушкинскому архиву.

С того времени развитие пушкинистики получило самостоятельный характер. Навёрстывая упущенные годы, П.В. Анненков отправился в Санкт-Петербург для изучения пушкинского архива, благо, что его брат Иван Васильевич провёл огромную предварительную работу по разбору пушкинских бумаг.

Бартенева же, не откладывая дела в долгий ящик, уже в ноябре опубликовал «Отрывки из писем Пушкина к П.В. Нащокину» в погодинском журнале «Москвитянин» (№ 23, за 1851 г.). Михаил Петрович благоволил Бартенева, признавая его

настоящим биографом и считая, что «лучших рук и представить нельзя». Но как-то ещё проявит себя Анненков? Ведь в его распоряжении весь архив, а Бартенев вынужден довольствоваться малым.

Следуя параллельными курсами, беседуя с одними и теми же друзьями Пушкина, оба пушкиниста взялись за написание биографии поэта.

Несмотря на скромные возможности, Бартеневу удалось собрать достаточно сведений о жизни поэта, чтобы сказать о нём своё слово. «Не без основания думаю, что издание Анненкова не совсем уничтожит мои труды... Хочу состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям», – писал он П.А. Плетневу в конце 1852 года.

Предвосхищая олимпийский принцип: «Хоть упади на финише, но коснись ленточки первым!», Бартенев опередил Анненкова в публикации. Первую статью о биографии поэта Пётр Иванович написал 11 июня 1853 года и опубликовал в ноябре того же года (см. главу III).

П.В. Анненков закончил писать биографию А.С. Пушкина 26 июля 1853 г. Печатать её предполагалось в составе издания, первым томом которого она являлась. Последующие пять томов сочинений поэта были составлены им в августе-сентябре того же года. Разрешение цензурного комитета на издание всех шести томов выдано в октябре 1854 года.

Через месяц в печати появилась уже следующая глава Бартенева о жизни поэта.

В феврале 1855 года из типографии вышли первые два тома издания Анненкова. Следующие четыре тома были напечатаны в течение этого же года. Дополнительный, седьмой том появится в 1857 году.

Успех издания Павла Васильевича Анненкова был ошеломляющим. Литераторы славили его имя. Наконец-то читающая Россия получила наиболее полное по тому времени и достойно изданное собрание сочинений с биографией любимого поэта! В этом заключается главная заслуга второго пушкиниста П.В. Анненкова. Для читателей имя издателя не имело суще-

ственного значения: тот ли, другой ли – какая разница! Главное, что дело было сделано. Пушкин-то однозначно выиграл! Труды и память великого национального поэта должным образом увековечены на книжной полке!

Да, первая биография поэта состоялась, однако изложить материал можно по-разному. Все ли события из жизни поэта нашли своё отражение? Все ли стихи и письма отысканы? Насколько компетентны комментарии к произведениям поэта и к эпизодам его судьбы? Бартенев не прекратил «состязаться в любви к Пушкину и во внимательности к его творениям».

Невзирая на достижения конкурента, Бартенев в том же 1855 году подтвердил серьёзность своих намерений опубликованием ещё двух биографических пушкинских глав, чем предоставил читателям право оценить, чьё же перо лучше. В этих главах он указал на обнаруженные им неточности, а также на отсутствие некоторых пушкинских стихов в издании П.В. Анненкова.

Публикации Бартенева могли повредить успехам Анненкова, поэтому, чтобы устранить соперника, братья задействовали возможности административного ресурса. Полковник И.В. Анненков воспользовался своим положением члена негласного цензурного комитета и добился запрета на печатание трудов П.И. Бартенева.

Подставил плечо ради успеха общего семейного дела и старший брат генерал Ф.В. Анненков, служивший в описываемое время Нижегородским губернатором. На ярмарке 1855 года он распорядился допускать купцов к торговле не иначе, как после покупки ими за 12 рублей серебром билета на получение анненковского издания сочинений А.С. Пушкина. Требовалось рассчитаться с вдовой поэта и выплатить кредит, взятый для расходов по печати.

Что же касается П.И. Бартенева, то его имя как первого пушкинского биографа временно оказалось в тени П.В. Анненкова. Однако Бартенев остался на всю жизнь «влюблён в поэзию Пушкина и в память об нём» (из письма С.П. Шевырёва к П.А. Плетневу). Он настойчиво продолжал работу над своей

пушкинской серией. Новые главы, не изданные по произволу Анненковых, положили основу его книги «Пушкин в Южной России. Материалы для его биографии», которая вышла в свет в 1862 году.

В жизни Петра Ивановича Бартенева пушкинская тема стала наиглавнейшей во всей литературе, и он продолжал настойчиво отыскивать всё новые и новые сведения о поэте. Сам того не ожидая, но благодаря своей собирательской деятельности Бартенев сохранил некоторые из пушкинских стихотворений, оригиналы которых неизвестны до сих пор. Будучи основателем, издателем и редактором историко-литературного журнала «Русский архив», Бартенев в период с 1863 по 1912 годы опубликовал на страницах этого издания свыше 230 материалов о Пушкине, в том числе более 30 своих работ.

Подошла пора, когда улеглись восторги, относящиеся к анненковскому изданию, и наступило время сравнения и анализа. Литературоведам стало очевидно, что упомянутое издание, при всех его достоинствах, действительно имеет очень много изъянов.

Объективности ради надо признать, что составить совершенно точное жизнеописание любого человека невозможно, потому что даже в хронологии некоторых событий собственной жизни ошибается каждый. Тем более вероятны ошибки биографа в отношении исследуемой личности.

В качестве примера уместно вспомнить о том, что даже год рождения П.В. Анненкова, умершего в 1887 году, указан его женой на могильной плите спорный – 1813-й. Сам Павел Васильевич, обращавшийся в 1832 году в духовную консисторию, получил ответ, что метрическая книга с записями о крещении младенцев сгорела в пожаре. Однако нашлись свидетели, в том числе дьякон церкви, которые подтвердили факт его крещения в июне 1812 года.

Можно ли верить показаниям свидетелей через двадцать лет после события? В данном случае – вполне возможно, потому что вся жизнь москвичей тогда поделилась на «до» и «после» наполеоновского нашествия и московского пожара, в котором

и сгорела эта церковь. Свидетели запомнили, что ребёнка крестили перед нашествием, а не после, когда уже и церкви-то не существовало.

На памяти жены Анненкова Г.А. Ракович (1831–1899), появившейся в его жизни довольно поздно, только в 1861 году, не имелось в жизни мужа хронологических точек отсчёта почти восьмидесятилетней давности. Годом раньше, годом позже – перепутала или не знала? Вот так и появляются ошибки в жизнеописаниях людей. Даже жена оказалась неточна в отношении своего мужа.

А у нас «в предмете» – целый ПУШКИН! Да им же академия наук в течение века должна заниматься, настолько пушкинская тема обширна и значима для России! Несколько поколений литературоведов, критиков, историков, писателей и биографов должны искать, проверять, сравнивать, комментировать, писать и публиковать его произведения, письма, воспоминания друзей и сведения о нём! Так и получилось в отечественной пушкиниане, вклад в которую внесли десятки литераторов, каждый по своему направлению деятельности.

Особое место среди них занимает герой нашего повествования – Пётр Иванович Бартенев.

По мнению известного пушкиниста Мстислава Александровича Цявловского (1883–1947), «главная заслуга Бартенева перед пушкиноведением – это собирание и публикация материалов по биографии поэта. В этом отношении не было и, конечно, не будет среди пушкинистов равных ему».

Авторитетный пушкинист Борис Львович Модзалевский (1874–1928) полагал, что «П.И. Бартенева следует считать главою научного пушкиноведения, основателем “науки о Пушкине”. Человек с большим научным и литературным образованием, с обширнейшими историческими и историко-литературными познаниями, с редкой склонностью к русской словесности и с благоговеющей любовью к Пушкину – он был первым русским учёным, который спустя лишь десяток лет после смерти поэта начал собирать материалы о нём и его литературном наследии».

Исследуя жизнь Пушкина, первый биограф великого поэта, наверное, не подозревал, что наступит время, когда его собственная биография станет предметом внимания потомков. К счастью, Пётр Иванович иногда проставлял на собираемых листах даты своих записей. Впоследствии это обстоятельство позволило М.А. Цявловскому установить, что самая ранняя запись пушкинских строк Бартевым сделана 6 мая 1848 года. Именно эту дату можно с полным основанием считать началом бартевской, а значит, и российской пушкинистики. Историческую хронологию науки о Пушкине уже нельзя изменить.

Иван ПАНИН

Иван Николаевич Панин – член Союза писателей России, доктор экономических наук. Председатель Ревизионной комиссии Московской городской организации Союза писателей России. Автор художественных, научно-популярных и научно-художественных изданий, в том числе «О России с любовью» (2008), «Четыре жизни Чехова» (председатель редакционной коллегии, 2010), «Чеховское Подмосковье» (редактор, 2016), «Чехов в Вене» (2018), «Чехов... Встречи в Крыму» (2023), «Пушкин. Путешествие по Крыму» (2024). Автор литературно-критических статей в периодических изданиях по проблемам современного литературного процесса и вопросам воспитания подрастающего поколения.

И.Н. Панин – победитель литературного конкурса МГО СП России «Лучшая книга года 2024» за книгу «А.С. Пушкин. Путешествие по Крыму» и многих других литературных премий.

Деятельность И.Н. Панина отмечена Благодарственным письмом Президента Российской Федерации, Благодарностью министра культуры РФ, Благодарностью Государственной Думы РФ.

И.Н. Панин – активный общественный деятель, известный меценат.

Живёт в Москве.

ПУШКИН ЛЮБИЛ МОСКВУ!

Очерк

Как появилась книга о Пушкинской Москве? Ее началом послужил роман «Евгений Онегин». Сколько же там упоминаний нашей любимой столицы! Вот и проехав как-то по району, где находился дворец Юсуповых, вспомнились строки поэта:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны мильи идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не дотив до дня
Бокала полного вина,
Кто не дочел её романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

Будущий поэт появился на свет в бывшей Немецкой слободе во дворе И.В. Скворцова. Историк С.К. Романюк установил, что дом этот, давно уже не существующий, находился на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка, выводящего к Яузе. Сегодня это неприметный небольшой перекресток со светофором, который торопливо пересекают и автомобили, и пешеходы. Совсем близко Лефортовская площадь и съезды Третьего транспортного кольца, так что автомобилей здесь хватает. И пешеходов тоже, ведь вдоль Яузы расположен внушительный комплекс зданий Технического университета имени Н.Э. Баумана.

Двор Скворцова – это была усадьба, состоявшая из нескольких деревянных строений. Он находился напротив двора Д.П. Бутурлина, что, вероятно, для матери поэта Надежды Осиповны было удобно. Но по этому адресу Пушкины жили недолго. Они вообще подолгу в одном месте не задерживались, а часто в те годы меняли места проживания в городе. Осенью того же года они переехали в район Огородной слободы, где с именем Пушкиных связаны около двух десятков адресов, из которых до наших дней сохранился только один – палаты князя Юсупова, с упоминания которых я начал эту статью. Именно адрес Юсуповского дворца имеет особое значение, потому как сегодня это то немногое, что сохранилось из тех мест, которые связаны с годами детства поэта.

Усадьба Юсуповых располагалась на двух сторонах Хомятовской улицы. Сердцем усадьбы были каменные палаты XVII в. – свидетельство древности княжеского рода, хотя не Юсуповы строили эти палаты и не они их перестраивали. Юсуповы приобрели вековой дворец лишь в 1728 г., но с тех пор приумножали и благоустраивали доставшуюся им собственность, достраивая и прикупая недостающее. Среди прикупленного был двор Сукина, перешедший в собственность Юсуповых в 1773 г. На дворе было отдельное жилое строение, соединённое впоследствии с основным юсуповским дворцом оранжереей. Это жилое строение и было квартирой семейства Сергея Львовича Пушкина в 1802–1803 гг. За домом был разбит сад регулярной планировки.

Поскольку Юсупов увлекался садоводством и ботаническими коллекциями, то следует полагать, что в тёплое время года сад украшался кадочными культурами. По условиям найма Пушкины могли пользоваться садом как своим собственным за исключением сбора плодов в нём, что говорит нам о том, что деревья и кустарники в саду были плодовыми. В кадочной культуре в юсуповской оранжерее выращивались груши, персики, вишни, сливы, абрикосы, лавры и виноградные лозы. В уличной – яблони, смородина и крыжовник. Напротив, через улицу, находился обширный и известный Юсуповский сад. Он

был открыт для благородных посетителей в отличие от того внутреннего сада, который достался Пушкиным без плодов по контракту.

Юсуповский сад занимал площадь около одного гектара и был окружен снаружи глухой стеной, что создавало в саду благоприятный микроклимат, защищая его от ветра. Юсуповский сад был важной частью детских впечатлений Александра Пушкина. В 1830 г. он принялся за план биографических записок, однако лишь набросал план. В тот год умер Василий Львович Пушкин – самый близкий к Александру Сергеевичу из старших родственников. Утрата многое вызвала в памяти из старого, давно, казалось бы, забытого. И среди этой старины, легшей на бумагу в виде программы автобиографических записок, были и слова «Юсупов сад».

География пушкинской Москвы разнообразна. Пушкины проживали в Москве в разных районах. Около 1807 г. родители поэта переехали в сначала на Поварскую, затем на Малую Бронную, потом жили в Хлебном переулке, но вскоре вернулись в привычные кварталы. В 1809 г. они сняли квартиру на Мясницкой, в приходе Николая Чудотворца. Здесь началось серьёзное учение подростка Александра Пушкина – ему наняли учителя. Сергей Львович Пушкин был привержен традициям прошлого, он считал, что пришла пора сыну вступать во взрослую жизнь, необходимо было выучиться и начать службу, как подобает дворянину.

Он выбрал для сына лучшую из столичных школ. Новая школа называлась Лицеум, и во главе её стоял Василий Фёдорович Малиновский, друг детства братьев Василия и Сергея Пушкиных, сын священника их приходской Троицкой церкви. Он был назначен директором Лицея. Эта школа должна была стать продолжателем славного рода Пушкиных прочным фундаментом для дальнейшей службы. Было ясно, что из всех братьев Львовичей Пушкиных сыновья – только у Сергея Львовича. Им и быть продолжателями рода. А старшие – доживут на покое в Москве, собравшись, как раньше, в тесный семейный клан.

В романе «Евгений Онегин» поэт ностальгически вспоминает именно о той, оставшейся в прошлом, патриархальной Москве. В том числе и в романе «Евгений Онегин».

Ларины от Пушкинской площади ехали по кольцу бульваров, на месте которых ранее были когда-то стены Белого города. Они двигались вдоль Кузнецкого моста, района модных магазинов. На левом крутом берегу реки Неглинка находилась слобода кузнецов – Кузнецкая слобода. Через речку был построен мост, который долгие годы был деревянным. Его называли Кузнецким. Мост много раз смывало половодьем, но его вновь восстанавливали. А в середине XVIII века по проекту известнейшего московского архитектора князя Д.В. Ухтомского построили мост белокаменный, трёхпролётный, шириной 12 м и длиной 120 м. Подъезды к мосту стали известной нам московской улицей, получившей название Кузнецкий Мост.

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тётке,
Четвёртый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простёртой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.*

Этот отрывок, конечно, не столько о географии Москвы, сколько о её жителях. А для Татьяны Лариной Москва началась с Петровского дворца и одноимённого парка. Сейчас Петровский путевой дворец находится в центре нашего города, а в то время это был пригород. Он был построен во времена

царствования Екатерины II. В 1812 году здесь останавливался Наполеон с сопровождающими его штабом и гвардией. Когда Наполеон оставил дворец, строение сильно пострадало в огне. После войны пострадавшее здание быстро подвели под крышу, но восстановительные работы продолжались до 1840-х годов.

*Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошёл! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Моя книга о Пушкинской Москве рассказывает о предках А.С. Пушкина – москвичах, о местностях, связанных с их именами, о местах жительства деда и отца поэта. Я постарался проследить связь рода Пушкиных с Москвой от середины XVII в. до 1812 г. Приведены архивные сведения, о которых я раньше не видел упоминаний в открытых источниках. Особенное внимание в книге уделяется топонимике и истории развития московских улиц в XVIII в., что, по-моему, важно для такого издания.

Александр Сергеевич любил Москву, и гордился тем, что он родился в древней столице, в одном из старинных московских семейств. Для поэта было предметом особой гордости считаться москвичом, равно как и гордился он древностью своего рода. Эту гордость, подчас походившую на сословную спесь, воспитали в поэте его старшие родственники, любившие вспо-

минать, кто чем прославился и кто чем ославился из пращуров. Тому были и внешние причины – разделы имущества, тяжбы о наследстве, необходимость представлять в герольдию родословную. А к тому же в первые годы XIX в. ещё не была изжита привычка считать роднее всех, кто восходит к одному прадеду, а то и прапрадеду.

Для любого издания подобного рода важны воспоминания очевидцев. Их, к сожалению, сохранилось мало. Например, вот что рассказывала московская долгожительница Е.П. Янькова своему внуку Д.Д. Благово: «Теперь родство стали ни во что вменять, – как скоро не родные братья и сёстры, так и не родня: на двоюродных сестрах женятся; чего доброго, придёт время, пожалуй, и за родных братьев сестры станут выходить, и дядья поженятся на родных племянницах! Нет, в наше время, пока можно счесть родством – родня, а ежели дальше очень родство, всё-таки не чужие, а свои люди – в свойстве. От знакомства и от дружбы можно отказаться, а от родства, как ты ни вертись, признавай не признавай, а отказаться нельзя: всё-таки родня».

Е.П. Янькова принадлежала к тому же поколению, что и родители поэта, и, кстати, была с ними знакома, так как происходила из богатого и родовитого дворянства. В своих рассказах она оставила субъективные характеристики родителей и старших родственников поэта. Что в них верно, а что спорно – о том можно судить, сравнив впечатления Яньковой со свидетельствами других мемуаристов. И, конечно же, изучая документы той эпохи. Ещё раз выскажу сожаление, что документов тех времён сохранилось немного. Причиной этого стал отчасти пожар 1812 г., навсегда изменивший облик Москвы. Для всех жителей города того времени пожар стал грандиозной вехой, от которой вели счёт событиям.

Так, например, журналист М.Н. Макаров начинает воспоминания о встрече с Пушкиным-ребёнком со слов: «Когда это было, в 1810, 1811 или не позднее, как в начале 1812 года, и в какую именно пору, право, этого хорошенько и точно я теперь сказать не могу. Тридцать лет назад – порядочная работа для памяти человеческой». Поэт П.А. Вяземский и вовсе уподобляет

допожарную Москву библейскому допотопному миру, безвозвратно отнятому у человечества за грехи.

Этому безвозвратно утраченному миру допожарной Москвы принадлежало детство Александра Сергеевича Пушкина. Поэт нежно и преданно любил ту пору, когда барская, гостеприимная, сплочённая близким и дальним родством Москва неторопливо предавалась своим главным занятиям – учёным разговорам и хлебосольству.

Вот в такую Москву и привез поэт свою героиню Татьяну Ларину. Именно такую Москву любил Пушкин. Татьяна Ларина прибыла в Москву зимой «на ярмарку невест». Радости она по этому поводу не испытывала.

*Вот, окружён своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавно гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленапреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приёмный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружён,
Глядел на грозный пламень он.*

Но это – уже другое время. И совсем другая Москва, послепожарная. А где прошло детство поэта? Вот что меня интересовало в первую очередь.

Детские годы Александра Сергеевича Пушкина прошли в Огородной слободе Земляного города. Эти кварталы находились в районе, ограниченном Мясницкой улицей и Покровкой между Бульварным и Садовым кольцами. Сегодня это тихие переулочки, в которых старина уживается с конструктивистскими

многоквартирными домами, а роскошные особняки с безликими новоделами, стоящими на фундаментах XVIII в.

Какой же была Огородная слобода в начале XIX в.? Своё буквальное значение – поселение огородников, поставлявших овощи к царскому столу – слобода утратила после переезда царского двора из Москвы в новую столицу. Огороды ранее занимали обширные незастроенные участки. На них-то и обратили внимание многие представители знатных родов, когда на Яузе, близ Немецкой слободы, возник новый полюс вельможного притяжения. От Кремля к Яузским дворцам вели три дороги. Самый прямой путь – из Кремля через Спасскую башню, затем по Ильинке, по Покровке и Старой Басманной. Самые роскошные дворцы выстроились вдоль этой оси. Апраксины, Трубецкие, Голицыны, Муравьёвы, Мусины-Пушкины, Демидовы... К концу блистательного XVIII в. творения Дмитрия Ухтомского и Матвея Казакова определяли вид лучших улиц, а от Кремля по направлению к Немецкой слободе было возведено их множество. Немногие из них, к сожалению, пережили большой московский пожар 1812 г.

Удобное положение привлекло высшие слои московского общества, и огороды стали застраиваться домами и усадьбами, обширные участки превращались в частные сады или парки. Квартал стал приобретать необходимое престижной репутации изящество. К концу XVIII в. этот уголок стал прибежищем старомосковской респектабельности.

Для отца поэта эти места Сергея Львовича могли быть еще и памятными, ведь в годы его детства тут была устроена катальная горка и карусели. Катальная горка была частью развлекательной программы в дни коронации Екатерины II, так что эти развлечения подходили для детей из древних дворянских родов. Это было важно для Пушкиных: в чинах они не выделялись и питали сословную спесь древностью и славностью рода. Эта черта ярко проявилась в личности самого поэта.

Москва ещё сохраняла славу прошлого, но была прочно забыта царём и двором. Здесь доживали свой век екатерининские вельможи, чья привычка к роскоши поражала изрядно обе-

дневшие младшие поколения. Дворцы вельмож один за другим выкупались государем и передавались под размещение учебных заведений, казарм, архивов и богаделен.

Спустя годы Александр Сергеевич Пушкин вернулся в другую Москву, николаевскую. Здесь вместо большой весёлой семьи и многочисленного общества приятелей отца, живших литературой, как иные живут сплетнями, поэт застал лишь дядю и тётку, постаревших и смешных с их подчеркнутой чувствительностью, привычкой выяснять родство, рассказывать по чинам. Это было хорошим тоном в екатерининской Москве их детства. Так привычно поступали и в короткое царствование Павла I, и в годы царствования Александра I до самого французского нашествия и страшного пожара, лишившего достатка, крова и иллюзий русского дворянина эпохи Просвещения.

Книга богато иллюстрирована, за что я признателен издательству «Гелиос АРВ». А также благодарю редактора Л.А. Королёву, без помощи которой эта книга могла не состояться.

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссь» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

ВИТРАЖИ СЕРДЦА

В ДЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ АПРЕЛЯ...

В день девятнадцатый апреля
Весна с гитарою в руках
Меня качала в колыбели
В вечерних сизых облаках.
Дарила образы и строчки –
Основу будущих стихов,
Чтоб распускались, словно почки,
Во искупление грехов.
Дарила дерзкие сюжеты –
Рассказов жизненных витраж,
Чтоб стать прозаиком поэту,
Хоть это всё мираж, мираж...
Дарила кисти мне и краски,
Чтоб мысль легла на полотно...
Я много лет живу, как в сказке –
Мне Богом Творчество дано!

УГОЛКИ РОССИИ

Я душой рисую уголки России:
Церковь с колокольной на пригорке ждёт,
Лес вдали за полем отливает синью,
Сквер под пёстрой шалью погулять зовёт.

Деревенский домик дарит радость детства,
Море лижет руку, как бездомный пёс.
Горы и озёра – славное соседство,
И навис над речкой господин утёс.

В речке пудрят носик облака и небо,
На лугу танцуют бабочки фокстрот.
Приезжай в Россию, если ты здесь не был –
Сразу дух захватит от её красот.

ВЕСЕННЕЕ ...

Добавьте красок в вашу жизнь,
Ведь за окном весна в разгаре.

Сквозь дымку в розовом муаре
Слагает небо витражи
Из разноцветных облаков:
Вверху светлее, снизу серых.
В них есть Любовь, Надежда, Вера –
Они свободны от оков.

На ветках клейкие листки
Дрожат, когда подует ветер.
И нет нежнее их на свете.
Не умирают вопреки
Морозам лёгким по ночам:
В апреле стойкость им присуща.
Ряды из новобранцев гуще
День ото дня. Хвала лучам!
Они нацелены в окно,
Пускают зайчики на стенах.
О! Это дар такой бесценный,
Но скоротечен всё равно.

А птицы весело поют –
Им скоро пища будет вдоволь.
Их песни, как молитвословы.
Призвание их – дарить уют.

Дарить спокойствие сердцам,
 Что по весне так тосковали.
 Ведь скоро Пасха. Прочь печали!
 Господь, будь милостив Ты к нам!

ВЕСНА ИДЁТ

Весна идёт! Весне дорогу!

М. Вольпин

Март месяц кончиком пера
 Чернилами выводит тени.
 Морозно было так с утра.
 А днём тепло лишь для растений.
 Подснежники уже в пути –
 Там, где земля и наст из листьев,
 Они торопятся взойти,
 От снега лепестки очистив.

Берет французский – то апрель.
 Целует кистью он листочки.
 Его цветная акварель –
 Весенней нежности источник.
 Размыты лужи, солнце в них
 Ныряет вместе с облаками.
 А небо в брызгах нитяных.
 К нему мы тянемся руками.

Вот май. Мальчишка. Сорванец.
 В гуашь все пальцы он макает,
 Рисует радугу – венец
 Своих фантазий. Пусть узнает

Весь мир о том, что краски есть.
 В природе их безумно много.
 Оттенков зелени не счесть...
 Весна идёт! Весне дорогу!

ВИТРАЖИ СЕРДЦА

Какое бы ни было лето,
 Оно твоим чувством согрето –
 Любовью к пастельным рассветам,
 К туману над старым прудом.

К зажжённым, как свечки, люпинам,
 Струящимся ивы седином,
 К цветущим душистым жасминам,
 Что память хранят о былом.

И к лугу, где травы примяты,
 К реке, где так страстны закаты,
 И к дивному запаху мяты,
 Проникшему в соты души.

К ласкающим слух песнопеньям
 И к тучам, дарящим волнение.
 Возьми эти чудо-мгновенья
 И в сердце создай витражи.

КОЛЕСНИЦА

Колесница быстро катится сквозь лето.
 Вот в июнь заехала, нарвала букет,
 Все туманы выпила, встретила рассветы,
 Солнышку лучистому передав привет.

По июлю двигалась, запах трав вдыхая,
Землянике кланялась в пояс до земли.
Облака молочные в стаю собирая,
Подмигнула ветру, что шумит вдали.

На пути встал август – месяц урожайный.
За грибами съездила в близлежащий лес.
Собирала звёзды на тропинке тайной,
Что упали ночью в звездопад с небес.

Лето пролетает быстрой колесницей:
Запахи вдыхайте, наслаждайтесь им,
Подставляйте солнцу, ветру ваши лица –
Это вам поможет подружиться с ним.

ОСЕНИ ДАРЫ

Я в осень кутаюсь, как в плед:
В листву, что за ночь покраснела,
И в воду, что заледенела,
Оставив на асфальте след.

Меня укроют облака,
Они раскинулись, как крылья,
И сказка снова станет былью,
Ведь небо – это на века.

Вдыхаю воздух. Он так свеж.
Мне о любви пел ночью дождик,
Смешал все краски. Вот художник!
Ню. На деревьях нет одежд.

Мороз. Рябины терпкий вкус,
И загубели губы. Ветер...
Он за шершавости в ответе,
Но я печали не боюсь.

Вручает осень мне дары
Из ощущений и эмоций,
Любви, прозрачности и солнца –
И нет прекраснее поры.

ДОРОГА, ЧТО УХОДИТ ВДАЛЬ

Пью из бокала сентября..
В нём много листьев и прохлады.
Листва кружит. Мне очень надо
Понять, что всё это не зря.

Вдыхаю запах. Ведь земля,
Вздыхая грудь, так славно дышит.
Её дыхание услыша,
Хочу отправиться в поля

И увядание цветов
Увидеть. Это неизбежность,
Где лета страсть сменяет нежность
Осенних робких лепестков.

Хочу почувствовать хрусталь
Дождя я нитей тёплой кожей,
Понять, на что она похожа,
Дорога, что уходит вдаль.

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ НА ПОТОМ...

Не оставляйте на потом
Те вещи, что душе приятны,
Людей, которые понятны,
Родной до боли детства дом,

Родителей, визиты к ним,
Объятия, ласковые речи,
Ведь очень ценны эти встречи,
То, что имеем, не храним.

Ведь завтра может и не быть
Тех, кто любил вас безусловно.
Любовь порой немногословна,
Она тонка, как сердца нить.

В любви признайтесь вы родным,
Они так ждут от нас участия.
И с ними рядом быть – вот счастье
По будням и по выходным.

Быть терпеливыми к слезам
Порой плохому настроенью,
К болячкам и к прикосновенью
Руки в морщинах к образам.

Пусть будут крылья за спиной
У вас, пока родные живы.
Вы колоски семейной нивы –
Не нужно радости иной.

НИЧТО НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ

Ничто не повторяется. Увы..
А детство так безоблачно и ясно.
С родителями всюду безопасно,
И ты ныряешь в юный цвет листвы.

Вот отрочества чудные черты –
С друзьями жизнь становится весельем,
И чувства разноцветной каруселью
Кружатся, словно дерзкие мечты.

И юности заветная пора.
С возлюбленным прогулки под луною.
Сердца слились, звеня одной струною.
Мелодия продлится до утра.

Ах, молодость торопится, спешит
Вкусить плоды. Заветный – непременно,
И каждый день приносит перемены,
Что станут испытаньем для души.

Вот зрелость, и заполнен жизни лист,
Тебя ждёт подведение итогов.
Судить себя пытаешься ты строго,
Ведь путь был так извилист и тернист.

И старость постучится скоро в дверь,
Она ворвётся в жизнь твою метелью,
И дни, что так тянулись канителью,
Короткими вдруг станут от потерь.

Захочется послушать гул листвы,
Мелодии любви навек стать частью,
Вкусить плоды познания и счастья.
Но жизнь не повторяется. Увы!

РОДИНА

А Родина у каждого своя:
Одним милее нет родной деревни,
Где осенью беременны деревья,
И мокнет под дождями колея.

Другим никак без моря не прожить –
К себе оно их тянет, как магнитом,
И магией воды сердца разбиты
Там, где прошита горизонта нить.

Пустой была бы жизнь иных без гор,
Где снег лежит, но воздух пряный очень,
А старики удачу всем пророчат,
И вторит горцам звёздный приговор.

А я большого города дитя.
Артериями сделались дороги,
Но ждёт меня, как мама, на пороге
Москва, и к ней все помыслы летят.

МОЛЮСЬ О МИРЕ ДЛЯ СЛАВЯН

Молюсь о мире для славян,
Чтоб небо чистое над нами.
Чтоб не было душевных ран,
И чтоб, как раньше, городами
Дружили мы. Чтоб храмов звон
Ласкал нам слух с утра до ночи,
Чтобы солдат не слышать стон,
Родных любить что было мочи.

Чтобы спокойны за детей,
Их выростив себе на радость,
Все мамы были. Без затей
Земле и солнцу улыбались.
Молю я Господа: Прости
Нас, грешных. Дай нам силы выжить,
И мудрость дай на всём пути,
И Веру, чтоб Тебя слышать.

Нина ХРУЩЁВА

Нина Леонидовна Хрущёва – прозаик. Член МГО СП России. Долгое время работала на скорой помощи. Издавалась в журнале «Врачи пишут», «Лучина». Автор трёх книг прозы. Победитель конкурса рассказов в народный альманах «Незабываемые Истории Победы».

Живёт в Москве.

БАБОЧКА

Повесть

Сегодня Иван получил приказ об увольнении. Служба его закончилась. Последнее время он этого ждал, но когда пришёл приказ, растерялся, понимая, что жизнь прошла, а он и не заметил. Он получал новые звания и награды, но как будто всё время бежал по беговой дорожке, не останавливаясь. Жена давно говорила, что пора начать жить как все, а не так как они – «на чемоданах». Он не возражал, но, получив очередной приказ, звонил и сообщал, что они опять переезжают. Шурочка безропотно соглашалась, как будто это она служила, а не он, и не имела права отказаться.

Рассказав жене, что его списали в запас по возрасту и направляют преподавать в Академию, Иван увидел, как счастливо она улыбается.

– Ваня, как долго я этого ждала! Но я ждала не Академию. Я опять тебя не буду видеть. Вспомни, как мы мечтали! Закончится служба, и мы уедем жить в домик твоих родителей на Волгу.

Иван вздохнул, но ничего не ответил.

Он долго не мог заснуть. Смотрел на спящую Шурочку: «Столько лет сохранять верность и ждать, ждать меня из командировок. Она моталась со мной по гарнизонам, мирилась с очередной утратой привычных, московских удобств», – думал Иван.

В итоге он решил согласиться с женой и только тогда словно провалился в сонное забытьё.

Не прошло и месяца, как Иван стоял возле родительского дома.

Дом отец построил добротный, и время его почти не изменило. Ивану казалось, что он вернулся в детство, а отец только что ушёл на работу. Он работал кузнецом, а маленький сынишка целыми днями пропадал рядом с ним. Как же давно это было!

В доме на стене висел большой, причудливой формы ключ. Иван взял его в руки, и, поглаживая холодный металл, быстро зашагал к знакомой постройке. Кузница представляла собой небольшой сарай, хотя когда-то маленькому мальчику он казался огромным. Невзирая на то, что само здание имело плачевный вид, внутри был полный порядок.

Отец был настоящим мастером своего дела. Обладая хорошей физической силой и выносливостью, он много время проводил у горна, легко справляясь с тяжёлым молотом. Наблюдая, как отец ловко работает, сын мечтал – когда вырастет, обязательно станет кузнецом.

Подойдя к горну, Иван увидел, что всё готово к работе, даже есть небольшой запас угля. Кроме того, в кузнице находилось и другое оборудование – наковальня, верстак, точильный станок. Аккуратно сложены инструменты для резки. Перебирая клещи, захваты, он вспоминал всё, чему его учил отец. Руки потянулись к фартуку. Фартук был тяжёлым, отец сшил его сам из натуральной кожи.

С этого дня началась новая жизнь полковника и кузницы, из которой на всю округу стал раздаваться стук молота.

Шурочка, зайдя в местный музей, разговорилась с сотрудниками, которые, узнав, что она историк, уговорили её работать у них экскурсоводом. Городок был маленький, но с интересной историей прошлых лет. И она с удовольствием погрузилась в изучение архивов. Туризм в России понемногу развивался. Народ, наконец, заинтересовался своей историей и ринулся путешествовать по маленьким городкам. Шурочка, проведя экскурсию по городу, предлагала туристам заглянуть в кузницу и посмотреть, как работает местный чудо-мастер.

Иван увлекся художественной ковкой. Сам делал эскизы, а потом создавал удивительных сказочных героев.

Зайдя с туристами в кузницу, Шурочка залюбовалась мужем – рубашка расстёгнута, мощные грудные мышцы перекатываются, реагируя на каждое движение рук. Струйки пота

сбегали от висков к щекам и уже крупными каплями капали на грудь. Иван, не обращая внимания на посетителей, продолжал работать, а туристы заворожённо наблюдали, как из куска бесформенного железа постепенно получается изделие. Наконец Иван поднял голову, взглянул на жену и, улыбнувшись, протянул ей готовый цветок. Это была роза. Экскурсанты стали аплодировать, а Шурочка прижала розу к груди.

– Как живая, только не пахнет.

– Зато вечная! – и обняв жену, поцеловал.

Шурочка добавила:

– Вечная, как наша любовь.

Сувениры туристы не только с удовольствием покупали, но и стали делать заказы. Появились деньги, и Иван, решил, что пора строить новый дом.

Вечером они долго обсуждали проект нового дома, а утром он отправился измерять участок. Участок зарос сорняками, и, пробираясь через крапиву, Иван неожиданно обнаружил грядку с капустой, о которой они совсем забыли. Несмотря на уйму сорняков, капуста выросла, и над ней летали стайки белых бабочек-капустниц. Они кружились над грядкой и как будто исполняли какой-то свой, никому не известный ритуальный танец. Иван наклонился. Совсем не испугавшись, бабочки стали садиться ему на голову. Очарованный, боясь спугнуть это действо природы, Иван замер, и только шорох за забором заставил его оглянуться.

Каково же было его удивление, когда в белом облачке бабочек он увидел красивое женское лицо.

Женщина смотрела на Ивана и улыбалась. Её рыжие волосы обрамляли бабочки. Видение казалось нереальным. Он смущенно спросил:

– Ты волшебная бабочка?

Женщина засмеялась.

– Нет, я не бабочка. Я ваша соседка Лада.

Иван, застенчиво улыбаясь, произнес:

– Я рад, что у нас такая красивая соседка. Можно и правда, поверить, что ты сказочная бабочка.

Новая соседка задумчиво посмотрела на него раскосыми зелёными глазами и, пообещав вечером зайти познакомиться с его женой, скрылась за забором.

Весь день Иван думал о новой соседке. Старался занять себя каким-нибудь делом, но работа не спорилась. В конце концов, поняв, что не может ни на чём сосредоточиться, он уселся в кресло и стал ждать вечер. Пришла с работы Шуручка и, узнав, что у них ожидаются гости, отправилась на кухню.

Наконец наступил вечер, и на пороге, держа в руках тарелку с пирогом, появилась Лада. Новая соседка очень быстро очаровала Шуручку, и вскоре они весело обсуждали рецепт пирога. Зашёл разговор и о бывших соседях. Оказывается, они уехали за границу, а дом по их просьбе уже продавала риэлторская компания. Иван весь вечер не мог оторвать глаз от Лады. Он любовался, как она смеётся, как небрежно сбрасывает со лба чёлку. Её рыжие волосы от света люстры вспыхивали, начинали искриться и переливаться. Появилось желание обнять эту женщину или хотя бы прикоснуться к ней. Он очнулся от своих мыслей только тогда, когда Лада собралась уходить, а Шуручка предложила ему проводить новую знакомую, так как на улице уже стемнело.

Шли молча, а перед домом, пропуская женщину вперёд, Иван почувствовал, как она всем телом прижалась к нему. Он смущённо стал прощаться, но не договорил, так как её губы сомкнули его губы в долгом поцелуе. Он понимал, что дома ждёт Шуручка, но не мог оторваться от зеленоглазой красавицы. Наконец сама Лада оттолкнула его и быстро скрылась за дверью.

Возвращаясь домой, Иван посмотрел на небо. Небо было чистое, без облаков. И вдруг увидел, как стремительно падает звезда.

«Вот и я сгорю со своей “бабочкой”, как эта звезда, – подумал он, но решительно ответил своим мыслям: – Пусть сгорю, но не отступлюсь, пока эта женщина не станет моей!»

Света в их доме не было. Жена спала. Стараясь не шуметь, он прошёл в спальню. Спать совсем не хотелось, и он стал вспоминать, как они жили с Шуручкой прошлые годы.

«Я любил её, и она меня любила, не обращая внимания на мои долгие командировки и кратковременные интрижки с другими женщинами. Неужели никогда не догадывалась? Или делала вид, что не замечает? А я? Если позволял себе увлекаться другими, значит, не любил? Любил. Так что случилось теперь? Столько лет прожить вместе и за один вечер всё разрушить? Лада красивая, но Шуручка за столько лет стала родным человеком».

Облегчённо вздохнув от последней мысли и подумав, что всё останется как прежде, Иван крепко заснул и спал до утра, пока его не разбудил телефонный звонок. Из трубки лился бархатный голос соседки.

– Ваня, наконец-то я дозвонилась. Не знала, что ты так долго спишь. Ты забыл, что вчера обещал мне помогать по-соседски?

Иван почувствовал, как бешено заколотилось сердце. От волнения голос сел, и он хрипло ответил:

– Я всё помню и сейчас приду.

Вспоминая тот день, он не мог себе объяснить, что с ним происходило. Очарование этой женщины отключило его разум. Осталось только желание скорее увидеть и обнять свою сказочную «бабочку».

Она ждала его и не дала ни минуты на раздумья.

Очнулся Иван только вечером. Испуганно посмотрев на часы, он понял, что жена уже дома.

Вернувшись, дома он почувствовал себя вором.

Он украл у себя прошлое. Не верилось, что несколько минут назад он чувствовал себя самым счастливым человеком и наслаждался этим чувством. А сейчас его не отпускало чувство вины. Казалось, как будто всё происходит не с ним.

Жена ждала его. Бледная и сразу постаревшая Шуручка слушала его отрывистые оправдания. А Иван старался ей объяснить, что он принял решение изменить свою жизнь. Да, так бывает! Лада работает психологом, и она объяснила, что так, как они жили, жить нельзя.

– Мы мотались по гарнизонам, отказывая себе во многом, думая, что хорошая жизнь ещё впереди. В психологии это называется – синдром отложенной жизни.

Шурочка не могла больше слушать. Невыносимая боль от такого предательства сковала её тело. Придя в себя, она тихим шепотом произнесла:

– Уходи. Слышишь? И никогда не возвращайся. Не прощу.

Весь следующий день Иван провёл в работе, решив, прежде чем закрыть навсегда кузницу, выковать на память бабочку. К концу дня она было готова. Поставив на ладонь бабочку, он восхитился её красотой. Последний луч солнца, заглянув в оконце, озарил бабочку, и она заиграла, затрепетала, будто живая.

В этот момент скрипнула дверь и на пороге появилась Шурочка. На мгновение она тоже залюбовалась бабочкой.

– Красивая. А ты знаешь, что бабочки – временщики? Покружатся, покрасуются и... Нет их. Исчезнут, не заметишь.

Иван смутился, покраснел.

– Я хотел с тобой поговорить. Мы уезжаем в Москву. Ты решишь первое время пожить в нашей квартире? Это временно. Я обещаю. Как только закончим оформление документов, мы уедем во Францию.

– Во Францию?

– Да. Помнишь, при встрече Лада рассказывала, что у нее бабушка живёт во Франции. Она ждёт нас. – Поставив фигурку на верстак, он подошёл к Шурочке и миролюбиво добавил: – Ты не беспокойся за квартиру. Мы постараемся уехать как можно быстрее.

– Хорошо, Иван, я согласна, поступай, как считаешь нужным. Только помни, назад дороги не будет.

Дверь за женой закрылась, а Иван ещё долго рассматривал бабочку, вспоминая слова Шурочки. Первый раз он задумался о Ладе.

«Что я знаю о ней? Знаю только, что полюбил эту прекрасную женщину, и для меня она лучшая на всём свете».

О себе Лада говорила мало. Только сказала, что сирота, и бабушка у неё единственная родственница. Лада всё больше слушала его, а он радовался такой благодарной слушательнице и часами говорил ей о своей службе.

Наконец, закрыв кузницу, Иван зашёл в дом, повесил ключ на старое место, где когда-то оставил его отец. Шурочка молча смотрела на мужа. Хотелось сказать что-то доброе на прощание, но он смог только вымолвить:

– Прости. Я пошёл.

А в ответ услышал.

– Уходи. Уходи скорее.

Не дожидаясь утра, ещё затемно, Лада с Иваном уехали.

Шурочка не спала всю ночь. Она слышала, как Иван собирался в дорогу. Ей казалось, что всё происходит во сне, а не наяву. Вспоминая слова мужа о синдроме отложенной жизни, думала, что он, наверное, прав, но только жизнь отложил не он, а она. Это она, выйдя замуж, забыла о себе. В институте ей, будущему историку, пророчили большое будущее. Но у молодого лейтенанта был приказ отправляться служить на Дальний Восток. Не задумываясь ни на минуту, Шурочка уехала с мужем. Она полностью растворилась в его жизни, считая, что главная задача жены военного – быть его надёжным тылом. Иван мотался по командировкам, а она ждала. Она всегда была готова в любой момент сорваться с места и срочно лететь с ним куда бы то ни было. Очень редко Шурочка приезжала в Москву, где старалась за короткий промежуток времени походить по любимым музеям, театрам. Иногда ей удавалось заскочить в институт и поговорить с преподавателями. Правда, через несколько лет Шурочка перестала заходить к знакомым, смущаясь от вопросов о работе. С работой было плохо. Самое лучшее, что могли ей предложить по месту службы мужа, это работать учителем истории в школе. Она соглашалась, думая при этом, что всё временно, и наукой она еще когда-нибудь непременно займётся. А вот её ученики были счастливы. Уроки проходили так интересно, что вскоре у ребят история становилась любимым предметом.

Иногда, приехав на новое место, Шурочка не находила себе работу, тогда ей приходилось оставаться просто домохозяйкой. Она никогда не роптала, считая, что главное – это дело её мужа.

Шурочка хотела родить ребёнка, но возникли проблемы, и врачи рекомендовали пройти обследование. А времени на это сразу не нашлось. Иван успокаивал, обещая, что как только появится возможность, они сразу поедут в Москву, чтобы обратиться к лучшим специалистам. Но получив очередное назначение, он, как всегда, сразу направлялся на службу на новом месте.

Особенно горько было Шурочке признаваться себе, что жизнь свою она подарила предателю. Именно предателем оказался её муж, который спокойно стал ей объяснять, что это он отложил свое жизненное счастье, а не она. А теперь он собирается за своим счастьем ехать в Париж, а она осталась далеко от своего родного города. Без детей, без друзей, в доме, который не принадлежит ей.

Проплакав до утра, Шурочка решила выполнить обещание, данное Ивану. Она не поедет в Москву, пока они не отправятся в Париж.

«А почему я решила, что он едет в Париж? Иван говорил о Франции, но никак не о Париже. Франция большая и, возможно, их ждут где-то в маленькой деревне», – подумала Шурочка, и ей даже стало легче от такой мысли. Побывать в Париже ей давно хотелось, но, опять же из-за службы мужа, они не могли себе этого позволить.

Посмотрев в зеркало, Шурочка пообещала себе, что она обязательно съездит в Париж. Чтобы совсем успокоиться, она стала вспоминать, как Иван несколько раз увлекался другими женщинами. Но это продолжалось недолго. В военных городках ничего скрыть невозможно. Слухи тут же доходили до Шурочки, но она никогда не говорила об этом мужу, боясь скандалом разрушить своё, как ей тогда казалось, семейное счастье. Страх потерять Ивана заставлял делать вид, что ничего не происходит. Вспомнив все обиды, она вслух сказала:

– Никогда не прощу.

Открыв дверь московской квартиры, Иван невольно вспомнил, как он возвращался из командировок. Шурочка выходила к нему с распростёртыми объятиями. Чемодан летел в угол, а он подхватывал её на руки, такую родную, иногда сонную и кружил, кружил по комнате.

В груди больно защемило, но каблочки Лады, громко стучащие по паркету, отогнали воспоминания. Он видел, как деловито она осматривает их квартиру. Обойдя все комнаты, и не оставив без внимания ни одной картины, ни одной статуэтки, Лада отправилась в ванную, откуда вышла в шурочкином халате. Ивану не понравилась такая бесцеремонность, и он заметил:

– Может, не стоит трогать вещи моей жены?

Усмехнувшись, Лада повернулась к нему и, расстегнув халатик, спросила:

– Разве мне не идет?

Она подошла к Ивану и, хитро улыбаясь, обняла его. В ответ Иван потянулся к ней и, прижав к себе, пробормотал:

– Тебе всё идёт, моя красавица. Ты не обижайся, я куплю тебе всё новое.

В ответ Лада довольно засмеялась, а Иван, прижимая её к себе, опять почувствовал себя счастливым. Обнимая любимую женщину, он мечтательно сказал:

– Как я хочу ребёнка. Ты же родишь мне сына? Он будет похож на тебя, а значит, будет самым красивым. – Иван почувствовал, как она напряглась, а затем, резко оттолкнув его, заплакала. Он испугался, думая, что чем-то обидел её. Повернул к себе и, заглядывая ей в глаза, спросил: – Что случилось?

– Я тебе... не... рассказывала. Боялась, что ты бросишь меня, узнав о моих проблемах.

– Да, как ты могла так подумать! Ты моё всё, я готов жизнь за тебя отдать.

– Жизнь не надо, а вот денег понадобится много.

– Деньги есть, я говорил тебе, что собирался строить дом. Но зачем они нужны здесь? Мы же уезжаем.

– Ты сказал, что хочешь сына. А у меня есть сын!

– Как есть сын? И где он? Почему ты о нём ничего не говорила?

– В детском доме. Я приехала из Франции, чтобы забрать его. Понимаешь, моя мать была пьющей женщиной. Однажды в их компанию случайно попал француз. Переспав с ним, она забеременела и думала, что выйдет замуж за «принца». Но француз не признал ребёнка и уехал на родину. Мать растила меня, как могла, вспоминая обо мне в короткие промежутки между гулянками. Когда мне исполнилось пятнадцать, я повторила её судьбу, родив сына от случайного мужчины. По настоянию матери я отказалась от него, и моего сына отправили в детский дом. Сейчас я понимаю, что тогда поступила правильно. Я бы не справилась одна, а мать спилась и вскоре умерла. Скоро меня разыскала бабушка из Франции. Оказывается, она знала о моём существовании, но ничего не предпринимала, пока была жива моя мать, надеясь, что мой отец устроит свою жизнь с более подходящей девушкой. Когда же отец погиб в автокатастрофе, бабушка нашла меня. Сейчас она болеет и хочет, чтобы я жила рядом с ней. Я решила забрать сына и уехать вместе с ним к ней. Бабушка не знает, что её ждёт сюрприз в виде правнука. Но придя в детский дом, я поняла, что все гораздо сложнее, чем я себе представляла. Оказывается, у моего сына большое сердце, ему нужна сложная операция. Детский дом ищет спонсора, чтобы оплатить лечение, а время идёт. Я в отчаянье. Помогите мне.

– Конечно, помогу. Неужели ты сомневалась во мне?

– Нет, я не сомневалась. Просто я действительно не знала, что делать.

– Я очень хочу увидеть сына!

Произнеся слово «сын», Иван почувствовал, как внутри расходит волна тепла и нежности. Как давно он хотел иметь сына, а сейчас у него есть женщина, о которой только можно мечтать, и сын, для которого он всё сделает, чтобы он был здоров. Иван уже его любил и хотел увидеть, защитить, прижать к себе, как прижимал к себе Ладу. Жалость к этой женщине захлестывала его, и, обнимая прекрасную фигуру любимой, он шептал:

– Милая моя, я все сделаю, чтобы вы с сыном были счастливы! Но мне не терпится его увидеть.

Лада не захотела сразу ехать в детский дом, и постоянно откладывала поездку. Но через несколько дней, когда Иван пригрозил, что отправится к их сыну один, наконец, согласилась. Они подошли к забору детского дома. Дети в это время гуляли. Иван с нетерпением стал искать калитку, но Лада остановила его и, показав на беседку, сказала:

– Вон там, рядом с воспитательницей, видишь мальчика?

Прищурившись, Иван увидел худенького мальчика, сидящего с блокнотом в руке.

– Похож на кузнечика. Почему он такой грустный?

– Ему бегать нельзя, вот он и завидует другим детям, которые могут бегать и прыгать.

– Завидует? Слово какое-то нехорошее. Он не завидует. Скорее всего, переживает и боится предстоящей операции. Вот и воспитательница держит его рядом с собой. Ты же объяснила ему, что после операции он будет такой же, как все?

– Я говорила ему об этом, но он не верит. Мне запретили к нему подходить до операции, чтобы он не волновался.

Иван, привыкший принимать решения быстро, рассердился:

– Кто это придумал? Кто может запретить матери разговаривать со своим ребёнком? Пойдём к заведующей. Мы обязательно должны с ним общаться. Я мог к любому солдату найти подход, а уж с ребёнком точно смогу договориться!

Лада вдруг резко отдернула руку и со злостью выпалила:

– Посмотрел? Убедился, что я не вру? А теперь пойдём отсюда. Я знаю, как правильно поступать. Ты, главное, не мешай. Сейчас нельзя заведующую злить. Иначе она ожесточится и не пойдёт на контакт. Я же отказалась от сына и теперь не имею на него никаких прав. Всё не так просто. Здесь тоже придется платить немалые деньги.

Ивану пришлось подчиниться. Нисколько не сожалея, он снял со счёта накопленные деньги и отдал их Ладе.

Целыми днями Лада где-то пропадала, объясняя свое отсутствие встречами с нужными людьми. Иван, всегда импульсивный, привык обычно быть в движении, а теперь вдруг заскучал,

почувствовав одиночество. Как-то вечером он решил поговорить с Ладой, принять участие в подготовке к предстоящей операции и помочь в усыновлении ребёнка. Да и пришло время узаконить свои отношения! Детей у них с Шурочкой не было, поэтому развод можно было оформить быстро. Он думал, что женщины обычно хотят как можно быстрее выйти замуж, а потому искренне удивлялся, что Лада не торопится в загс. Она, правда, объясняла, что сейчас это не самое главное.

В тот вечер Лада пришла поздно, и он решил отложить разговор до утра, но неожиданно она сама сообщила, что нашла ему работу, чтобы он не скучал. Случайно встретив знакомого боксера, она вспомнила, что Иван ей много рассказывал о своих занятиях боксом. Ее знакомый обещал взять Ивана для участия в поединках. Поглаживая его мышцы, она продолжала:

– Смотри, какой ты у меня сильный, прямо гладиатор. Такие парни им нужны.

– Действительно, я долго занимался боксом и даже в самых отдалённых гарнизонах, чтобы не потерять форму, ходил в спортзал. Но, девочка моя, ты правильно сказала – им нужны парни, а не пенсионеры.

– Ну, какой ты пенсионер? Ты молодой полковник, а за это уважают. Не переживай, я буду всегда рядом. Несколько тренировок, и будешь участвовать в боях. А там знаешь какие деньги крутятся?

– Деньги, деньги. Зачем тебе деньги? Операцию я оплатил, зачем ещё?

– Как зачем деньги? А усыновление? Там взятки выйдут дороже операции. А ещё наша свадьба. Я хочу самую лучшую свадьбу.

После слов о свадьбе у Ивана не осталось сомнений о боксе.

– Ну что же, бокс, значит бокс. Как раз я сегодня понял, что без дела сидеть дома больше невозможно.

Клуб находился в отдалённом районе на месте бывшего троллейбусного парка. Огромная территория была застроена

ресторанами с кухнями на любой вкус. Он нашел нужный ресторан, понимая, что клуб, скорее всего, расположен в подвале. И не ошибся. У лестницы его встретил маленький человечек с цепкими юркими глазками. Осмотрев его фигуру, он довольно засмеялся и, протянув руку, представился:

– Семёныч. А ты Иван? Мне Лада о твоих умениях много рассказывала, но надо тебя посмотреть в деле. Пойдём, покажу наш зал.

Они, как и предполагал Иван, спустились в подвал, где при входе стояли внушительного вида охранники. Первое, что сразу бросилось в глаза, это клетка. Он понял, что теперь придётся бороться на таком ринге.

Семёныч спросил:

– Ты слышал о ММА? Смешанные боевые искусства. Это бокс, кикбоксинг, джиу-джитсу, карате и муай-тай.

Иван не стал говорить, что он знаком со всеми видами боевого искусства. А Семёныч, снисходительно посматривая, продолжал учить новичка.

– ММА требует хорошей физической подготовки, координации движений, и всё это, я вижу, у тебя есть. Поединок – это захватывающее зрелище. А нашим зрителям нужно особое зрелище. Цель поединка – заставить соперника сдаться от боли, выиграть по очкам или нокаутом. И получить деньги. Поверь мне, деньги немалые. Победишь – деньги твои, нет – не обессудь. Первый бой через десять дней.

– Так скоро? А как же тренировки?

– На хорошие тренировки ещё надо заработать. Взнос за бой тоже нужно внести, но победа все окупит.

– А если проиграю? – взволнованно спросил Иван.

От ответа Семёныч уклонился, пробормотав, что с такими ручищами победить будет не сложно.

Лада встретила его со счастливой улыбкой.

– Ваня, какой же ты молодец, что согласился на все их условия!

– А ты откуда знаешь?

– Мне позвонил Семёныч и все рассказал. Ты ему понравился. Ещё он спросил, какое имя тебе дать? Полковник, или Кузнец?

– Не хотел бы я иметь кличку как какой-то уголовник. Да и звание полковника я честно заслужил. Кстати, а ты откуда знаешь Семёныча? Не понравился он мне, и вообще все там похожи на бандитов.

– Скажешь тоже – бандиты! Никакие они не бандиты, а просто ребята, умеющие зарабатывать деньги. Кстати, Ваня, нам нужно взять кредит на твои тренировки и внести взнос за бой.

– Какой кредит? Опомнись. А как мы будем расплачиваться, если я проиграю?

– Что ты так разволновался? Семёныч обещал мне, что первый бой ты обязательно выиграешь. Я не знаю, как они это делают, не исключено, что соперник будет слабым, но если он пообещал, значит, так и будет. Новичкам дают возможность выиграть, чтобы они продолжали и дальше участвовать в поединках. На этом клуб и держится.

– Умеешь ты убеждать!

Обняв Ладу, Иван обо всем сразу забыл и на всё согласился.

Кредит был взят без проблем. У Лады в банке работала знакомая женщина, которая быстро оформила все документы. Иван, не глядя, подписал договор. В это время девушки успели поболтать о каких-то пустяках. Всё было оформлено так поспешно, что на какое-то мгновение Ивану показалось, что документы были подготовлены заранее. Сумму он взял огромную, но выяснять, зачем им столько денег именно сейчас, при подруге он постеснялся. Просмотреть ещё раз документы не было возможности. Лада торопила в ресторан, жалуясь, что сильно проголодалась и, положив в свою сумку папку с договором и деньгами, быстро направилась к выходу. На душе было тревожно, и в ресторане Иван все же спросил:

– Я не понимаю, зачем нам столько денег? Их ведь придется возвращать.

Положив свою ладошку на его руку, Лада тихим, грудным голосом успокоила.

– Если деньги останутся, погасим кредит быстрее.

– Ты, как всегда, права.

На другой день начались усиленные тренировки. Иван старался не пропускать ни одной, понимая, что надо наверстать упущенное время. Он уставал, но делал вид, что всё в порядке, надеясь, что Семёныч сдержит обещание.

Бой был назначен, сомнения в правильности своих поступков Ивана больше не терзали.

И вот настал день поединка. Он решительно вышел на ринг. Соперник оказался не таким слабым, как обещали, а, главное, он был молодым. Иван держался долго, но боец, зная про возраст соперника, придерживался тактики изматывания. Иван стал уставать. Пот и кровь из рассеченной брови заливали глаза. Прошло два раунда, и наступила минута перерыва. Иван уже был готов опять ринуться к сопернику, когда услышал шепот Семёныча:

– Ты должен проиграть, так решил хозяин.

Иван понял, что все было подстроено, чтобы он проиграл. Злость от такой несправедливости захлестнула его и, вспомнив, как он работал в кузнеце тяжёлым молотом, Иван собрал всю свою силу в кулак и одним ударом отправил соперника в нокаут.

Яркие прожектора осветили победителя, и на огромном экране во весь рост появился Иван. Он стал искать среди зрителей Ладу, но её не было.

«Наверно, ждёт меня в раздевалке», – подумал Иван, принимая поздравления.

В раздевалке было темно. И вдруг он почувствовал, как чьи-то огромные руки обхватили его за шею и стали сжимать всё сильнее и сильнее. В голове появился шум, воздуха не хватало и, стараясь освободить шею, Иван потерял равновесие и упал. После этого на него обрушился шквал ударов. Он старался сгруппироваться и закрыть голову, но ничего не помогало. Удары продолжались, пока он не потерял сознание.

Очнулся Иван в больнице. Врач рассказал ему, что его без сознания нашли на улице. Какой-то сердобольный прохожий вызвал «Скорую».

– Похоже, на тебя напали хулиганы. Документов и денег при тебе не оказалось

– Скажите, доктор, меня кто-нибудь разыскивал? Девушка, такая красивая, не приходила?

– Нет. Девушка тебя не искала.

– А я давно здесь?

– Ты был в коме почти месяц. Но сейчас главное не волноваться, твой организм восстановится быстро.

Иван закрыл глаза. Он не хотел себя ни обвинять, ни жалеть. Он не мог понять человеческой лжи и подлости. Самое ужасное, что это произошло с ним тогда, когда большая часть жизни уже позади. А он-то думал, что настоящая жизнь только начинается и всё самое интересное ещё впереди. А оказалось, что прожитые годы и были самыми лучшими. Среди верных друзей и рядом с женой он всегда чувствовал уверенность в завтрашнем дне.

– Как жить дальше? И нужно ли? – произнес он вслух и закрыл глаза.

На пороге палаты стояла Шурочка. Она услышала его слова, и, подойдя ближе, ответила:

– Главное, выжил, значит, и жить надо.

– Шурочка, ты была в квартире?

– Да была, там полный порядок и чистота. Пусто. Ни фарфора, ни картин, оставленных нам родителями, ничего нет. Осталась одна твоя железная бабочка. Кстати, когда я собралась возвращаться в Москву, приехали соседи и сказали, что дом свой они не продавали, и ни о какой Ладе не слышали. У них ничего не пропало, правда, ничего ценного в доме и не было. Удивились чистоте. Всё ведь идеально вымыто и протёрто! Как я теперь понимаю, отпечатков пальцев в их доме вы не оставили.

Иван задумался.

– Когда мы уезжали, и я уже завёл машину, Лада задержалась в доме. Она что-то там делала. Получается, что стирала отпечатки пальцев.

– Может быть, ты объяснишь мне, что произошло? В квартире я нашла договор с банком. Зачем ты взял такой большой кредит, да ещё под залог нашей квартиры?

– Как под залог квартиры? Не было речи о квартире.

– Всё понятно. Когда ты подписывал документы, то не читал их. Тебя ограбили, когда ты шёл из банка? Ты не волнуйся, этих подонков уже ищут.

Ему стало тяжело дышать и, теряя сознание, он прохрипел:

– Все гораздо хуже, меня никто не грабил. Я сам все отдал. Это... бабочка.

Шурочка подумала, что он бредит. Понимая, что кроме неё, у Ивана никого нет, она приходила в больницу каждый день. Обида, разъедающая всё её существо, ещё не прошла, но сочувствие и жалость к человеку, которого она так сильно любила, были сильнее. Как жить дальше? Как обрести твёрдую почву под ногами? Как помочь Ивану? Простить можно, но забыть быстро не получится. Совсем недавно она думала, что мужа потеряла навсегда, а её жизнь рассыпалась на мелкие куски, которых уже не собрать. Но как только ей позвонили из больницы и рассказали, что её муж в коме, она помчалась к нему, не сомневаясь ни на секунду, что должна быть рядом.

Иван выздоравливал, и все мысли были о жене. Он боялся, что наступит день, и Шурочка не придёт. Он понимал, что она жалеет его, а как только врачи выпишут его из больницы, он останется один. Иван не сомневался в том, что заслужил это, но не мог себе даже представить, что останется без этого родного человека. Объясняя жене, зачем он взял кредит, Иван рассказал ей о мальчике в детском доме. Шурочка, пообещала, что как только его выпишут из больницы, они сразу поедут в детский дом, чтобы узнать, как прошла операция.

– Ты в бреду часто повторял слово «кузнечик». Не его ли ты называешь кузнечиком?

– Да, точно, это я про него все время думаю. Он похож на кузнечика из мультика. Я с ним не разговаривал, но видел его из-за забора. Сердце разрывалось от жалости к этому большому малышу.

– А почему из-за забора? Ты такие большие деньги передал в детский дом и тебя не пустили вовнутрь?

– Воспитатели и врачи считали, что любое новое знакомство для мальчика будет вредно перед такой сложной операцией.

– Мне кажется, ты сейчас опять бредишь. Ты себя слышишь? Что-то мне не верится во всё это. Надо как можно быстрее убедиться, что с ребёнком всё в порядке.

– Ему, скорее всего уже сделали операцию, и мать увезла его во Францию. Она обманула и бросила меня, но ребёнок есть, и операция должна была состояться. Дети – это святое, в этом не обманывают.

Он убеждал жену и понимал, что больше убеждает себя.

Вернувшись домой из больницы, Иван выбросил бабочку, в которую вложил столько фантазии и своей энергии.

– Не жалко? – спросила Шурочка.

– Нет, не жалко. Не надо беречь то, что быстро исчезает, – помолчав, он подошёл к ней, обнял и сказал: – Прости меня, я очень виноват, но постараюсь всё исправить.

Иван осторожно поцеловал жену. Он боялся, что она оттолкнет его, но Шурочка не оттолкнула, а прижалась к мужу и ответила на поцелуй. В этот момент он осознал, что она ещё любит его и прощает.

Иван в форме полковника подошел к знакомому забору детского дома и сразу заметил в беседке своего мальчика-кузнечика. Он так же сидел рядом с воспитательницей и что-то рисовал в блокноте.

Не раздумывая, твёрдым шагом военного, Иван направился к калитке. К нему подошла воспитательница. Она рассказала, что мальчика зовут Егорка. На вопросы об операции она не знала, что ответить, и направила Ивана к заведующей Валентине Петровне.

Валентина Петровна встретила полковника доброжелательно и рассказала ему о непростой судьбе Егорки. Родители мальчика погибли в автокатастрофе, близких родственников нет.

Иван, уже догадываясь, что никакой операции не было, но всё же спросил об этом, и его подозрения подтвердились. Валентина Петровна, удивившись, сказала, что мальчик совершенно здоров, ни в какой операции не нуждается. А грустный он, потому что не может забыть своих родителей и очень скучает.

– Можно мне с ним познакомиться?

– Можно, но только зачем? Вы знали его семью?

Иван ушёл от ответа, решив, что сам должен разобраться с историей ребёнка.

– Валентина Петровна, детскому дому нужна помощь?

– Товарищ полковник, расскажите о себе, а потом я решу, чем вы можете нам помочь.

Они сидели в кабинете заведующей, со стен которого на них смотрели с фотографий дети. Иван признался, что хотел усыновить Егора.

– Мальчик не простой. Он ещё не пережил своё горе. С ним работают наши детские психологи. Ему нужно привыкнуть к вам. А может случиться так, что вы познакомитесь, дадите надежду ребёнку, а по приказу потом срочно уедете, а он будет думать, что вы его забыли. Не обижайтесь, но у меня муж был военный, и я знаю, как это бывает.

– Командировки у меня закончились, я в отставке. И без работы. Поэтому не сомневайтесь, я буду приходить каждый день.

– Товарищ полковник, дорогой мой Иван Владимирович, вас мне сам Бог послал. Приходите к нам работать, будете моим заместителем. У нас женский коллектив, а мальчишек полный дом. Иногда мы даже не знаем, как с ними справляться, а вы наверняка сможете подобрать ключики к их непослушным душам. Им ведь не всегда нужно наше женское сюсюканье, часто необходим твёрдый мужской разговор. А если Егора хотите усыновить, то все процедуры усыновления пройдёте быстрее.

Последний довод убедил Ивана остаться работать в детском доме, хотя он уже планировал поинтересоваться возможностью преподавать в Академии.

Иван полностью погрузился в работу с детьми. Общаюсь с ними, он сам превращался в душе в мальчишку. Дети чувствовали это и со всеми своими вопросами бежали к нему. Он организовал спортивный клуб, где учил ребят не только не давать себя в обиду, но и защищать слабых.

Валентина Петровна была рада, что с приходом Ивана в детском доме, наконец, установился порядок, а вместо драк мальчишки занимались в зале боксом. Она помогла оформить усыновление Егора, и радовалась, что мальчику достались такие родители. Егорка полюбил Шурочку и вскоре стал называть её мамой.

Прошло несколько лет. Иван возвращался с работы, и вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо.

– Лада? – воскликнул он.

Их взгляды встретились.

Взгляд у Ивана был холодный как лёд. От этого взгляда девушка метнулась обратно в толпу и скрылась.

Иван усмехнулся:

– Опять над кем-то кружишь, бабочка-обманщица? – вздохнув, сказал он, а на душе вдруг стало удивительно легко.

И он торопливо зашагал домой к жене и сыну.

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук и искусств, член литературного клуба «Творчество и потенциал». Автор семи книг и многочисленных публикаций. Обладатель премии и звания «Золотое перо Руси».

Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, начальник отдела АО «НИИМЭ», профессор базовой кафедры микро- и наноэлектроники МФТИ. Автор монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов», двух учебных пособий и более 200 научных работ и патентов на изобретение. Член Организационного и Программного комитетов ежегодного российского Форума «Микроэлектроника». Имеет почётное звание Министерства промышленности и торговли Российской Федерации «Почётный работник электронной промышленности».

Живёт в Москве.

РОССИЮ ПОКОРИТЬ НЕЛЬЗЯ!

РОССИЯ

Перед разливами времени ходим мы.
Сеть бы закинуть и выловить суть.
Сны мои милые, сны моей Родины,
Дайте хоть краешком в вечность взглянуть.

Ложится вечер на берег синий.
В туман уткнувшись, стога застыли.
Покой... Он вечен в моей России –
Мечты и сны её мир вместили.

И снятся старые ей дубравы,
Народ могучий и глухомань;
Монголов орды, варягов кары;
Походы, смуты, опять расправы
И с кровью собранная дань.

*

По берегам в степи курганов череда.
Прости и отпусти, пусти меня туда,
Где был закрыт эллинам дальний путь,
Где стук копыт мешал передохнуть.

Но время оставляет только мифы,
И мифы говорят – здесь жили скифы.

По Греции ползёт упорный слух,
Что где-то за далёкими морями,
За ковкою железа свой досуг
Справляют хмурые и сильные селяне.

Их земли велики, их силы велики.
И хорошо, что очень далеки
Их рубежи –
Пред ними всё бежит.
У них всё есть,
А золота – не счесть.

Но тропы все туда забыты.
Захватчики – давно убиты.
Зимой там холод дик, не обойтись без унт.
Но всё же там живут, и белый, чистый лик,
И синие глаза туда влекут –
Ты не опомнишься, закружат, заберут.

*

Тебя люблю, тебя я обожаю,
Моя земля, воистину моя!
Мне кажется, что я цветы сажаю,
Моя любовь, тебя я украшаю,
Тобою поглощён, творя!

Я знаю, что воспеть мне не удастся
Всё то, что я увидел – не хватает слов.
Как будто бы читаю Часослов –
Я это всё предвидел:
И колокол, который вновь раздался.

Однажды я услышал его зов.
Как жаль, что вскоре он унялся,
Затих. Ликует тёплый кров,
Что над людьми горой поднялся.

Надолго ли? Пожалуй, нет.
И пусть горит пока макет,
Но вскоре вспыхнет мир мещан,
Которых сон давно объял,

И разом все они сгорят.
 Так иногда рванёт снаряд
 Упругой, рушащей волной...
 И мир наполнится войной.

*

Тысячелетия дремали,
 Но даже сном своим нагнали
 Соседям страх,
 И те дрожали!
 Как будто мы их всех держали
 В своих руках!

В Европе знали – мы проснёмся
 И по Европе пронесёмся,
 Как ураган.
 Европа думала – спасёмся,
 Но как? Отбить? Не отобьёмся.
 И кинулась тогда в обман:
 Оружие пока сложила
 И русских с Западом сроднила.

Но звон мечей и их мерцанье
 Не раз тревожили сознанье
 Твоих сынов, будя их пыл.
 Тогда под грозностью их взора
 Дороги пятились к просторам
 И Альпы уходили в тыл.

Темно на поле Куликовом.
 Застыла на холмах Орда.
 Россия вновь в обличье новом
 Встаёт – одна и не одна.

Её полки – леса в тумане,
 Её бойцы – с полей земля.
 Орда бежит, Орда в аркане –
 Россию покорить нельзя!

Века идут, века гудят.
 В лесу деревья говорят:
 В России властвуют цари,
 Но навсегда ли в ней они?

Когда Европа в первый раз коснулась
 Нас остриём надменного штыка,
 Как от огня обратно отшатнулась,
 Хоть нам была победа не легка.

Быть может, гений Наполеона
 Полмира б смог завоевать,
 Когда б ему те легионы
 Не на Россию направлять.

Она мела его снегами,
 Дороги путала, казня.
 И он увидел – не солгали,
 Когда душе его сказали:
 Россию победить нельзя!

Не раз Ты поднималась смутой,
 Отмщением за жизнь горя.
 Но для чего в тот холод лютый,
 Когда решали жизнь минуты,
 Ты отказалась от царя?!

Ты думала, что много краше,
 Свободней стала?
 Но снова потянулись смуты
 И снова Ты одела путы –
 Устала.

Колчак и немцы – всё смешалось,
Исчезли человечность, жалость.
Ночь. Человек у стены, словно вор.
Красный террор и белый террор.

Кровью залита часть мостовой,
Много убитых, ужас – не бой.
Сын на отца, на товарища – друг.
Голод, болезни нажились вдруг...

Смута иссякла, убрана муть.
Думала, верный Ты выбрала путь.

Тысячелетия лепили те устои,
А ныне – всё прошедшее – пустое.
Стал человек душепродавцем, вором.
В церквах закрытых – ограблений след.

И прошлое ответило с укором, –
Всеобщим мором будет мой ответ.

Воздвигнут был в Москве героям храм,
Но атеистам очень он мешал.
Полвека простоял, прошла ещё минута
И динамита облачная смута
Его накрыла. Кирпичей обвал,
На месте храма – хлам.

*

На нас вина с начала века.
С тех лет, что вспоминают вновь,
Когда губили человека
За правду, совесть и любовь.

СОЛДАТ МОЕЙ СТРАНЫ

Я умер или жив?! Я умер или жив...
Солдат моей страны на площади лежит.
А мимо всё пылят чужие сапоги,
Но ты не виноват, что к нам пришли враги.
Ты храбро воевал! И не твоя вина,
Что пулей, наповал, пробита голова.

Я умер или жив?! Я умер или жив...
Молоденький солдат под вётрами лежит.
Молоденький солдат! Так мало воевал.
Он Родину прикрыл и весь в крови упал.

Я умер или жив?! Я умер или жив...
Мальчишка-лейтенант на берегу лежит.
А рядом сотни гильз и кольца от гранат,
Кровавая шинель и несколько солдат.

Я умер или жив?! Я умер или жив?!
Усатый старшина под соснами лежит.
Он храбро воевал, вокруг лежат враги.
И это он шептал, что не пройдут они.

Я умер? Нет, я жив! Я чувствую, что жив!
За речкою в бору фашистский полк лежит.
И дальше не видны следы чужих сапог,
Солдат моей страны остановить их смог.

* * *

Преодолев агрессивной беды,
Мы победили! С Днём Победы!
Мы победим ещё не раз.
Агрессор, опасайся нас!

И вот опять собрали силы,
 Чтобы Россию покорить.
 Забыли про свои могилы?
 Или хотят их обновить?

Не стройте планы вы напрасно,
 Что вам достанется она.
 Небесным силам лишь подвластна
 Моя Великая страна!

* * *

Знаю, Русь, когда-нибудь, попозже
 Обрету совсем иной покой –
 Разбегусь густой зелёной рощей,
 Разольюсь серебряной рекой.

Я теперь себя Тобою числю.
 Твои боль и горе – всё моё.
 Потому иной судьбы не мыслю,
 Только б тело защитить Твоё.

Только б душу, сохранив, украсить
 Новыми порывами любви.
 Вечность те желанья не угасит.
 Время, мне часами не грози.

*

Русь, твои берёзовые встречи,
 Под луной туманные поля
 Не забудут этот дивный вечер
 И меня, и песни соловья.

И скользющую волну прибоя,
 И песка хрустящего покой,
 Запах поля и мятежность моря,
 И меня, идущего с Тобой!

Я развею над Тобой стихами
 Часть моих не переданных чувств.
 И на время, вместе с облаками,
 Превращусь в цветущей вишни куст.

И теряя лепестками годы,
 Нежный запах сея, как стихи,
 Воспевая древние народы,
 Полечу с орлами по степи.

Твоих троп бесчисленность ромашек,
 Родников целительный хрусталь.
 И проезжих провожая, машут
 Радостные детские уста.

Крикнет чибис, из-под ног взлетая,
 Запах гречки мёдом опьянит.
 Русь моя простая и святая,
 Сокровенной нежности гранит.

МЫ ИДЁМ

День мой, стань моим днём,
 Как ветер в поле, стань моим голосом.
 Мы идём. Через время идём!
 Разрываясь между домом и космосом.

Жёлтый лист положи в ладонь
 Благословляя ростки, что в земле сидят.
 Наш огонь всё зальёт собой,
 Не сжигая жизни, а умножая ряд.

Отразься в хрустале небес
 И уйдя в тихий омут зари,
 Будь со мной, мой любимый лес.
 В чистолуние пусть поют соловьи.

Дом мой, будь земной шар
 Чист, как у ребёнка слеза.
 Бог мой, накорми жар,
 Чтобы дом наш огонь не лизал.

Дай нам райский уголок,
 Где можно думать и детей растить.
 Ты ведь можешь, отвори Рок,
 Чтобы жизнь до конца испить.

День мой, стань моим днём,
 Как ветер в поле стань моим голосом.
 Пусть прекрасным ярких звёзд огнем
 Светятся глаза, и колышет волосы!

*

Лес приманит,
 Сделается гуще,
 Но не ты к нему, а он к тебе идёт.
 Ты не занят,
 Ты опять отпущен
 Воспевать России бурный ход.

*

Жажду быть, и, значит, буду.
 Там присяду у могилы.
 Все плохое позабуду,
 И в прошедшем всё любимо.

Надомною бьётся море –
 Это песни старых сосен,
 Истончая наше горе,
 С косогора его сбросят.

И опять иду Россией
 По дорогам с лёгкой пылью.
 Нет прекрасней, нет красивей
 Тех просторов с далью синей!

Речка Вареха струится
 То пошире, то поуже.
 Золотистым полем мчится,
 А в лесу сольётся с Унжей.

И холмы в лесах, в тумане!
 Где-то там, среди крапивы,
 Голосом родным обманет
 Леший на цветке красивом.

Но опять нахлынут тучи.
 Замечусь и затоскую.
 Жизнь моя, счастливый случай,
 Дай мне песню золотую!

*

Русь святая. Горы и равнины,
 Реки и бескрайние леса,
 Золотые с васильками нивы
 И озёр бездонные глаза.
 Запах хвои в солнечное марево,
 Твоих сосен величавый шум
 И дома меж Унжей и Варехой
 Отвлекают от тяжёлых дум.

*

В окнах туманных мерещится осень,
 Только сейчас за окошком метель.
 В синих от снега движениях сосен
 Чудится солнце и солнечный день.

Может, откроешь глаза свои шире,
 Так, чтобы вихри снежинок впились...
 Нет, не напрасно любили и жили,
 Нет, не напрасно мы здесь родились!

Всё это наше: от снежного поля
 До золотистых в зелёном вершин.
 Здесь твоя жизнь, твоё место и воля.
 В реках, лесах и богатстве равнин.

*

Леса нас радостью дарили,
 Поля – росой и дождем.
 Мы выросли с тобой в России.
 О ней и песни мы поём.

Едва ль ещё кто так опутан
 Её священной берестою.
 С ней жизнь считаем по минутам,
 А без неё – чего мы стоим?!

Спешат доделать больные гении.
 Ты крепнешь мощью от их усилий.
 Не проклиная я бегство времени.
 Благословляю я бег России.

Лишь жаль цветов и птиц пропущенных,
 И не увиденных в росе рассветов.
 Но то, что сделаем для грядущего,
 Позволит вырастить сонм поэтов.

*

Там, где Родина – небо синее
 И поёт ключевая вода.
 С каждым днём всё сильнее и сильнее
 Вместе с птицами тянет туда.

*

Моя малая Родина. Те же самые птицы,
 И такой же петух о погоде поёт.
 Только кто-то внутри говорит: не годится.
 Только что-то в груди защежит, обожжёт.

Моя милая Родина! В терпком запахе хвои,
 В эфемерном мерцании рек под луной.
 Почему вдалеке о тебе сердце ноет,
 А вернусь – и другая вселяется боль?

МОЛИТВА

Дай мне, Бог, молю, побольше сил.
 Не для зла, не для пустых деяний –
 Чтоб любовь в душе своей хранил
 К миру пустоцветных обещаний.

К окружению легковесных фраз,
 В мире, обезумевшем от денег,
 Укрепи, огонь чтоб не погас
 И его не поглотили тени.

Незавидный выдался нам рок:
 Созерцать или творить безумье.
 Это человечеству урок,
 Может быть – минута на раздумье.

И пока она ещё идёт,
Я молю, продли её немного.
Верю, человечество поймёт,
И продлится для людей дорога.

* * *

Мои мысли войной запорошены.
Мне б отвлечься, хотя бы на час.
Дорогие мои, хорошие,
Подскажите, что сделать для вас?!

Виктор ПЕРЕГУДОВ

Виктор Степанович Перегудов – прозаик, поэт и публицист, автор полутора десятков книг. Первые две были написаны в СССР в прошлом веке, остальные увидели свет в стремительно текущем веке новом, вдохновившем автора на яркие и нестандартные творческие решения. Лауреат незначительной, но литературно достойной Национальной премии за книгу «Сад золотой», печатается в московских журналах, в российской журнальной периодике, публиковался в Болгарии, Италии, во Франции в альманахе «Глаголь».

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

МЕТЕЛЬ

В шестом часу сырого декабрьского вечера я шёл от Никитских ворот к Центральному дому литераторов. Валил беззащитный обильный снег. Колокольня Храма Вознесения Господня, не самая низкая в Москве, не видна была за сплошной белой завесью. Снежные звёздочки (звёздочки) бесшумно и бесследно разбивались о тротуар, покрытый плёнкой талой влаги. Исчезновение их для меня было обидно как личная потеря, но зато оно разбудило дремавшее воображение, которое тут же связалось с разумом. Вслед за тем немедленно оживились чувства.

Все мы дорожим дружбой трёх этих таинственных стихий. У очень талантливых людей она превращается в творчески продуктивный любовный треугольник.

Я поспешал на встречу с богато одарённым человеком, назначившим в этот день свой творческий вечер в Малом зале ЦДЛ. Поэт Валерий Поручик, дожив до пятидесяти юбилейных лет, выпустил, после нескольких тонких сборников, вторую за всю жизнь книгу в серьёзной твёрдой обложке. На титульной странице было ответственное слово «Избранное», а на фронтисписе красовалась чёрно-белая фотография, на которой Поручику было примерно тридцать пять.

Пятидесятилетие, этот когда-то важный, а теперь лишь условно символический этап, было, однако, законным и достаточным поводом для творческого вечера хорошего, хотя и редко печатавшегося поэта. При Советской власти банкет после юбилейного вечера включал в себя, бывало, купание в бокале шампанского нового ордена или хотя бы даже и не самой именитой медали. Но сейчас чего не было, того не было.

Ныне такие собрания имеют камерный, не особо даже торжественный и уж, конечно, не концертно-митинговый характер. В Малый зал ходят свои к своим. Тут все друг друга знают и, что

в принципе не характерно для творческой среды, даже, бывает, уважают. Всегда всё проходит хорошо, без скандалов, которыми знаменит ЦДЛ. И виновник торжества, и его гости-почитатели остаются довольны друг другом. И слава Богу, потому что ЦДЛ за долгую свою жизнь перевидал слишком много мерзостей разного рода, особенно, кстати, идейно-политических. Драки же, например, происходили и в Нижнем буфете, и в Пёстром зале, и в шикарном и знаменитом Ресторане ЦДЛ, имеющем независимую от писателей и поэтов собственную замысловатую, с историческими пятнами, репутацию.

Впрочем, рукоприкладство в ЦДЛ осуществлялось во множестве мест. Их скучно перечислять даже.

В Малом зале не короткий по времени вечер Поручика прошёл, по моему ощущению, быстро. И это означало успех. Окончательно вечер закончился после исполнения певицей трёх романсов на стихи Поручика, поднесением ему трёх скромных букетов и дарения, от духовенства – иконы, от казачества – великоватой на вид папахи, а от джигитов – сувенирного, но убедительно сверкающего кинжала. Были ещё дипломы и почётные грамоты.

Когда добрая половина зала отправилась в Нижний буфет на скромный, а лучше сказать, бедняцкий банкет, туда же дружно двинулась небольшая компания самых близких друзей взволнованного поэта. Я был в ней по самому что ни на есть законному праву. Из наших лишь прозаик Иннокентий Харитонов задержался за беседой с хозяйкой книжного киоска, но и он не опоздал к третьему тосту, когда у участников застолья, утоливших первую жажду, отрывается дар свободной искристой речи.

Друзья Поручика устроились за двумя предварительно накрытыми, под белой скатертью, сдвинутыми столиками. Гости устремились к подобию шведского стола, заставленного закусками и бутылками. От одного из многочисленных ныне писательских союзов его секретарём был оглашён пространный юбилейный тост, отчасти повторяющий его же вступительное, на вечере, выступление. После этого все занялись долгожданным делом и разговорами.

Нижний буфет я в те времена для себя называл Нижним Новгородом, Пёстрый зал был у меня Москва, а Петербургом я именовал вельможный масонский Ресторан ЦДЛ. К компании друзей как-то неожиданно подсел один общий знакомый, сценарист одного из трёхбуквенных телеканалов Сергей Привалов. За глаза его звали «Длинноватый». Я подумал, что сценарист явился не для дружеской попойки (хотя выпить он был, естественно, не дурак), а в качестве коллекционера оригинальных человеческих типов. К несчастью, он был ещё и модным блогером, алкавшим лайков (от слова лай, как я трактую этот липкий термин). Скрытую камеру носил на себе. Однажды его, не мы, правда, тщательно побили за такого рода скрытность.

Довольно быстро я, да и все мы, поняли, по какой непрофильной нужде он прибился к нашему берегу.

Одним из крайне оригинальных типов – потенциальных жертв сценариста-блогера – был поэт и литературный критик Белинский. Это не псевдоним, а настоящая его фамилия. Тут, впрочем, все были оригиналами, ибо других Нижний буфет не принимает. Критик-поэт принципиально критически относился к чистосердечной простодушной водке. В этом было нечто таинственное и даже очаровательное. Удивительным образом он пьянел вместе с нами, ни единой каплей не размыв репутацию успешного трезвенника.

Сидели за столом и другие талантливые люди нашего цеха. И не совсем нашего по ремеслу, хотя ремесло у приглашённой Поручиком красивой Ирины было творчески подходящее: режиссёр документального кино. На вечере она снимала видео на телефон, а почему на телефон, а не на камеру, так это, она сказала, для творческой атмосферности. Она в то время делала документальный фильм о Поручике.

Этот, одно время никем, как и настоящая литература, не финансируемый род творчества, задавленный глупыми сериалами, ужастиками и прочей дребеденью, востребовался и круто воспрял на теме киевского майдана и всех этих безумных, невозможных, казалось, украинских событий. Ирина в поворот истории вписалась после начала СВО. Она была ранена, но в своём

фильме о взятии Мариуполя ни словом об этом не обмолвилась. Я как-то спросил её, почему. Она ответила, что мужчину шрамы украшают, а женщину нет.

Она была очень красивой, по-настоящему проснувшейся, но не голодной женщиной. На тонком её лице грустили большие, косоватые в разрезе глаза.

Неизбежный и многослойный разговор завязался, естественно, только после третьей по счёту, за нашим отдельным столом, рюмки. Первую подняли за нашего друга, только что отстрелявшегося на творческом вечере. Вторую Поручик предложил поднять за тех, кого назвал слугами и повелителями слова, то есть за нас. Мы этому и не противились, порядок есть порядок. Третий тост, за Ирину, неожиданно приватизировал сценарист Привалов.

Не скажу, что это было кстати; я ясно почувствовал некую преждевременность и даже неуместность тоста: резонно было бы услышать его, в честь единственной дамы, от Поручика. Но птичка, однако, вылетела. Как могла.

Тогда я попросил Поручика ещё раз прочитать стихотворение о снеге. На вечере он, как водится, читал лучшие свои стихи, а затем и новые, а среди них сразу же запомнившееся стихотворение о снегопаде.

Мы тогда как будто увидели этот снегопад. Снежинки-слова, нагруженные мистическим очарованием, слетали из зари зимнего неба. Из тяжёлых сине-свинцовых облаков, подсвеченных по дну мятежным алым светом. В тихом полёте слова нежно, тревожно и, как ни странно, музыкально позванивали. В поэзии это бывает.

Я подумал, что, читая стихотворение на вечере, Поручик открывал свою душу. Сейчас он в неё всматривался. То есть он лучше прочитал. С болью.

И тогда я, тонко восхитившись его талантом, сказал, что давно думаю вот о чём: в прекрасные по результатам, хотя и не очень частые и не слишком продолжительные времена своего психического здоровья русская литература была моральной, пейзажной и всепогодной. То есть всерьёз нравственной и изо-

билующей пейзажами и описаниями множества разнообразных природных явлений.

– И смертей-погибелей, – обронил Поручик.

– И их тоже, – согласился я. – У нас ведь всё в один узел завязано. Только люди, когда умирают, то они совсем умирают. А природа всегда воспроизводится.

– Заканчивай ты с этим контекстом, – сказал Поручик, но я не внял его пожеланию и продолжал. Согласитесь, вещал я, Россия на эти явления богата до избыточности даже. Они зачастую даже жизни угрожают. А меня в отеческой, так, друзья, я хочу её называть, литературе больше всего привлекают зимние картины, мотивы и настроения. Наглядно драматичные, а вместе с тем иной раз неподражаемо оптимистические. «Мороз и солнце, день чудесный, ещё ты дремлешь, друг прелестный, пора, красавица, проснись»... кто этого не помнит! Из-под пера гения вышло и прямиком в учебники. А оттуда в национальный культурный код.

Так вот, увлечённо повествовал я, из зимних страниц классики мне лично больше всего дороги те, на которых описывается метель. В юности любил про весну. Священную. Весна меня тогда будоражила как таковая, что тут удивляться. Это сейчас она меня всего лишь ненавязчиво веселит. А раньше будоражила.

– А лето? С летом как у тебя? – спросила тогда Ирина.

– Лето, – отвечал я, – ну что, Ира, лето. Пылкое. Страстное. Праздник. Но жарковато. Страшит радиация разгулявшегося солнца. Осень, Ирочка, я тоже люблю, особенно среднюю, когда очей очарованье, но ещё сильнее позднюю. Предваряющую морозную и вьюжную зиму.

– Я, Ира, тоже обожаю лето. У меня действие всех сериалов разворачивается летом, – сказал Привалов.

Он был сейчас бестактно напорист, как в своих лентах, которые, за отсутствием глубины, насыщал громоздящимися проходными эпизодами.

Ира отреагировала мгновенно и коротко:

– Лето – это липкая кожа, Привалов.

Теперь всё прояснилось с впечатляющей резкостью. И даже как будто какое-то общее облегчение наступило. Может даже

и Привалову-Длинноватому стало как-то легче после недвусмысленного отпора.

С этого момента встреча обрела второе и весьма глубокое дыхание. После промежуточного кофе мы как следует выпили водки и стали доказывать друг другу, что в невероятно быстро летящем двадцать первом веке прекрасная литературная традиция исхудала, но не умерла. Ослабла, но не сдаётся. Выразительно-изобразительно поблёкла, но зато теперь наши изголодавшиеся глаза, уши и личное чувство прекрасного сами по себе добавляют ярких красок и музыкальных звуков суховатым небрежным текстам.

Мы говорили, как нам казалось, интересно и искренне, но наверняка излишне пространно, чего в литературной среде, где все говорюны, делать не следует. Тут ведь каждый жаждет высказаться поподробнее. Ирина нас почти не снимала, а в разговоре участвовала лишь короткими, в десятку, репликами да неподражаемо выразительной мимической реакцией, но именно на эту реакцию мы сознательно или подсознательно, то есть по-мужски, ориентировались.

Мы спорили, уважая наш спор. В споре ведь иногда известно что рождается. Истина, ха-ха. Её ждут. Интересно же поглядеть на голую! Но чаще в споре всего лишь копится усталость от борьбы мнений. Переубедить всё равно никого невозможно. Уж я-то знаю.

Со снегопада разговор перешёл на гололёд, но тут мы лишь скупо улыбнулись, а я так просто поморщился, а Поручик даже оскорбился в ответ на не смешной анекдот Привалова, вновь вдруг воспарившего на торопливой, проворной водочке. В анекдоте пьяница треснул головой о новорождённый лёд на Тверском бульваре напротив памятника Есенину. Чего тут смешного, спрашивается.

Дальше мы всерьёз разговорились о метели. Не за окном, окон в нижнем буфете нет, а о метели у Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Державина, Ломоносова, Бунина, Кюхельбекера, Брюсова, Вяземского, Лермонтова, Жуковского, Некрасова, Лескова, Блока, Есенина, Пастернака, Твардовского, Гроссмана, Распутина, Астафьева, Белова...

Это я перечислил, кого запомнил. Поскольку соревновательно беседовали люди всерьёз начитанные, то имён было много. Но мы слишком частили. Выигрывая темп, проигрывали качество. Так бывает не только в шахматах, но и в застолье. И в жизни.

Ближе к концу вечера я, полноты ради, вспомнил «Метель» Сорокина, но его повесть только я да Белинский читали; на моё добавление он заметил:

– У этого губа не дура.

Белинский сказал, что Евтушенко предложил на конкурс текстов для гимна России стихотворение «ИдУт белые снега», и это был, что ни говори, поступок. Потом поэт-критик сообщил, что исследователи образа метели в русской литературе выделяют метель-страсть и метель-судьбу:

– В метели есть inferнальность. Литература её обнажает. Смотрите, снег ведь белый, а метель изнутри серая, непроницаемая, без единой искры. Метель обманывает. Заезаешься – она и судьбу опрокинет, и руки-ноги можно отморозить, и вообще помереть, – я сказал это, что бы перевести беседу из вспоминательного в осмыслительное русло.

– Точно про inferнальность сказано! В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» кто метель затеял? – в разговор вступил медлительный прозаик Харитонов.

– Чёрт, – сказал Поручик.

– Гоголь, – засмеялся я. – Он и сам по некоторым признакам мистического свойства не был чужим в тех сферах, куда нам вход заказан.

– А туда пропусков не бывает. Понравиться надо. К нам же ко всем приглядываются, – негромко, но внятно проговорил как будто протрезвевший Привалов.

– Что к тебе приглядываться, тебя за твой блог черти и так своим числят, – засмеялся Поручик.

– Возможно. Хотелось бы, – ещё тише обронил Длинноватый.

После этого, от греха подальше, следовало расходиться. У меня, однако, сам собой родился другой план. Я встал с рюмкой в руке.

– Мужики! Послушайте! Ирина, и ты послушай, чего ты улыбаешься! Тебе, как режиссёру, пригодится. Я был недавно в генеральской бане. Она так называется по традиции, но там, мне сказали, собираются исключительно деловые люди. Знакомый пригласил посмотреть на бизнесменов. Поизучать их. Правда, баня. Хорошая. Пили мы там крайне благородные напитки. Анекдоты были. Разговоры не политические. Без дам, учти, Ирина.

– Жаль, что без дам, – сказала Ирина. – Я бы не прочь.

– Дерзкая! – я сдвинул брови. – Забыла, что к беде неопытность ведёт?

– А я бы со своим мужчиной туда пришла! А что, и я была девушкой юной. Я бы фильм сняла о мужской бане. Ты бы, Поручик, там стихи девушкам читал. Охота мне это снять, не могу какая охота. Или вы им стихи там не читаете? Там же у вас и с девушками не девушки главное. А что тогда?

Поручик отмолчался, а я продолжил:

– Никто тебе, Ириша, не ответит, потому что никто из нас не знает. Хотя мы все, мужчины, по-особому чувствуем баню, честно. Вот. Мы тогда договорились, что через месяц снова соберемся попариться. Деловые люди сказали, что для них, бизнесменов, договор дороже денег. Но никто, конечно, о нём не вспомнил. Кроме меня. Деловые оказались не способными держать слово. Но мы с вами, слава Богу, не деловые. Мы – люди творческие. А творчество, это, между прочим, есть точность высшего рода. Надо в душу прицельно попасть. Встречаемся через месяц? Ну, давайте встретимся! Здесь.

Меня поддержали единодушно. Отчасти чтобы поскорей разойтись, как мне показалось. Ирину, к моему удивлению, вызвался было проводить Привалов.

Ему было тактично, но непреклонно отказано. Ирина посмотрела на часы:

– Меня машина у подъезда ждёт, я знаю. Уже семь минут. В ней человек. Саша, мой оператор.

Помолчала для паузы, что бы Привалов уяснил информацию. Продолжила:

– Он просил тебе, Поручик, и всей честной кампании кланяться, – Ирина церемонно поклонилась. – Жалеет, что никак не мог на вечер приехать. Я поэтому сама, за него, следила за тобой. Через камеру телефона. Так что извини. Ребята, я правильно поняла, что через месяц здесь же? С Сашей приду. Поручик, ты меня должен поцеловать и отпустить.

Она подошла к Поручику, сама поцеловала его и ушла.

– Летящей походкой ты вышла из зала, – сказал Привалов.

Я ехал домой в такси, сев, вопреки привычке, на переднее сиденье. Шёл снег. Когда мы останавливались на красный светофор, он падал тяжёлыми хлопьями сверху вниз, а когда ехали, он летел навстречу нам, разбиваясь о лобовое стекло. Дворники метались вправо-влево, неустанно смахивая его.

Я задремал минут, наверное, на десять.

В дреме ли, во сне ли я подумал, что Малевича прославил «Чёрный квадрат», а «Красный квадрат» и «Белое на белом» советские искусствоведы как будто и не заметили, рассудив, наверное, что у гениального супрематиста два этих цвета слишком уж напряжённо и недвусмысленно взаимодействуют на идейной, а не на художественной почве. Они, два полотна-врага, были побеждены чернотой «Чёрного квадрата». А жаль. С красным всё понятно, это страдание, а белый следовало трактовать как русский снег. Холодно. Чисто. Честно.

Отрезвляет после красного и чёрного.

Я вспомнил, как в детстве во внезапную сильную, лучше сказать, мощную, метель, затмившую белый свет, мы с другом, ему было двенадцать, мне одиннадцать, наглухо заблудились в сосновом бору. Лыжи проваливались в рыхлый снег. Я ослаб до того, что стал засыпать. Васька тормозил меня, но я засыпал. Он сильно ударил меня по лицу. Разбил нос. Кровь полилась, не остановишь. Красная на белом снегу. Я взбесился. Хотел его тоже ударить, но вместо этого неожиданно для себя решительно показал напряжённо вытянутой рукой, куда нам надо идти. Скоро мы вышли, уже не плутая, из бора, увидели дома. Васька потом говорил, что я нас спас. А я ему сказал спасибо за кровь.

Ещё в такси пригрелилось мне, как я в шестнадцать лет поехал один, романтично, в меловой подземный храм Рождества Иоанна Предтечи. Это недалеко от города Лиски Воронежской области, где я родился. Храм вырублен в меловой горе. Сейчас туда туристов возят, там ведь, кроме храма, остатки старинной крепости, которую не смогли взять хазары, и вид на Дон и окрестности удивительно красивый и зимой, и летом.

В тот день огромное пространство под горой и до горизонта сияло под ярким полдненным солнцем белоснежным покровом. Контрастно, как на рисунке тушью, чернели на двух берегах безлиственные деревья вдоль плавно изогнутой белой ленты реки и маленькие фигурки зимних рыбаков, склонившихся над лунками, похожими сверху на чёрные точки. Я вошел в храм, подсвечивая себе тусклым желтоватым светом карманного фонарика. Мне хотелось, как я задумал, пробыть в подземном меловом храме ровно полчаса. Во мне духовные процессы тогда бушевали. На двадцатой минуте фонарик погас. Время я узнавал по «Командирским» часам со светящимися зелёными цифрами и стрелками. Через десять минут я вышел из пещерного храма на белый свет.

Но белый свет был теперь серый. Метель бушевала. Снежные полотна, клубы и потоки не пропускали солнца. Казалось, наступил внезапно зимний тусклый беспросветный вечер. Смутно стало на душе.

По обледенелой, извилистой опасной тропе я осторожно спускался вниз, к туберкулезному санаторию. Недалеко от него, через дорогу, была остановка моей электрички.

Когда она причалила к перрону и пошипела распахнувшимися дверями, мир уже радостно и обновлено сиял. Солнце торжествовало. Метельный заряд стремительно укатился далеко за горизонт.

Давно, как давно всё это было.

Дома, приняв душ и попив чая, я уснул и снов той ночью не видел.

Время зимой идёт быстро. Мне однажды позвонил Валера Поручик и сказал:

– Уговор насчёт повторной встречи в ЦДЛ помнишь?
 – Как не помнить, я же его соорудил. А что, месяц прошёл?
 – День в день. Приходи завтра к шести в ЦДЛ. Во что бы то ни стало. Я всех обзвонил.
 – Кто-нибудь обязательно не придёт, хотя мы люди творческие.

– Каждый за себя отвечает. Так что будь.

Мы собрались в Нижнем буфете. Ирина не пришла. Поручик сидел почему-то мрачный. Привалов выглядел как больной.

Ещё не налили по первой, когда Поручик требовательно, почти властно, сказал:

– Давай, Привалов.

Привалов на глазах побледнел и стал говорить.

– Мы с Ириной пять дней назад улетали на Донбасс. С военного аэропорта «Чкаловский». Кто летал туда, тот знает. На десантном ИЛ-76. Самолёт огромный, на борту гуманитарка, тюки, какие-то ящики там военные, медицинские сумки и коробки, и секретное, наверное, что-то ещё. Военные, журналисты, артисты. Чичерина с нами летела петь перед бойцами. Ещё группа от «Мосфильма» и группа от телевидения. Я сперва лететь не собирался, но узнал, что Ирина летит, и лоб разбил о порог министерства обороны. Вымолил себе разрешение. Нас встретили в Ростове-на-Дону. Разобрали по машинам, повезли. Ближе к войне. У Иры был оператор, ну, Саша её. Он там, на месте, на следующий день снимал Ирину, а я, как умел, их двоих. Не для блага, клянусь. Хотя покажу, наверное, и там. Мы старались, Ирина просила, и я просил, что бы нас довели до того места, где война совсем рядом. Нас не сразу туда повезли, там же всё строго до предела. Нас берегли. Там не так просто понять разницу между близко и далеко. Там снег выпал, всё покрыл, всё чисто, убитый лес только чернел страшно. Ирина хотела эту белоснежность снять, а потом с того же ракурса, когда и если будет тут орудие работать, или миномёт, или танк, то всё, она говорила оператору, всё, Саша, тут изменится, исказится, всё станет страшно. Где белый снег, там как саван, он, наверное, будет. А где-то он будет чёрный, она говорила. И, не дай Бог, алая

кровь на белом снегу. Она этой съёмки страшилась, я видел, но она, главное, хотела снять людей на войне перед их работой и после их работы.

Он замолчал.

– Рассказывай, – сказал я.

– Но она ничего этого не сняла. Прилетел украинский дрон. Мы его не слышали до последнего момента, когда он над нами повис. Смерть! На наших глазах. Смерть. Смерть.

Он не кричал. Он шептал.

– Что ты сделал тогда? – спросил Поручик.

– Закрыв ей глаза. Они были широко открыты. Она в небо смотрела. А я её любил.

Он замолчал.

Я увидел эти глаза. Она смотрела на нас. На меня. С неба.

ВЫСТРЕЛ

За два дня до очередной поездки в родной город мне приснился сон из тех, которые иногда повторяются. Сквозь такой сон, как я впоследствии узнал от серьёзного специалиста, просвечивает какое-нибудь особое и значительное воспоминание, сохранённое запасливым подсознанием. Нынче после этого сна я долго ещё лежу в постели и возвращаюсь пробудившейся памятью в былую реальность. Сравниваю её со сном и не жалею, что проснулся.

Я стараюсь не возиться, не ворочаться с боку на бок. Я берегаю чуткий сон жены. Она спит, свернувшись калачиком, на правом боку, лицом мне в спину. Потихоньку я переворачиваюсь на левый бок, смотрю на неё.

Я, по сути своей, человек сентиментальный. Военный конструктор. Эту способность к нежным чувствам очень в себе люблю и оберегаю. Я люблю мою тихо спящую женой. Каждое утро. В такие дни оно долгое. Как по-разному всё же идёт время. Сокращает его любовь или, наоборот, делает жизнь в любви длительнее в собственном восприятии?

И спросить не у кого. Но, думаю, это у кого как. Теорию относительности тут невозможно приложить. Она описывает, на самом деле, более грубые вещи. Да и не описывает, а всего лишь предполагает, ибо теория, как таковая, и есть предположение. Следует об этом подумать. Не сейчас. Хотя гармонию алгеброй поверить всё равно невозможно.

То, что мне снилось, произошло на стройке, где я подрабатывал между девятым и десятым классом. В бригаде было, считая меня, пять мужиков, две женщины, три девчонки. Одна из них, большеглазая, серьёзная, в чёрном, узко стянутом в талии комбинезоне, вызывала во мне особого рода томление. Это Марина. Она заика, поэтому всегда молчит. Мне тайно нравится сочетание её красоты, серьёзности и гибкого стана. Её вынужденное молчание мне дорого, потому что она (я так считаю) заслонила им от мерзких слов, которыми тут не только не брезгуют, а просто ими разговаривают. Мне кажется, что если человек не говорит таких слов, то он их и не слышит. Так я, в своём воображении, отгораживаю Марину от грязнословия. И я страдаю, понимая, что она, к сожалению, не глухая. Да, я так думал: жаль, что она не глухая.

Она мне всё равно была бы дорога, и, может, даже ещё дороже.

Марина старше меня, она уже закончила десять классов. Разница, по понятиям юности, велика, но ведь любви, это каждому известно, все возрасты покорны. Мальчики от девяти до девяноста лет почти бессильны перед нею. Редко когда сопротивляются чудесному чувству. И я не исключение, почему и влюбился в Марину болезненно сильно и глубоко. Страсти всех видов терзали юношу меня. Идеальные чувства и грешные мечты лишали и сна, и разума. Но чувства пылали, а мечты так и оставались мечтами, потому что отношений у нас не было, даже самых скромных и обыкновенных. Я стеснялся хоть что-нибудь сказать ей, и спросить, по слишком понятной причине, тоже ни о чём не мог, и до определённой поры даже и не о чём было бы спросить. И это длилось и длилось, день за днём.

А тот мой сон был точен до самых мелких деталей, увиденных как будто под увеличительным стеклом. Я стою в тени большого, пахнущего сосной штабеля желтых досок. Это тяжёлая шестиметровая «тридцатка». Тридцать миллиметров толщина. У штабеля чуть прохладнее. По моему лицу стекает пот. Руки и правое плечо испачканы липкой сосновой смолой. Я только что перетаскал в здание строящегося цеха ровно пятьдесят досок. Сколько велел бригадир. Во сне я не помню его имени, но вижу, что он в старой соломенной летней шляпе с затрёпанными лохматыми полями. Он выходит из-за штабеля и говорит:

– Артём, сейчас придёт машина стекловаты, разгрузи её побыстрому. Там на пятнадцать минут работы.

Он отходит от меня, и я вижу, что его силуэт начинает ломаться и искажаться в перевитых жарой струях ленивого воздуха.

Я слышу голос водителя машины:

– Э, героические строители, вы давайте поскорей меня разгрузите, мне на базу надо.

Я снимаю рубаху, влезая в кузов грузовика и сбрасываю на землю толстые квадратные плиты стекловаты. Дует жаркий, с вихревыми порывами, ветер. Вдоль поворота дороги, по которой прикатил грузовик, стоят и внимательно смотрят на меня суслики в серых шинельках. В бусинах их влажных глаз сверкают золотинки исторгающего зной солнца. Над выгоревшим полем в самом зените плавают пара дальноточных орлов, похожих на графические скобки. Орлы видят, как на лысом придорожном бугорке свивается в кольцо узорчатая степная гадюка.

Ветер резко усиливается и бросает на меня искристое облако стеклянных иголок. Они больно и остро колют моё, по пояс голое, потное, мускулистое мальчишеское тело. Я хочу закричать, но не могу почему-то.

И я слышу, как кричит Иван Михайлович, каменщик, которого за глаза называли Философом:

– Что ж вы, идиоты, респиратор ему не дали! Почему он без рубахи! Он же астму получит!

Я её и получил, сразу хроническую, но не сразу об этом узнал. Марина подошла ко мне и начала натирать мне горящую спину кремом. Я запомнил тубик с цветочным рисунком и названием, обозначенным цветными буквами: «Крем Детский». Я чувствую блаженное облегчение.

Она серьезно смотрит на меня, как будто даже вглядывается, и вдруг, чуть потянувшись ко мне лицом и, на мгновение улыгнувшись, быстро показывает язык. И испытывающе смотрит на меня. И говорит, очень тихо:

– П-п-пойдём в суб-б-б-оту в кино.

Я чувствую, как по спине моей пробегает холодок.

– Да, Марина, да, – шепчу я, чтобы никто не услышал.

Она отдаёт мне тубик крема и говорит:

– Дарю Артёму.

Мы пошли в субботу в кино, на дневной сеанс. Вечером всегда кинозрителей полно, а днём тут только маленькие люди с бабушками, и эта почтенная публика занимает первые ряды.

А мы на последнем.

Теперь, когда после мучительно-блаженной юности пришла и заканчивается вполне состоявшаяся зрелость, и на пороге предгорье памятной старости я не могу вспомнить, какой фильм мы смотрели.

Мы поцеловались один раз. И она после этого неловко поцелуя как будто отпрянула от меня, и я испугался, что оскорбил её этим поцелуем.

Как же давно всё это было, а вот помню, что не помню фильма. И чего только не было за прошедшие годы. И кого только не было.

Сейчас я тот, о котором в представлениях на награды по закрытому списку пишут кратко, но ёмко: выдающийся конструктор ракетной техники.

В отличие от большинства моих сверстников, я, как бы поточнее сказать, «состоятелен». У меня хорошая машина, хорошая дача близко к Завидово. Всё это, впрочем, не важно. Для меня. Детей у нас нет.

Иногда я езжу, сам за рулём, в родной город.

Полной грудью астматика дышу там, под тополями юности.

А сейчас, проснувшись, вспоминаю.

Лето. Жара. Стройка. Философ. Марина.

Бригадир заметил, что в обед, после компота, я читаю книгу. Мужики в это время травили анекдоты привольного содержания, слегка приправляя их художественным словом.

– Ты, Артём, с нами тут не присутствуй. Иди к философу. Ты с ним, вижу, споёшься, – говорит бригадир.

Иван Михайлович сидел в отдалении под тополями на сколоченной из неструганых досок лавке и читал.

– Можно, я с вами посижу? – спросил я.

– Садись. Я читаю «Государство и революция» Ленина.

Испытывающе посмотрел на меня, как будто что-то обо мне решая.

– Смекаешь, почему Ленина читаю? Наше государство одрябло. Великое учение искажено. Таким образом, революция ещё не закончена.

Он видел в моих глазах то, что промелькнуло в моём сознании. Сказал спокойно:

– Я не сумасшедший. Я философ. Меня так тут называют, не подозревая, что я и на самом деле философ. Я свободен во всём!

Глаза его странно блеснули.

– Что значит, что вы на самом деле философ? И в чём во всём вы свободны? – спросил я.

– Это просто. Я учился на философском факультете Московского университета. Я свободен в любви. Как Ленин был свободен в любви. Революция – это путь любви к свободе. Любовь ищет свободы. Ты бывал на Ленинских горах?

– Да я и в Москве ни разу не был, – ответил я. – А Ленин от свободы был свободен?

Спросив его, я хотел опрокинутым вопросом выбраться из этого завала слов.

Со временем я почувствовал какую-то его странную власть надо мной. Это не была воля прямого действия, но он выстра-

ивал мои мысли по непонятному мне ранжиру. Например, фанатичное почитание Философом бессмертного вождя ощутило давило на моё сознание.

Второй страстью Философа была весенняя красота девушек. Так он её определял. Он говорил об этом как бы в идеальном смысле, но я не обманывался относительно его сладострастия. Однажды, когда мы сидели на дощатой скамье, он сказал:

– Тебе про меня рано или поздно наплетут разного. Лучше я сам кое-что расскажу. Правду. В университете я не доучился, ушел с философского факультета. Не моё это. В океан разума я вглубь не нырнул. Жить философом, подлинным философом, можно и без диссертации, и даже без диплома. Надо просто любить жизнь. Труд. Охоту. Природу. Красоту женщин. Хорошо, если есть главная идея, как у меня. Ты приходи ко мне в субботу, открою тебе главное. Не бойся, не про Ленина. Я, юный мой друг Артём, лечу молодых женщин. Когда от них знаменитые врачи отказываются. Нервные болезни и неизлечимое заикание. Посмотри на шарик.

Он вынул из кармана блестящий стальной шарик от подшипника. Сказал:

– Смотри на шарик, только на шарик, и слушай мой голос.

Под ветровое бормотание тополя он легко погрузил меня в гипнотическое забытьё. Единственным, что я тогда запомнил, были такие слова:

– Твоя левая рука каменная, тяжёлая. Ты не сможешь ею пошевелить.

И я не смог пошевелить рукой.

– Это был гипноз. Я тебя ему научу.

Мне это было сначала интересно, но потом стало неприятно. Я всю свою жизнь люблю власть. Я работаю там, где прорывное конструкторское решение может быть воплощено в изделие (так в нашей отрасли обозначается ракета), только через воздействие всепреодолевающей власти. Лучшего инструмента не бывает. Но такая, как у Философа, власть – над подсознанием человека – мне тогда, и навсегда, резко не понравилась.

Он это чувствовал и, я это понимал, давил на меня, чтобы с непонятными мне целями подчинить себе. Он хотел преодолеть сопротивление его воле.

Однажды он сказал мне, что к нему придет на лечебный сеанс девушка-заика.

– И ты приходи. Я ей скажу, что ты мой ученик. Я буду проводить сеанс лечебного гипноза. Не бойся, ты не заснёшь. Ты просто сиди, на меня не смотри, ничего, ни слова, не говори.

Я пришел к нему в назначенное время, к четырём часам дня. Он одиноко жил в своём доме на уютной, под локонами лип, окраине нашего городка. Внутри просторной комнаты стояли в ряд четыре стула, перед ними маленький столик и венский стул с изогнутой спинкой.

Девушка пришла точно в срок. Введя её в гипнотический сон, Философ-сказал:

– Дарья, ты сейчас в летнем саду. Тебя окружают деревья, это яблони и груши. Это твой любимый сад. Тебе хорошо, ты спокойна. Сорви пять яблок и пять груш. Дарья, собирай в подол яблоки и груши.

Девушка встала и начала как будто рвать яблоки. Они якобы падали из высоко поднятого подола, полностью обнажившего её стройные ноги. Она наклонялась, будто подбирая с земли эти несуществующие плоды.

Разбудив её, он сказал:

– Ты сегодня глубоко спала. Прошепчи сейчас такую фразу: «Скоро я не буду заикаться. Я скоро перестану заикаться. Со всем брошу заикаться».

Девушка, не запнувшись, прошептала все эти слова и осталась очень довольна собой. Потом она, радостная, ушла.

Я сидел смятый.

– Зачем вы так делаете?

– Как?

– Я её трусика видел. И вы видели. Так нельзя делать!

– Успокойся! Дело в том, что у Даши очень силен рефлекс стыда. Я просто проверял, насколько глубок её сон. Я тебя всему этому научу.

– Вы врётё, Иван Михайлович! И ничему этому я учиться не буду!

Он посерьёзней, подумал, сказал:

– Не надо бояться жизни.

– Да причём тут жизнь?

– Да притом, – бросил он. – Всё. Иди домой. А хочешь – к Марине!

– А это не ваше дело!

С того времени я стал замечать, что он всё понимает про меня и Марину, и что она ему очень сильно нравится, и, я это точно почувствовал, она у него была на сеансе гипноза.

Томимый ужасными предположениями, я спросил её об этом.

Она ответила:

– О-д-д-ин раз. Не уснула. Такой м-м-озг у меня.

Она была, я это позднее выяснил, абсолютно не гипнабельным человеком. Гипноз на неё не действовал.

И всё-таки страшная ревность бушевала во мне. Я ни в чём не подозревал Марину, но возненавидел Философа. И я очень тщательно прятал от него это чувство, потому что не знал пределов его способности подчинять людей. Тем более, что у него была еще одна попытка подавить мою волю, и эта попытка частично удалась.

Он позвал меня на прогулку в лес, в четвёртое воскресенье августа. Я это запомнил, потому что Философ сказал мне, что с этого дня в нашем регионе разрешена охота на пернатых.

Я ответил, что ненавижу охоту. Что вполне осознаю и умом понимаю эту страсть, зародившуюся в незапамятные времена как способ добычи питания. Аграрно-животноводческого сектора тогда и в помине даже не было. Но зачем сейчас из тысяч стволов палить по всему, что летает на собственных крыльях, спрашивал я.

Философ смотрел на меня, впервые такое было, жёстким неприязненным взглядом.

– Ленин любил охоту! – выпалил он.

– Вот точно убийственный аргумент! – воскликнул я.

– Да ты просто не стрелял ни разу! – буквально вскипел Философ.

– А мне и не надо! Я и так знаю, что попаду!

– Ты этого знать не можешь! Ты не чувствуешь особую, мужскую романтику охоты! Ты вообще не понимаешь, какая в ней красота!

– Сказал палач птиц, – сказал я шёпотом.

– Пойдём! Пойдём проверим, какой ты меткий стрелок. Пойдём! – он почти кричал, но это был явно наигранный крик. Он, похоже, зашёл с другой стороны, как бы говоря мне: охотиться не зову, а про меткость докажи, что не соврал.

Я решил доказать. Я был самолюбивый мальчик, да и сейчас таков же.

Мы пошли на опушку леса, увидели на тонкой вершинной веточке высокой берёзы маленькую какую-то птаху. Философ дал мне ружьё, велел держать его свободно, но крепко, чтобы приклад при отдаче не повредил плеча.

Я словно был в его власти. Я прицелился и нажал на курок.

Сноп дроби разорвал крошечную птицу. На землю, нам под ноги, прилетело всего три пёрышка и крылышко птахи. Я поднял его, оно было в крови.

Меня мучительно вырвало.

Философ дал мне умыться из алюминиевой солдатской фляжки. Я попил воды, мы ушли к лесному озеру, сели там на два рядом стоящих пня.

– Не знал, что ты крови боишься, – сказал он. – Тебе это надо в себе победить.

– Я не крови боюсь. У меня был открытый перелом руки, я свою сломанную лучевую кость видел, и ничего, – ответил я.

– Тогда в чём дело? – спросил Философ.

– Я не могу и не буду никого убивать.

Какой-то жар разжигал его изнутри.

– Ты же в армию пойдёшь! – воскликнул он. – Примешь присягу. А если война?

– На войне враги, а не лесные птицы. Не зайцы. Не тетерева, куропатки и косули прекрасные.

– При чём тут косули? Я пострашнее кое-что видел, но нервы сберёг.

– А что пострашнее убийства? – спросил я.

Он молчал и смотрел-на меня испытывающими-глазами. Да, он меня испытывал. Ждал моей реакции.

Вдруг он обнял меня и стал прижимать к себе.

Я вскочил и закричал:

– Я вас сейчас застрелю!

Он побурел, плюнул мне под ноги.

Я побежал сначала, потом просто шёл, ни разу не оглянувшись.

В первый рабочий понедельник я рассчитался со стройки.

Я потом учился в Москве в Бауманском училище, а сразу по окончании учёбы работал в засекреченном конструкторском бюро. Я круто взлетел. Ключи от хорошей, с запасом комнат, квартиры я получил в комплекте с первой Государственной премией.

На учёбе был у меня среди друзей-однокурсников сын крупного руководителя военной медицины. Я рассказал ему о Марине.

– Вези её в Москву, – сказал он. – Вылечим. Папа может.

Марина, когда я учился в Бауманке, не реже раза в месяц бывала у меня, останавливалась в недорогой гостинице.

Она заикалась, но однажды сказала мне твёрдо и как будто обречённо:

– Бросишь меня, Артём.

– Не надейся, – ответил я.

– У вас там в Бауманском, п-п-п-представляю, какие д-д-д-евушки.

– Это мальчуковый вуз. Военный.

Она поверила мне. Она приехала в Москву, лежала в военном госпитале, потом, ещё два раза, снова ложилась в неврологию.

Папа смог. Мы пригласили его на нашу свадьбу, он засмеялся, отказался, сказал, что у Марины может заикание вернуться, когда она его увидит.

Оно не вернулось.

Марина никогда больше не заикается. Любит петь. Я люблю слушать.

*Я ехала домой, душа была полна,
Неясным для самой, каким-то новым счастьем.
Казалось мне, что все с таким участием,
С такою ласкою глядели на меня...*

– Твой дом здесь. Ехала она, – смеюсь я.

*Я ехала домой... Двурогая луна
Смотрела в окна скучного вагона.
Далёкий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, как нежная струна...*

– Самая нежная струна в твоём голосе, – шепчу ей на ухо.

Теперь она ласково смеётся. Я официально хочу заявить: такое счастье бывает. Марина здесь, она моя. Она моя жена.

В родном городе остались у меня только дальние родственники. Однажды мне неожиданно позвонил Философ, поздравил, наигрывая сердечность, со свадьбой. Сказал, что регулярно бывает в Москве и останавливается у своих благодарных пациентов. Голосом с особой, осанистой такой, интонацией сообщил, что стал официально признанным Минздравом народным целителем.

Я не удивился, тогда это было не в диковинку, даже по телевизору банки с водой заряжали для целебности.

Попросил меня о встрече на Ленинских горах на смотровой площадке. Сказал, что для него это важно. Я согласился. Он сказал, что приедет не один. Приехал с молодой женщиной, выйдя из такси, церемонно открыл ей дверь. Он показывал эту женщину мне, я понял. Мы прошли к высотке МГУ, стояли, задржав головы, и рассматривали шпиль со звездой, едва видимой сквозь серо-синие сырые облака, низко летевшие за Москву-реку к чаше Лужников.

Иван Алексеевич сосредоточился и помрачнел. Не надо быть психологом, чтобы понять, что он ушёл в воспоминания. И я знал, о чём он вспоминает. Как он учился да недоучился на философа.

Потом мы сидели в кафе недалеко от трамплина, он сказал своей подруге:

– Вот, Ниночка, Артём Сергеевич, я считаю так, мой старый друг. Однажды, было дело, мы крупно поссорились. Артём, честно, ты меня тогда не понял. Забудем?

Иногда, очень редко, потом позванивал мне.

Марина называла его изувером. Да, именно этим словом.

Однажды, узнав, что я собирался приехать в родной городок, он позвонил, сказал, что хочет встретиться со мной в музее. Я по приезду припарковался у музейной ограды. Музей располагался в старинном красивом здании бывшего промышленного училища. Правую сторону площади замыкало административное здание. Перед ним стоял на постаменте гранитный Ленин с фуражкой в высоко поднятой правой руке.

Философ опаздывал. Я зашел в музей, купил билетик и стал ходить по залам. Это был хороший провинциальный музей с достойной нотой краеведческого патриотизма. Коллекцию картин украшали два прекрасных этюда Крамского, добротные исторические полотна и живописно дерзкие картины в стиле наивного искусства.

Ко мне подошёл интеллигентного облика мужчина моего возраста, представился. Это был директор музея. Его звали Андрей Александрович.

– Иван Михайлович мне вчера звонил, что вы к нам придёте. Он немного опаздывает. Я вам пока музей покажу, – сказал Андрей.

Я так его сейчас называю, потому что между нами очень скоро завязалась дружба двух интеллигентов крепкого уездного корня – художника и конструктора. Он был очень хорошим графиком и живописцем, и первоклассным, я бы сказал – породистым, администратором. Я это ценю, таких немного в нашем народонаселении.

В одном из залов на стенде «Наши гениальные земляки» я увидел свой портрет с короткой, в сверхэкономном стиле «родился-учился», справкой под ним. Я попросил немедленно освободить стенд от моей безвестной персоны. Андрей лишних вопросов задавать не стал.

– Давайте встретим Ивана Алексеевича, – предложил он. Предысторию наших отношений Андрей не знал, а я не испытывал желания её рассказывать.

Я не мог простить Философа.

Мы вышли на краснокаменное крыльцо с коваными перилами и двумя, по бокам крыльца, колоннами как будто бы коринфского ордера. Стройные их тела напоминали пропорциями ракеты «Тополь». Площадь перед музеем пересекал старик в серебряной седине, охватывающей загорелый лоб. Это был Философ, и я сразу понял, что он видит нас, но никак этого не обозначает. Как бы влекомый непреодолимой силой, он устремился к памятнику Ленину, в пояс поклонился ему и воскликнул:

– Ильич, приди! Явись на землю и покарай отступников!

– Это он перед вами так выступает. Да и вообще. Любит так поговорить с Лениным, – сказал Андрей.

– Плохо дело. Юродивым его не зовут? – спросил я.

– Город привык, – ответил Андрей. – Он зато замечательно женщин лечит. Из Москвы к нему едут. Да отовсюду. Мы про него стенд комплектуем.

Оказалось, что Иван Михайлович в музее свой, и более того, приближенный человек. Женщину-главбуха за две минуты от мигрени избавлял, даже без гипноза. Мы потом сидели за чаем в директорском кабинете, говорили о всяком.

Вот как раз обо всём всяко разном я вспоминал после моего стеклянного болезненного сна. Мне хорошо думалось на величественной, два на два метра, семейной кровати с высокой резной спинкой. По румынскому буку рельефно, с гравюрной проработкой деталей, была вырезана сцена старинной псовой охоты. Опушка кудрявого леса. Охотники на тонконогих, как на православных иконах, конях. Женщины в шляпках и длин-

ных платьях, грациозно сидящие в дамских сёдлах. Элегантные борзые. Заяц, взлетающий над землёй, прыжками мчит по лугу к другой, спасительной, опушке. Стрелок. Красивый клуб дыма из длинного, точно нацеленного ствола охотничьего ружья.

Больше всего мне в этом сюжете нравится мальчик в берете с пером. Сидя под высоким, с широкой кроной, королевским вязом, он смотрит в противоположную от охотников сторону и играет себе на дудочке.

Это я. Стрелок – это Философ-революционер.

Однажды, когда ко мне приехал Андрей, а Марины не было дома, я завёл его в спальню показать это произведение мебельного искусства. Он сказал, что резьба воспроизводит сюжет классического полотна (он назвал художника), которое экспонируется в Королевском музее Антверпена. Я сказал, что мне путей в Европу нет. Причины известны. Я потом доложил Марине, что, мол, я сам об этом дознался, потому что у меня хороший вкус.

– Кровать я выбирала, – напомнила она. – Ты забыл. Ты сказал, что охоту ненавидишь с тех пор, когда изувер заставил тебя птаху застрелить. В мозги женщинам он заглядывает, видите ли! Что ему там делать?! Изувер!

Подумала. Сказала:

– Давай домой туда съездим.

Через три дня, стартовав в четыре утра, мы ехали, я за рулём, на север от Москвы по трассе. Гостевали у Марины в родительском доме. Мама её старая радовалась на нас, всё прямодушно намекала, что пора детей заводите, ей уж очень внучку с внучком хотелось потетешкать.

В Москву к нам она ехать и раньше отказывалась, сказала, что будет приезжать, пока в силах и при памяти, а насовсем нет, нет, не поедет.

В музей со мной Марина заглянуть не захотела, ей, я понял, надо было побыть с матерью вдвоём.

Я знал, о чём ей хотелось выплакаться перед матерью. О том, что у нас с ребёнком не получается ничего.

Я позвонил Андрею, он сказал, что музей закрыт, но он у себя в запаснике копается, и очень рад будет повидаться. Что я обязательно, обязательно должен приехать, потому что есть одно важное дело. Неотложное.

У дверей музея я позвонил Андрею по телефону, Андрей открыл мне. Мы обнялись. Я умылся с дороги. В директорском кабинетике на столе стояла бутылка водки, какая-то еда, вода в графине. Наполненный гранёный стакан, покрытый сверху куском чёрного хлеба. На боковой тумбочке видна была перехваченная по правому нижнему углу чёрной ленточкой чёрно-белая фотография Философа в простой деревянной рамке. Он смотрел на нас.

– Когда? – спросил я.

– Вчера похоронили, – ответил он. – Скоропостижно ушёл. А это я сейчас собрал, – показал на стол.

На противоположной от поминального стакана стороне стола лежала стопочка фотографий.

Мы выпили за упокой души раба Божия Ивана.

– Он был странным человеком, – сказал Андрей.

– Хорошо его проводили? – спросил я.

– С венками. Венков было много. А людей не слишком.

Помолчали. Говорили. Вспоминали. Потом я спросил, что это за фотографии.

– Это его женщины. Он этих женщин избавил от тяжёлых нервных болезней. Так он говорил. Он мне говорил, что живёт самым свободным и самым любимым человеком на земле. Женщины, я не знаю, так ли это, они больные, сами хотели от него забеременеть. Но не это главное.

– А что главное?

– Он мне рассказал, когда сильно уже болел, почти перед смертью, что в студенчестве бросил девушку. Она от него беременная была. Она выбросилась в окно. Со страшной высоты, из окна университета на Ленинских горах.

Ничего этого я потом, в Москве, не стал скрывать от Марины.

– Пок-к-к-караул его Господь, – сказала она.

ПОРТРЕТ

Падение поэта на глазах у художника

Лучшие женщины в нашей жизни появляются внезапно. Так случилось со мной на Пушкинской площади в удушающую жару второй половины московского июля, когда в Россию прилетели, как янычары в деревню, раскаленные аравийские ветры. Под кондиционером в мастерской я с утра чувствовал себя прекрасно, но чёрт (или ангел?) догадал меня поехать на Пушкинскую площадь. Я желал посмотреть, как в полдень меняется цвет бронзы опекушинского памятника, и запомнить, как ложатся тени на лице поэта. И для верности сфотографировать их.

Я тогда писал портрет Пушкина. Работа моя подвигалась плохо. То есть это была почти готовая работа, но много слабее той, которую я задумал.

Выбравшись из такси, я подошёл к памятнику и долго смотрел на него, задрал голову. Пушкин вдруг чуть покачнулся, потом накренился и стал на меня падать. Теряя сознание, я рухнул на ограждающую памятник цепь.

Я очнулся на одной из скамей слева от памятника, в густой (нельзя сказать, что прохладной) тени старых деревьев. Открыв глаза, я понял, откуда взялась прохлада: на моё лицо лилась осторожная струйка холодной воды. Я облизнулся. Солнце играло в пластиковой бутылочке, как в дальносветной линзе маяка. Бутылочку осторожно наклоняла над моим лбом рука зеленоглазой Прекрасной дамы. Я видел её лицо в обрамлении изумрудных на солнечный просвет листьев. Моя голова покоилась на прохладных женских коленях.

До дрожи ярко это напомнило мне другое время и другую женщину. Только вода омывала тогда не моё лицо, а мои ноги.

– Слава Богу, у вас просто обморок. Но вы теперь уж не бойтесь, – сказала Прекрасная дама.

– Обморок... тоже ничего. Но я уже счастлив, – заявил я.

Искорки мелькнули под её взлетевшими ресницами. Она не спросила, почему я счастлив.

– Вы очень бледный. Это красиво, но вам лучше порозоветь. Меня немного мутило, но голова была ясная.

– Можно, я ещё немного так полежу? – я вопросительно посмотрел на красавицу.

– Конечно. Лежите, сколько хотите. Сколько надо.

Я сразу понял, что она ответила так не ради едва послышавшейся мне лёгкой иронии – умной сестры насмешки.

– Хотите теперь водички испить? – она наклонилась надо мной.

– Да. Но лучше холодного шампанского.

Я пригласил её в кафе, когда на Пушкинскую пришли и стали во все стороны улыбаться и что-то индийское распевать люди в затейливых одеждах. После этого из солнечной пыли полдня соткалась чёрная стайка большеглазых мусульманок. Соседство двух этих групп было несколько противоестественным, поэтому мусульманки поспешно удалились. А кришнаиты, пританцовывая, побрели по Страстному бульвару. Впереди их оранжевого караванчика не хватало, с моей точки зрения, слона в цветочных гирляндах с башенкой на спине.

Пушкин всему этому внимал. Взирал на всё это. Не падал. Ничего такого уж нового он ведь не заметил. Да и длилось всё это недолго, потому что всех одолела жара.

Потом я увидел хромого, с забинтованной рукой, солдата в полевой пятнистой форме, делавшей его незаметным. Он дремал на скамье, потом встал, покачнулся и, опираясь на sustentaculo алюминиевую трость, пошёл к подземному переходу.

Шампанское нам подал интеллигентный официант в чёрном фартуке. Я заметил, что он не позволил себе даже намёка на любопытствующий взгляд, но я не сомневался, что парень оценил красоту моей дамы. Я понимаю, что в подобных случаях, то есть при некоторой разнице в возрасте сударя и сударыни, официанты обыкновенно почитают девушку, возвышенно говоря, путаной.

Девушку звали Злата, и она была художницей из Чебоксар, решившей провести в Москве целый месяц.

Крестьянки тоже чувствовать умеют

После того, как мы выпили наше шампанское, я привёз Злату в мастерскую. Бедной скромной девушке не следует жить в гостинице, я так рассудил.

Она согласилась.

– Но, – сказала Злата, – как же мне жить в мастерской? Нет, я люблю, когда просторно, светло, белые стены, но...

– Ты здесь напишешь мой портрет, если захочешь. За деньги. Поработаешь натурщицей. Приходилось?

– Особого опыта нет, – сказала она.

– Особого и не надо. Просто культура нужна.

– Да, да, я понимаю, а...

– А жить ты будешь у меня. Квартира в этом же подъезде. Комнат много. Спален две. Так что уровень богемности относительный.

Секунду подумав, она спросила:

– Разве вы меня не боитесь?

– Чего, например? Что вы мошенница на доверии?

– Как это? А, я, впрочем, знаю. Показывали по телевизору. Нет, я просто слишком доверчивая.

– Я не заметил.

– Я естественная. Это теперь считается видом дурости. Таких мало, но в Чебоксарах ещё остались, к счастью. Потому что у нас самый чистый город в России. Экология. Волга. Отдалённость от Москвы. Но я, правда, за вас боюсь.

– Да почему, милая чебоксарка?

– Вдруг вы найдёте во мне то, что вам нужно. Тогда у вас возникнут проблемы.

– Что я найду?

Она помолчала, подумала. Потом сформулировала:

– Женщину, в которую рискуете влюбиться. А две женщины для художника – это не менее трёх проблем. Как минимум.

– Назовёте их?

– Две назову. Одну моим именем, другую вашим. Третья носит имя вашей женщины.

– Да у меня женщины-то нет!

– Этого не бывает. Просто вы не знаете, что женщина никогда своего мужчину насовсем не отпускает. Я нашу сестру отлично знаю. И вы были женаты.

– Откуда известно? В сети обо мне прочитала?

– Нет. У вас на безымянном пальце колечко белой незагоревшей кожи от обручального кольца.

Я сжал ладонь в кулак.

– Вам не нужно было всего этого мне говорить, – сказал я. – Да, я вижу вашу красоту. Я на неё посягаю – как художник. Я в вас не влюблюсь. Разве что слегка, бестелесно. Вы же согласились мне позировать.

– Да, – согласилась она. – Говорите мне «ты», это не обидно. Вы же уже говорили.

У меня от сердца отлегло. Точнее, к сердцу прилегло. Раз такая красивая, то да, пусть живет у меня сия девица честная. Не в том, конечно, патриархальном, досвадебном, смысле слова, а как человек. Я это сразу определил, еще на площади. Всего лишь по одному её родниковому слову: испить.

Зоя это слово тоже любит. Брошенная жена.

Все знают, что рядом с художником должна быть женщина. Для вдохновения. Примеры уединённого, и притом гениального живописного творчества мужчин-художников в отстранении от женщин есть. Слойми уложены в истории мировой живописи. Запечатлены в кино, в биографической и художественной литературе. Но хоть сколько-нибудь тонко чувствующий человек непременно знает, что на самом деле в творческом дерзании без женщины никогда не обходится. Иногда достаточно влюблённости. Или ненависти. Кому-то нужна страсть. Иному из нас годится даже заурядное нежное воспоминание. Мужчины, резюмирую, сублимируют в живописи любовную энергетику. Но я сейчас предпочитаю не любовь, а лице- и телозрение. Необычное лицо. Прекрасное тело.

И мне теперь не до того, чтобы упиться непосредственными страстями. Я ничего такого сейчас не хочу. Или мне просто хочется вспоминать Зойку? Господи, почему? Не желаю я вспоми-

нать! Я ею оскорблён. Но вдохновляться надо. Писать портрет Пушкина без вдохновения – унижительно. Это же не учебный гипс рисовать.

Именно поэтому Злата Серебрякова будет жить у меня. Наши спальни в моей квартире не рядом. Она, я знаю, не верила, что близости не будет. Но мне дорого, что она поняла и приняла этот мой, по нынешним временам странный, но по-своему романтический, беспостельный настрой.

Я её даже не расспрашиваю ни о чём. Хочу сам её понять. Раскодировать. Я не дьявол, но меня, художника, интересует её душа. Душа, а не только (как художника) её великолепное тело. Душа – это в любом человеке самое главное, вам это всякий скажет. Не каждый только знает, что у женщины тело есть самая главная часть души. Именно так. Как там у Маяковского... «На сердце тело надето».

Но я сейчас сам себя до конца не совсем понимаю, если честно.

Я подбираюсь к душе Пушкина. Он отворачивается от меня. Я захожу и справа и слева, но он лишь косится на меня, да и то изредка. Я ему неинтересен.

Но и о Зойке я, конечно, думаю. И вовсе не в том смысле, что, Зоя дорогая, мы с тобой разошлись и я теперь вольный охотник на доверчивых куропаточек. Уж разгуляюсь на просторе! Нет, во мне жили другие чувства, и они были сильными. Не хотела ребёнка нам родить! А ведь она врач, между прочим. Ласковая, как большинство терапевтов. Должна любить детей! Не пользовалась природными женскими возможностями, а зря. Вот ни один мужик не может родить, а я бы, например, счастлив был. Нет, я не гендерный фантазёр, я, к счастью, во всех смыслах в отличной форме и в лучшей мужской поре. Я просто так – умозрительно-философски – иногда думаю. А Зоя и красива, и в самом прекрасном для материнства возрасте, и я её роскошно обеспечивал. Я муж ей был! Я не знаю, чего ей ещё надо было. Тужься, Зоя. Тужься!

– Зоя, роди, – она ведь это слышала. Должна была слышать. Хотя я не очень громко говорил. Шептал. Про себя. Без слов.

Но она расслышала:

– Опосля тридцати разрожуся для ради вас, барин, мальчонкой. Когда вы готовы будете. Ну, а ежели уж очень повезёт мне, то девчоночку из себя произведу. Дитя-подружка мне будет, – так она выпевала, убедительно косясь на меня взглядом бездонным.

В том-то и дело. Этим и брала. Этим взглядом. Ну, не только взглядом. У неё много чего восхитительного. Душа-тело. Но взгляд, о, как много я знаю о силе взгляда! Могу примером подтвердить.

О, взоры, полные любви

Ещё до брака с Зоей я, тогда мустанг на свободном выпасе, спал с молодой натурщицей, откровенно опасаясь, что никакие контрацептивы не выстоят перед отличной возможностью и полной готовностью её тела произвести новую жизнь. Груды у неё млеком пахли. Сиськи, мне нравится это живое сладкое слово. А трогательная складочка внизу приводила меня в жадный восторг. И вот владелица этого богатства мне сказала, что не представляет, как довести мужчину до семьи. Знает, как до первой остановки. До постели.

– Я прекрасна! Я согласна! Я верна буду! – восклицала она, расхаживая передо мной по мастерской.

– Хочешь с мужчиной быть, не ходи перед ним голой. Если он не уголовник. Быстро привыкнет, – сказал я. – Это первое.

Она набросила на себя мой халат, ловко обмахнула талию поясом с кистями. Теперь халат, попевая за смелыми коленями, красиво волочился за ней.

– Хочешь, чтобы мужчина взял тебя в жёны, научись говорить с ним одними глазами. О недостижимости счастья для него.

– Как это, одними глазами? Зачем же нам речь дана? – она была очень удивлена.

– В таком взгляде столько колдовского призыва, точнее, зова, что мужчина станет думать о тебе не только до «этого», когда он

воспылал желанием. Он, кстати, о тебе в это время и не думает, потому что у него половой столбняк. Он начнёт думать после «этого», когда почувствует, что ты всё время с ним говоришь. Глазами, не языком. Он тебя будет мысленно спрашивать: чего ты хочешь, когда вот так бездонно смотришь на меня? Он должен будет доказать себе, что разгадает твой взгляд. Он захочет овладеть тайной. Спасти её и возвеличить, и охранять. Короче, он жениться на тебе захочет. Не покорить, а подняться на высоту.

– Где ж такому взгляду научиться? – спросила натурщица.

– Иди в картинную галерею и смотри, как мужчины смотрят на женские портреты. И как женщины на полотнах смотрят на мужчин. Всё поймёшь.

Довольно скоро она вышла замуж за знакомого мне дизайнера. Он мне потом новую квартиру делал. На их свадьбе я несколько раз встретился с ней взглядом. И я увидел в её глазах не «Ой, спасибо тебе!», а упоение. Мой совет принёс желанный для неё результат. Она меня на этой свадьбе на пару мгновений облучила женской силой. От избытка этой силы.

А моя Зоя Евгеньевна (так её звал в добрую минуту) меня так и не облучила.

Она меня сейчас, чувствую, облучает. Дистанционно, но сильно.

Зоя была мне почти три года жена. Мы сошлись как бы импровизируя, на пробу, для эксперимента, втайне не веря, что навсегда, хотя каждый хотел обнаружить себя в таком, знаете, патриархальном браке. Когда даже посмотреть на сторону не хочется и незачем.

Зачем, если навсегда полюбил свою паву и каждую ночь, утро и день не можешь поверить, что она твоя. Твоя Жена. Твоя Любовница. Мать твоих детей скоро будет. Муза. И кофе варит. И мороженые ягоды заказывает, которые я люблю. Клубнику и сливы. Только я не знаю, слива это ягода или нет. А пава и поэзию любит. И вообще. И это самое с ней вообще умпомрачительно.

Но бес, который привёл меня позднее на Пушкинскую площадь, всё время следил за нами.

Оказалось, что Зоя, любя всё свеженькое, презирает мороженые ягоды, не чувствует поэзию и индифферентна по отношению к кофе. Это как?!

В её внутреннем мире, где сберегается всё самое дорогое для человека, нет моей живописи! А моя живопись – это ведь я сам. Лучшее во мне. Чем я отличаюсь от всех людей. И даже от других художников, потому что талант никогда не бывает похожим на другой талант. Похожи так называемые «уровни» и «направления».

Мне было зло-забавно, именно так, слушать (невольно подслушивать) её наглые телефонные разговоры пониженным голосом с неизвестными мне подругами. Ничуть не презирая себя, я вникал в эти глухие, грешно интонированные диалоги, вернее, в реплики Зои. Я догадывался, что речь идёт о славном прошлом подружек. И, вероятно, чуточек о настоящем, от меня скрытом.

Зачем было замуж выходить, если всё было так хорошо, и все были та-а-а-кие сильные.

Бабы взбесились, вот что! Я однажды жёстко высказался на эту тему.

Это вы, мужчины, взбесились, заявила Зойка. Чего вам не хватает? Чего? Любви, женщин, возможностей, блаженства всех видов? Власти? Ах, денег! Так напрягитесь! У тебя, кстати, и денег полно. Мир устроен для мужчин всех возрастов, всё идёт вам на пользу, даже седина. Нам помоложе надо быть, но вы-то такой заботы не знаете. А у женщин жизнь состоит из того, что они как будто пятятся назад. Вы на нас любите сзади смотреть, на то, чем мы для вас виляем, у нас анатомия такая, а мы вам в глаза смотрим. Мы понять желаем, наши вы или нет? А вы не наши. Вы или воюете всю жизнь как бешеные, в вашей голове марши грохочут, или гуляете как пьяные. То вон в холсты влезаете всей личностью. Штык где должен быть? Что ты смотришь, я не про это!.. Штык должен быть воткнут в землю. А не в живот другого солдата. Шли бы каждый к своей женщине! Они заждались.

– Я давно, Зоя, к тебе, дуре любимой, пришёл.

– Я, мой милый, баба-крестьянка. А ты у нас аристократ духа!

– Зойка, стой! – я стал набрасывать карандашом её лицо с горящими гневом глазами.

– Пошёл ты! – она схватила лист с наброском и швырнула его пол.

Я его поднял и положил в папку. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», – я остановил это мгновение на бумаге!

– Ловко ты вывернулась, – сказал я. Злость кипела во мне. – Прямо битва полов.

– Как умею, – ответила она. И вдруг некрасиво взвизгнула:

– Ты с Лилькой спишь, гад! Думаешь, я не знаю!

Отпираться было бы унизительно.

– Мы это редко...

– И с Кирой, гадина! Гадина гадину пользуется.

– Не знаю даже, зачем, – я помедлил с ответом

– Ну, подумай, – сказала она. – А то ведь поздно будет, когда они тебе в подолах наследников принесут. Я тогда тебе с моей новенькой девочкой нужна ли буду? Ты, Витька, кобель. В отцы не годишься. Потому и я мамой не стала. Мне мой нужен муж. А не половой многостаночник.

Мы закурили. Мы молчали. Мы опять закурили. Мы молчали.

– Ну что? – спросил я. – Подводим черту, раз я кобель?

– Я согласна, – она ткнула сигарету в пепельницу. – Квартиру продадим, деньги поровну.

– Я согласен, – ответил я. Мне не хотелось это говорить, потому что мне вдруг стало нас жалко. Я твёрдо знал, что мы делаем пошлую и глупую ошибку.

Но поезд ушёл.

Наша квартира на Якиманке стоила очень дорого, но деньги верны человеку меньше, чем гуляющие друг от друга муж и жена. Нашу квартиру продали, купили каждый свою.

К половине квартирных я добавил денег и взял себе шести-комнатную. В том районе, где есть ещё переулочки, в которых можно, гуляя поздно ночью, встретиться с Пушкиным. Мне с ним поговорить надо было.

Я после развода любил ночью по Москве ходить. Не Патрики посещал, где теперь, когда кровавая война, развели кабаки с танцами и девками-охотницами, а патриархальные переулочки и те улицы, в которых ещё сохранилась старая Москва. Хотя бы в объёме и координатах культурной памяти. Там и встречался с Пушкиным, да и не только с ним. Мне нужно спросить его об одном деле, о чём спрашивать вообще-то немислимо даже.

Была ли ему верна Наталья. Я всё написанное об этом вопросе прочитал, но ответа у меня нет.

Он иногда, я видел, прохаживается по Немецкой слободе, она потом была Лефортовской, теперь Басманная. Он там родился. Мы там виделись неоднократно.

Я не лунатик, но летними злато-серебряными лунными ночами люблю бродить по набережной Яузы в Лефортово, или по Тверскому бульвару. Там писатели-призраки не редкость. Видел я, как Толстой, сидя на скамье в Хамовниках, раздумчиво оглаживал неухоженную крестьянскую бороду. У него беспокойный взгляд. Глаза маленькие, но зоркие. Видел, как Чехов, сутулясь и легко постукивая тростью по брусчатке, шёл мимо меня к Тверской. Ему направо и вниз, а потом через Тверскую, в Камергерский переулок. МХАТ, называю его прежним не укороченным именем, и сейчас там. Он, Чехов, был женолюбив и практичен как может быть практичен врач, научно и предметно познавший естественные тайны организма. Но любви тоже не избежал. Писатель!

Пушкин идёт быстро, не замечает ни меня, ни вообще никого и ничего. Внезапно останавливается и что-то бормочет. И вдруг радостно, негромко засмеётся и крепко стукнет каблуком по брусчатке.

Так выглядит процесс творчества. Ни свечи, ни гусяного пера, ни бедной няни с полной кружкой. А просто смех и крепкий удар каблуком по истёртому камню мостовой.

Моя новая квартира Зое понравилась бы – я как-то невольно об этом подумал, и не в том смысле, что вот, Зойка, смотри, как я без тебя устроился. Ничего гнёздышко?

Я подумал в том роде, что мы как бы опять сошлись, и она может оценить, что я её ждал в новом нашем доме.

Она от меня, значит, не уходит. Вот что бы это значило? Она не ушла.

Как в это поверить? Я не хочу в это верить. Хочу или не хочу?

Я вот возьму да женюсь на другой! Вот Злата для чего у меня в доме?

Я её изучаю. Она тихо живёт. Как-то необычно по стилю, что ли. Повадки у неё странные, но ничуть не раздражающие меня. Любит классическую музыку, плеер-брелок бронзового цвета всегда при ней. Любит читать. С собой привезла из Чебоксар любимую, как выяснилось, книгу. Владимира Набокова.

– «Лолита»? – спросил я.

– «Дар», – ответила она.

Я изумился:

– Почему «Дар»?

– Лучшая книга о любви и творчестве, – сказала она без паузы.

– Чернышевский умел любить, считаешь?

– Конечно. Но там ещё внутренний герой, от лица которого вся книга, ну, Годунов-Чердынцев, который сочиняет о Чернышевском, вот он любить и творить умеет.

– Это сложно.

– Девушки с берегов Волги склонны к сложному.

Мне было о чём подумать.

– Великого любовника пишешь? – спросила она, увидев, что я пишу портрет Пушкина.

Я подумал и ответил:

– Идея, на философском уровне, блестящая, но неисполнимая. А так, да. Любовник музыки. Любовник свободы. Любовник страсти. Любовник красоты. Любовник чести.

– А для Натальи любовник?

– Да. Во всех смыслах. Муж должен быть с женой любовник. Он и был.

– Любовник смерти, – помедлив, сказала Злата.

– Этого я не знаю. Я знаю, что смерть сама себе нас назначает не в любовники, а в вечные мужья. Ведь переход в вечность происходит только через смерть.

До Златы моя новая квартира стояла полностью обставленная, но пустая. Нога женщины не переступала её порог. Надо будет её написать в том виде, в каком она была без мебели. И без Златы. Картину назову «Квартира художника». Окна без штор. Мольберт пестрит. На стене большой фотопортрет женщины. Сепия, под старину. Нет, чёрно-белый. В центре комнаты едва намеченный, прозрачный силуэт другой, рванувшейся к двери женщины в платье с длинным, летящим шлейфом.

Что вы об этом думаете, профессор Фрейд?

Разведясь с Зоей, я решительно порвал и с крутобёдрой Лилей, и с узкобёдрой, как подросток, Кирой. Это не было трудно. Их одновременность в моей жизни была пошлостью, взявшей меня в аренду. А свобода, профессор, хороша, когда она полная. Когда она осознанная необходимость.

Я купил для себя в этом же доме, где живу, отличную мастерскую, и свёл до нуля импровизационные визиты приятелей. Критерии выбора были простые: стена с тремя в ряд большими окнами, узкие простенки, глухие, и вторые, полупрозрачные отодвигаемые шторы, хорошая вентиляция, пятьдесят квадратных площади. Плюс всё, что нужно художнику для работы и для пауз в работе. И ещё маленькая кладовка под замком. В ней сейф. В сейфе охотничья двустволка, хотя я давно презрел охоту.

Антон Павлович, это ружьё у меня в финале не выстрелит.

В начале двухтысячных (ненавижу определение «нулевые годы»), точнее в 2007 году, на меня наезжали лихие люди с предложением обеспечить мне «крышу». Я отнекивался. Татуированный уголовник порезал мне нетронутый холст на подрамнике. Крестом, как Андреевский флаг. И тебя, Айвазовский, распишу, сказал. Я тогда специально засветился на раскрученном телевизионном шоу (мышинное какое-то слово), и сообщил в ответ на заранее обговоренный с ведущим вопрос, что в России, слава Богу, берегут таланты. Я под бескомпромиссной защитой

серьезных погон; я легонько постучал себя двумя пальцами по левому плечу.

Бандиты отстали. Ружьё осталось.

А меня стали приглашать на ток-шоу, и для меня это было престижно и выгодно, потому что я вошёл в клуб раскрученных телеперсон России. Я как эксперт рассуждал о женской красоте и о любви. Я высказывал, на самом деле, вполне себе традиционные, едва ли не патриархальные, взгляды, но поскольку ТВ, нет, TV, окончательно рехнулось, то моя позиция воспринималась как остро парадоксальная. И всё это не выглядело нарочито, потому что я ведь ничего не наигрывал, а тема женской красоты в практическом аспекте всегда подсознательно востребована. Люди, как досконально знают психологи, часто думают кое о чём.

Я всегда украшал эти передачи. Художник несёт в мир красоту.

Меня увидели жёны олигархов и хорошие актрисы. Я стал их писать, не особо и угождая, разве только добавлял аристократизма, которого у большинства из них и в заводе никогда не было. Многие дамы поглупели от огромных денег. Они, вернее их мужья или спонсоры, платили за портреты такие суммы, о которых я воздержусь сообщать подробно.

Насчёт известной продажности такого рода творчества я всё понимаю, но не комплекую. Талант – это тоже товар. Да и многие шедевры создавались на заказ. Но в смысле заказов и доходов мне пока далеко до всем известного портретиста, у которого, вообразите себе, телескоп в башенке над его огромной и эклектично стильной квартирой. Хотя какая это квартира, это просто дом в доме с видом на Кремль. Хотя у Шилова, который пишет портреты в консервативно-классическом стиле, и тоже не без лести (но у него это род любования), так вот у Шилова личная галерея совсем недалеко от Кремля.

Но всё же и такая, как у меня, мастерская стоит дорого. Я не хочу творить в однооконной клетушке, как сосед Гришка Дорошевич, художничек через стенку от меня. Этот пишет сюжеты всякого рода: от целующих голубей младенцев до технологично

оснащённых лазерами и бластерами длиннокрылых демонов, парящих над мировыми городами. Это барахло тоже имеет спрос. Водку, во всяком случае, Гришка не пьёт. Нажимает на виски.

А я под настроение могу и простодушной водочки махнуть. Влаги прямого действия.

Обживаясь в мастерской, я как-то задумался о философской сути аренды. Вот я когда-то арендовал мастерскую, желая обрести условия для творчества. Но это была не моя мастерская, а арендованная. Она меня не вдохновляла. Вот я арендовал, а по сути это так и было, двух женщин, слева от жены, с которой был в браке. Они не мои. Вот знатный бизнес-металлург арендует мой талант, чтобы я написал его портрет моей гениальной кистью. Он потом купит портрет, приобретёт его, но это вообще мой портрет, или не мой? Это мой портрет другого человека в аренде у этого человека.

Воистину, вся наша жизнь аренда!

А не игра, как сказал Шекспир.

Оказалось, что Злата считает Шекспира прямолинейным драматургом, но прощает его, потому что, она убеждена, он творил во времена, когда мало учитывались моральные нюансы и полутона, а сейчас без них ничего понять невозможно.

Мне понравилась эта мысль. Я люблю полутона, четвертьтона, едва видимые оттенки. Я жду не той поры, когда захочу Злату. Я дожидаюсь свечения самого первого полутона моей влюблённости.

Не корзины спелой вишни, а первого цветка сакуры.

Я, однако, самолично поехал на рынок и, купив ивовую корзину, наполнил её спелой черешней и кисло-сладкой вишней. Злата намыла летней радости, наполнила ею алюминиевую солдатскую чашку, найденную у меня в мастерской, и с детской жадностью ела вишни и черешню, нарочно распуская сладкий сок по приоткрытым губам. Подносила к моему лицу полную ладошку прохладных алых шариков. Я отказался, отделившись репликой «Не хочу ягод».

– Это плоды, а не ягоды, Виктор, – сказала Злата.

– Любишь их? – спросила я.

– Мне и поныне хочется грызть жаркой рябины горькую кисть.

Так. Это Цветаева пришла ей на помощь. Женщина женщину всегда поймёт. Иногда это удаётся и мужчине.

Я, я, а не Злата, оказался, к своему даже удивлению, неприступной стороной.

Но Злата была искушающей волшебницей, а Зоя оказалась очаровавшей меня колдуньей.

Я – не Иванушкой ли дурачком?

Да не знаю я! Не знаю.

Но глупое мужское самодовольство всё равно щекотало моё сердце. Но тут я вспомнил, что у человеческого сердца есть два желудочка. Они питаются кровью-любовью. А не соком вишни и черешни.

Мир спасёт красоту

Втайне (в тайне!), я иногда пишу иконы. Пытаюсь. Моя цель проста: достичь истины. Не в иконе, этого не смогу. В портрете. Но для этого я должен постичь канон в иконописи. Считается, что это просто правило, вернее, критерий истинности изображения, соответствия его тексту и смыслу Священного писания. Канон ограничивает напористое своеволие бездарей, но помогает трудолюбивой посредственностям тиражировать то, что она называет иконами. Но каждая великая икона – это произведение искусства, оно прекрасно, ибо одухотворено. А я чётко понимаю глубокую взаимосвязанность и тяжелую борьбу между искусством и искусностью. Я не хочу в портрете ни лгать, ни льстить, ни угождать, ни судить. Не хочу искусной фотографичности, это тоже, применительно к живописи, один из видов маскирующей лжи. Я хочу, скажу тяжеломерно, мыслить образами.

У фотографии есть одно преимущество: мастер может нажать на затвор камеры в тот миг, когда на снимке возникает время, страсть, мудрость, восторг – и всё это на человеческом лице.

На иконах же видно не время, а вечность. Да, вечность, а не время, вот в чём разница. «Троицу» Андрея Рублева правильно переместили из Третьяковки в Троицкий собор. Святому творению надо быть со святыми в святом месте.

Людям следует перемещать себя в собор любви. Иконы – все – о Любви. Я пишу их тайно.

Я пишу также обнажённую Злату. Сейчас не могу, не хочу описывать картину. Разве что в общих чертах. Высокая обнажённая женщина. Стоит. Смотрит. Фоном переливчатый, глубоких тонов, алый бархат. Классический, интерьерный, роскошный. Справа вдоль рамы синее вечернее окно. Слева, узкой полосой, неоштукатуренная, бледно-красного кирпича, стена. Складки бархата образуют, намёком, фигуру женщины, она как бы проецируется на бархат. Студийный интерьер должен, по идее, иметь воздушную перспективу, но пока вся перспектива перекрыта бархатом. Но это, думаю, не окончательное решение.

Нет, ерунда, а не описание. Картина в работе, зря я пишу описание. Зачем я его пишу? Ладно, это мысленно, это алгоритм и состав дела живописца. Обдумывание, спор с собой. Сотворение. Но Ренуар прав: «Живопись не рассказывают, на неё смотрят».

Настоящая живопись сама всё расскажет. Гораздо больше, чем художник, тщющийся словами выразить то, что словами невозможно выразить. Главное в картине – два взгляда. Взгляд Златы. Мой взгляд на Злату.

Назвать её просто натурщицей язык не поворачивается. Любовницей – это не так, потому что нас соединяет нечто иное, чем то, что обыкновенно соединяет любовников. Нас привязала друг к другу эта вот наша борьба, в которой Злата не хочет принять поражения её женской силы, а эта сила, без сомнения, есть. Мы не спим. Мы никому не изменяем. Мы не муж и жена. Будем ли, не знаю. После вишни и черешни Злата никак себя в этом смысле не проявляет. Не намекает, не выжидает, не предлагает. Но она уверена, что рано или поздно упоит меня сладостью.

И я должен честно признать, что почки сакуры уже показали цветочные лепестки. Мне так кажется.

Но что за сволочь колеблемая художник! Может ли человек так не понимать, чего он хочет на самом деле!

Ещё как может, оказывается.

Как страшно мне, что это может закончиться. Я с тревогой жду, когда пройдёт её месяц в Москве. Ведь она уедет тогда в свои Чебоксары, будет писать волжские пейзажи. Чьи-нибудь портреты. Олигархов там, как догадываюсь, не водится. Кто побогаче, не обязательно понимают, что такое живописный портрет. Злата видит мир иначе, чем большинство людей и даже большинство художников. Глаза у неё обаятельно косоглазые, большие, широко расставлены на лице. Шея у Златы неопишущая по архитектуре, поэтому голову Злата несёт гордо. Да и всю себя.

Зоя лучше Златы.

В некоторых картинах Златы, я их видел в тоненьком каталоге её единственной выставки, есть не сразу замечаемое искажение пропорций. Это делают её глаза. И именно это тонкое и, скажу так, талантливое искажение придаёт полотну полноту красоты. Не умею я об этом написать. Видеть надо.

Это всё видно в репродукциях.

Я их рассматривал однажды утром и за этим занятием нашёл подтверждение моему решению пушкинского образа. Я напишу двойной портрет. Разделённую пополам картину. Левая её часть представляет собой огромную, золотисто сияющую, как бы фосфоресцирующую бальную залу. Танцующие пары. Вдоль стены дамы, мужчины во фраках и мундирах с лентами и орденами. Пушкин спиной к зрителю, он обернулся, как будто кто-то тревожно его окликнул.

Он смотрит на нас с полотна, из этой золотой залы, и мы видим по его лицу, что сердце у него сжалось. Это не страх. Это страшный выбор.

Правая часть – лесная зимняя опушка на Чёрной речке. Чёрные силуэты голых деревьев, сверкающий серебряными искрами снег. В перспективе чёрная маленькая фигура

Дантеса. Пушкин в полный рост, как на сюжете с балом. Он обернулся.

Он смотрит на нас с полотна, из этого зимнего, серебряного с чернью, свечения. И мы видим по его лицу, что сердце у него сжалось. Это не страх. Это страшный выбор.

Пушкин – это скорбь о любви и судьбе.

Я это всё увидел! И я допишу, закончу, наконец, эту картину. И пусть её увидит тот, кого я зову про себя Металлург.

А Злату, непознанную женщину, познаю ли? Месяц быстро проходит.

Зоя лучше Златы.

Злата может, мне кажется, недурно писать в стиле наивного улыбчивого искусства, но эта поляна уже исхожена вдоль и поперёк. Уже воплощены все эти провинциальные персонажи со своими конкретными настойчивыми страстями, растянутыми майками, подсолнухами в роли цветов, розовой народной полнотелостью, милой наивностью и философской нежностью к жизни. Такой же, какая бывает у всех народов, когда им хорошо жилось. С улыбчивой иронией художника.

Эта ирония, на самом деле, есть лесть зрителю-любителю жизни: смотри, на картинках-то все люди хорошие, да только простоваты до умиления. Не тебе чета, умному-культурному!

И зритель тихо, на законном основании, гордится собой.

А вчера мне позвонила Зоя и сказала, что разыгрывала меня с её беседами про дамские приключения. Для ревности. Чтобы мне душу тревожили не мои картины, а она, Зоя. Сказала, что жалеет, что не родила мне ребёнка. Что думает, не родить ли ей, пока тридцать не стукнуло, от подходящего человека.

– Какого такого подходящего? – спросил я почему-то шёпотом.

– Он ко мне, ну, серьёзно подходит. И он мне, главное, подходит. Ты вчера по телевизору видел, как начальник ордена в Кремле вручал?

– Я новости редко смотрю.

– А зря. Вчера моему будущему мужу орден дали.

Я помолчал. Потом сказал:

– Зоя, врешь.
 Теперь она молчала. Потом ответила.
 – Про орден не вру. Про мужа – это я теперь вот должна решить. Думаю. Может, посоветуешь мне что. Он мне скоро, я знаю, предложение сделает.
 – Кто он?
 – Хирург в Главном военном госпитале. Сомов. Леонид Борисович. Эталонный успешный еврей, подчеркну.
 – Зоя, дай мне подумать, – говоря это, я не мог поверить, что я это говорю.
 – Подумай, – она положила трубку.
 Сомов! Да что ж ты будешь делать! Был на свете Константин Сомов, навсегда, в живописи, обольщённый обольститель желаящих быть обольщёнными дам. Умел любить и других учил.
 Я зашёл в сеть, посмотрел про хирурга Сомова. Жена, двое детей. Звания, награды. Командировки, как я понял, в зону СВО. Про полевую хирургию упомянуто скупо.
 На сайте официального телеканала висел репортаж из Кремля. Сомов, стоя перед Президентом, выглядел как мастер. Он и был мастер. На лицах таких людей это, независимо от профессии, написано чёткими буквами. А я читать умею.
 Прочитал в электронной энциклопедии: «Полевая хирургия (военно-полевая хирургия) – раздел хирургии и военной медицины, изучающий боевые травмы, их клиническое течение, а также разрабатывающий вопросы организации, способы и методы лечения раненых и поражённых в различных условиях боевой деятельности войск».
 Ясней ясного.
 Позвонил Зое, сказал, что у Сомова есть семья. Жена, двое детей.
 – У него любви нет, – сказала она робко.
 – А у меня есть, – ответил я.
 – Чебоксарская муза? – спросила Зоя.
 О, как же тесен этот бедный мир. Его надо спасать от пошлости.

– Нет, Зойка, нет, – я помолчал. – Она мне кофе не варит.
 – А ты ей?
 – Нет. Я бросил пить кофе после нашего разбегания.
 – Это, Витя, был стопроцентный холодный развод.
 – Разве? – спросил я растерянно, и не наигранно.
 – Я закончила курсы операционной медсестры, – сказала она. – Поеду с ним в Ростовский госпиталь. Полечу, вернее. Я выключил телефон. Потом включил его. Позвонил Зое.
 – Зоя, зачем ты туда поедешь?
 Она не замедлила с ответом:
 – Красоту спасать. Мужчин. Без вас нам плохо в мире. Мы должны быть вместе и заодно, мужчины и женщины. А вы друг друга убиваете.
 Боже ты мой, вместе, оказывается? Зачем же ты туда собралась? Ведь звучало всё это, про мужчин и женщин вместе, хоть и благородно, но дико.
 Или дико, но благородно.
 Но ведь не пошло! Я пошлости не люблю. Зоя её ненавидит! Поэтому и мяукала в трубку своей несуществующей подруге с таким откровенным нажимом и перебором.
 Ведь это я не хочу ребёнка. Я – не – хочу – ребёнка.

Кто в чём виноват

Что такое со мною происходит? Кира, моя бывшая любовница, однажды на мой вопрос, как ей живётся со мной и мужем, ответила, что женщина способна любить двоих. Не только в постели, а и в сердце своём.
 – А троих?
 Она не обиделась, поняла, что я не насмешничал. Ответила серьёзно:
 – Связи иногда бывают художественно хаотичными, ты, Витя, не мальчик, сам про то знаешь. А настоящая женская любовь бывает какой угодно, только не хаотичной. Поверь мне, любая женщина в любви точна как математик. Нам калькулятор не нужен. Он в нас Богом встроен. Одна только его не имела в

себе. Ева. Потому и настрадалась. Ну, допускаю, Анна Каренина, но у неё калькулятор перегрелся. Тебе любой психиатр об этом скажет. Да её и не было, в жизни, Анны. Так что, считай, женская любовь всегда любовь по расчёту. Не может женщина любить, не рассматривая, не просчитывая перспективу. Ей свыше предписано себя оберегать. Душу, красоту. Розу свою, потому – матерью надо стать.

– Так как же ты двоих любишь?

– Мне показалось, что я тебя люблю. Но я в себе уже разобралась. Брось меня. Постель нынче не проблема. Когда парни хотят, девки наготове. Захочешь – утешься. А я домоньки, к мужу. Я ошиблась.

Что ж они все меня бросают?

Как со Златой будет? Что с Зоей будет?

Вчера около двенадцати ночи я поднялся в мастерскую. Тьма ещё не пала на великий город. Да ночи в центре, считай, и вообще не бывает. Если куда-нибудь подальше от городов отъехать, то там, когда небо покрыто тучами, наступает плотная темнота. А если на Москву тучи натянет, то небо светится отражённым светом мегаполиса. Светло в городе. Вот я и решил сесть в кресло и смотреть на небо. Я открыл все три окна.

Триптих «Небо Москвы».

Вдруг раздался резкий, металлического тембра, визг. Так в репортажах из зоны СВО визжат квадрокоптеры. И я его увидел, и он летел в моё среднее окно. Как если бы оно было в несчастном Белгороде.

Он завис, мерзко визжа, перед моими окнами, будто выбирал, в какое влететь. Потом он коротким рывком сдвинулся влево, и звук сразу же исчез. За стеной.

Я обмяк в кресле. Потом встал, взял ружьё, вышел из мастерской и саданул пинком в дверь Гришки Дорошевича.

– Ты что, с ума сошёл? – воскликнул он, увидев мое бешеное лицо и наставленное на него ружьё.

– Ты что творишь, скотина? – спросил я с порога. Я вспомнил, что год назад он купил себе по интернету эту китайскую дуру с шестью винтами. Цеплял под неё мощную камеру, по-

казывал мне, говорил, что будет делать уникальные ролики и снимки Москвы.

– Я квадрокоптер испытать хотел, пока ночь, – сказал он виновато.

– Испытал? – спросил я.

– Да вроде.

– Сломай и закопай. Или в болоте утопи.

– Зачем?

– Затем, придурок, что когда к тебе приедут из ФСБ, или из Росгвардии, то я тебя, долболоба, покрывать не стану.

– Да ладно, – сказал он примиряюще. – Я патриот.

– Идиот ты, а не патриот. Не спокойной тебе ночи! – пожелал я.

– Давай мировую выпьем! – воскликнул Гришка.

– Ещё не воевали.

Я вернулся в мастерскую и дописал на портрете Златы, где справа от неё небо, а слева краснокирпичная стена, так вот, я написал на небе хищно нацелившийся в окно чёрный квадрокоптер с подвешенным к нему снарядом.

Вернулся в квартиру и крепко уснул.

Я проснулся поздним утром. Златы не было. Я принял душ, выпил чёрного, как смола, чаю. Поднялся в мастерскую.

Злата стояла перед своим портретом и неотрывно смотрела на него.

– Мне страшно, – сказала она. Подошла ко мне и обвила мою шею руками, будто защиты искала. Прижалась ко мне, и её страх стал её страстью.

– Злата, – сказал я. – Нет, Злата. Прости.

– Я буду ждать, – прошептала она, и, мне показавшись, что-то ещё тише, для себя, дошептала.

– Будь она проклята, – вот что я, не слушая, расслышал и не стал спрашивать, о ком она подумала.

Та, которую она шёпотом проклинала, то есть Зоя, конечно, она что сейчас делала в ростовском военном госпитале? Где она жила? В гостинице? Или, может, для знаменитого хирурга сняли приличную квартиру с видом на тихий Дон. Это было бы

для меня отчасти обидно, потому что это река моего детства, а это значит, что это река моей, а не его, силы.

Или они живут не вместе? Такая надежда во мне тоже была.

Работа сестры в полевой хирургии ужасна. Я один раз, когда учился в Строгановском училище, побывал в морге. При этом обеззараживающем свете, казавшемся мне синим. Или он и был синим. Или это казалось так, потому что на мёртвом теле проступает этот цвет. С фиолетовым оттенком.

Но Зоя работает с живыми, а не с мёртвыми. Значит, она видит кровь и плоть, разорванную осколком или пулей. Или обожжённую, обгоревшую плоть с коркой спекшейся крови.

Я никогда не напишу апофеоз войны, который, может быть, и не в верещагинской горе черепов, а, скорее, именно в госпитале, где хирургическая люстра высвечивает тысячи оттенков на влажной коже раненого человека. Зоя подаёт хирургу ланцет, или скальпель там, или зажим. Зоя обтирает неподвижное тело поднаркозного оперируемого мученика влажными салфетками. Что она видит? Посеченные осколками лица. Ампутированные ноги. Отрезанные руки.

Если раненого-не удалось спасти, она что тогда делает?

Мёртвому надо закрыть глаза. Я не знаю обязанностей операционной сестры.

Я знаю Зою.

Портрет жены художника

Два года назад мы с Зоей после моих долгих и настойчивых просьб вырвались, наконец, из Москвы писать этюды на пленере, на правом высоком берегу Дона. Там есть у меня, теперь у нас, такое место, которое я с детства люблю за его не тронутый временем вид. Лысые холмы, не слишком высокие, но с очень крутыми склонами. Между холмами заросшие редкими жалкими жесткими кустами овраги, выточенные за многие века в белой меловой породе весенними, бурными и холодными, и летними тёплыми дождевыми ручьями. Это мел Юрского периода, ему больше шестидесяти миллионов лет.

На этих холмах человеку сеять ничего не стоит, ничто не вырастет. Да и мать-природа семена сюда не бросает, потому что нецелесообразно. Почва поверх мела лежит тонким пыльным пыльным слоем, и даже полынь там седая от недоедания и серебристая от мела.

Сюда нет дороги, просто едешь по степи и попадаешь в эту страну, минуя дикое, роскошное, былинное разнотравье. До берега Дона, где можно искупаться и хотя бы людей увидеть, пятнадцать безлюдных километров. До села двадцать. До районного города больше тридцати, и там есть гостиница.

Я взахлёб, про запас, писал это великолепие дикого места. Десятки этюдов, пока красок стало не хватать. Зоя загорала голая. Злая была.

– Ты художник? – спросила она меня.

– Да. Ты разве иначе считаешь?

– Почему меня не пишешь? Зою обнажённую. Еву и Живу.

– Какую Еву и Живу?

– Неужели ты и этого не знаешь? Зоя – это аналог библейского имени Ева и древнеславянского имени Жива.

– Теперь знаю.

Остатками красок в самом возвышенном и потому неустанном порыве я в два дня написал три отличных этюда, каждый из которых имел право стать картиной.

– Дома закончишь, – сказала удовлетворённая Зоя Ева Жива.

Такая картина есть. При разводе Зоя забрала её себе. Этюды-эмбрионы остались у меня.

На следующий после этюдов день мы проснулись как только могли рано. Зоя сидела, смотрела на утреннюю зарю. Она решила никуда не торопиться, она разглагольствует. Это мне интересно, Зоя это чувствует.

– Знаешь, за что я тебе благодарна? Ты для меня как точнейший швейцарский хронометр. Ты показываешь мне моё, только моё, личное точное время. А я по нему определяю моё место в жизни. Где я? Утро-детство-завтрак позади. Юность-полдник в недавнем прошлом. Жизнь-обед на столе. День, остановись!

Я, кстати, разленилась. Я ничего не хочу менять в моей, в нашей, жизни. Мне хорошо. А ты, дядя Ваня, слушай меня и смотри, как солнце встаёт.

Иногда она называет меня именами художников, или композиторов, или ещё какими-нибудь знаменитыми, это зависит от того, что она чувствует ко мне. Разными именами, как картины названиями, обозначает своё внутреннее настроение. Теперь ей хорошо, и поэтому я чеховский дядя Ваня, которого она любит за его беззащитную любовь.

Хорошо, что ночью, или когда это у нас иногда происходит, в разное время суток, она никогда, ни разу не спросила: «Тебе было хорошо?». Нет, стоп! Спросила как-то именно этими словами, дополнив их сообразно с творческим поводом. Я тогда закончил необычный, поразивший заказчика портрет. Когда Злата об этом узнала, то захотела его посмотреть. Пришла в мастерскую. Долго стояла, смотрела, думала, потом спросила:

– Тебе было хорошо, когда ты это закончил?

Я это запомнил, этот вопрос.

Тем утром мы стартовали в Москву. Примерно на сотом километре, а всего их шестьсот, я почувствовал, что при каждом надавливании на педаль газа или тормоза у меня всё сильнее болят воспаляющиеся шишки на больших пальцах ног. Скоро это стало почти нестерпимо, но я старался скрыть боль от Зои. Я стал реже давить на педали. Мы ехали всё медленнее, и Зоя сказала:

– Так. Приехали. Стой, Витька. Я сама поведу.

Негромко подвывая и некрасиво, шёпотом, бранясь, я вышел из машины, с трудом забрался на заднее сиденье. Осторожно снял разношенные кроссовки. И это было больно. Хотел высунуть ступню в окно, сперва одну, потом другую, чтобы ветром обдувало, но решил эту меру приберечь. Да и не смог бы. Да и кондиционер есть.

Про мою хроническую (а другой и не бывает, такая уж болезнь) подагру Зоя знает всё, кроме дня начала очередного приступа. Он обычно начинается со слабой боли. Как вчера. Всякий раз тлеет самонадеянная вера, что всё рассосётся само собой.

Но, увы. Дальше повторяется история унижения человеческого достоинства дикой и долгой болью, когда мне мучительно даже шевелить ступнями. Острая форма. Острая! Боль никогда не в радость, но тело и душу очень уж мрачит это самое унижение. Анатомически ступня человека совершенна, как вообще любая часть человеческого тела. Но подагра уж очень любит грызть именно ступню.

Нынче пик-плато боли пришёл не в домашней обстановке. Мне на заднем сиденье становилось хуже и хуже. Я подвывал, вой – это мой стон. Я плохо переношу боль. От соответствующих таблеток кружится голова. Мази помогают на двадцать минут.

Мы заехали на заправку, Зоя набила сумку-холодильник бутылками холодной воды и мороженым, а потом мы снова ехали по скоростной платной трассе на пределе разрешённой скорости. Я выл на заднем сиденье. Зоя свернула на обочину, припарковалась в тени на пустой стояночной площадке.

– Садись на край сиденья, – сказала она.

Я это сделал с трудом. Зоя до колен подвернула мне джинсы, взяла четыре бутылки ледяной воды и стала поливать ею мои ноги. Солнце перевалило уже через зенит. На просвет в бутылке, как в линзе маяка, волшебным образом играла вода. Зоя тихо, тишайше оглаживала мои ступни, не прикасаясь пальцами к красным шишкам. Внезапно у меня началась тихая, без слов, истерика. Плечи затряслись, слёзы полились, как у ребёнка.

– Зоя, прости меня, прости, Зоя, прости меня.

– Ничего, Витя, ничего.

Она, стоя на коленях, лила воду на мои ступни. Подняла на меня глаза. И в эту минуту пришло неизъяснимое душевное блаженство.

– Испей водички, Витя. До Москвы буду гнать.

Я устроился на заднем сиденье, и будто задремал, потом мы останавливались, Зоя опять поливала мне ноги, потом я снова задрёмывал. А когда проснулся, то увидел, что мы стоим у подъезда нашего дома. Как раз подъехала крошечная машинка, я такие называю детско-женскими. Из неё выскочила и подошла

к нам молодая медицинская женщина. Аллочка, Зоина коллега. Сумочка с красным крестом при ней была.

– Здравствуй, Витя, – сказала она. – Снимай штаны.

– Не смогу, Алла, – проскрипел я.

– Всё мы, Алла, сами делать должны для мужского блаженства, – молвила Зоя. – Муж, вались на бок.

Я почти не почувствовал укола. Не могу даже предположить, что мне Алла вколола. Вернее, предположил. Когда очнулся.

Очнулся я поздним утром в родной свежей благоухающей постели. Голый лежал.

– Зоя, а я что, душ вчера принимал? Я не помню.

– Ты, Витя, после вчерашнего укола даже смеялся под душем. Потом спал, ни разу на бок не повернувшись. Ты, Витя, тяжёлый человек, когда спишь. А я лёгкая, когда люблю. Но ты меня сейчас почувствуешь.

Моя всадница была на мне прекрасна. В конце она резко закинула голову и ликующе завывала. И потом ныла сладко.

Всё это я вспоминал, разглядывая мои богатые меловые этюды, исполненные бледными красками, но с ярким вдохновением.

Пришла Злата:

– Виктор, я просто напомнить хочу, что мы завтра на вернисаж идём. Или ты раздумал?

– Нет, почему же, – ответил я.

– Как мне одеться? – спросила она.

– Как хочешь. Ты художница.

– Хорошо же, – сказала Злата. – Хорошо же.

Мрачная она была. Ну и что?

Верещагин, Демидов и их женщины

Она выбрала знаменитое «маленькое чёрное платье», то есть вечернее, но поскольку всё давно смешалось во вкусах и предпочтениях, то и днём на вернисаже платьице оказалось эстетически уместным. Аристократично выглядело, не то что джинсы с обширными и многими дырами или откровенно просвечивающиеся юбки на любительницах современной живописи.

Нет, зря я, на красивых всё красиво.

Про современную живопись промолчу. Я не ортодокс и даже не консерватор-традиционалист, но иные творческие порывы живописцев повергают меня в сложное недоумение, оформляющееся в простой вопрос: Зачем?

Да для славы в денежном эквиваленте, для чего ж ещё. Я подумал, что если каждому художнику в России платить по миллиону в месяц, то много ли будет в России художников? Кого признают достойным субсидии. Очень много. У нас талантов не перечесть. Их, нас, и сейчас полно, но настоящих художников будет мало (их и сейчас мало), но художник должен быть голодным. Но этот постулат не абсолютен. В известном смысле искусство от денег не зависит. Иначе в великие художники выходили бы миллиардеры, но чего нет, того нет. И не будет. Как и художников, ставших миллиардерами.

Но живопись жива. Великое искусство.

Накануне вечером я сказал Злате, что мы должны встретиться на вернисаже с важным заказчиком, портрет которого я собираюсь писать.

– С тем, кто заказал тебе гениальный портрет?

– Да. С Демидовым. Ты знаешь эту историю. Как я убедил заказчика, что он получит гениальный портрет. Я этого слова сам не говорил. Он у меня спросил: «Вы, надеюсь, сделаете гениальную вещь?» Я почувствовал некоторую иронию в его определении уровня портрета, поэтому ответил: «Вы можете забрать аванс».

Разумеется, он отказался. Разумеется, я настоял.

Он сказал, что если я не беру аванс, то, значит, не верю в себя.

Я ответил, что не беру аванс, потому что верю в себя. С ним нельзя было иначе, нельзя было образовывать стандартную пару «персонаж портрета – художник».

– Почему нельзя было иначе? С человеком для его радости можно всё делать, – ответила Злата. – Только иногда нужна анестезия. Люди не очень сложно устроены. Сложных, с истинной душевной глубиной, мало. А обычно надо просто дать

понять человеку, что ему не больно. Что боль у него фантомная. Самовнушённая. Ему надо помочь перестать любить боль. Мы же болью часто гордимся. Ну, болью я обобщённо называю много чего, ты понимаешь.

Что ж, в этом есть какой-то резон. Это следует додумать, доформулировать. Рисунок мысли должен быть чётким.

На вернисаже в славном Манеже я познакомил Злату с Никасом. Он предстал, как всегда, органично простодушным, и притом тонким, умным, красивым и, вследствие этого, обаятельным человеком. Я о нём не мог до конца решить, так ли уж он целостен как личность, да это, по сути, и не было столь уж важно. Мы лишь приятели с взаимным нетребовательным уважением. Мы пригубили шампанское, потом на Никасе повисли дамы, девки и телевизионщики, а я увлёк Злату подальше на просторы экспозиции. Я не хотел попасть вместе с ней в теле-репортаж, хотя она явно была бы не прочь.

И мы в нём всё-таки мелькнули, чёрт возьми!

Потом мы и с Шиловым выпили по бокальчику, хотя они с Никасом антагонисты. Два раза Злата млела от двух удовольствий: знакомство со знаменитостями и холодное шампанское. Недорогое, правда.

Никас, когда мы снова встретились на пересечении вернисажных траекторий, пригласил нас к себе домой. Я попросил о другом дне, потому что у меня была назначена важная встреча, да еще с возможной перспективой ужина в ресторане.

– Тогда созваниваемся, – улыбнулся Никас. – А заказчик, Витя, это святое. Ты прав.

У неожиданного для вернисажа панорамного русского пейзажа, чуть в стороне от центральной, перед картиной, линии, стоял моложавый солидный господин в очень хорошем костюме, цену которого, даже в этом зале, могли бы определить очень немногие.

Это был Демидов, тот человек, с которым я познакомился на моей прошлогодней персональной осенней выставке. Его лицо мне запомнилось из телевизионного интервью на бизнес-канале, которое я смотрел. Это был крупный промышленник

с крупным капиталом, крупными не стандартными мыслями, не быстрой, но точной речью и как бы взвешивающим себя-седника взглядом. Редкий взгляд. Не оценивающий, что могло быть бестактным. Нет, он взвешивал личность, определял её состав, её человеческое качество. В этом взгляде было априори, авансом, не наигранное и не формальное уважение. Такой взгляд мобилизует.

Мы со Златой подошли, Демидов легко, дружески, приобнял меня. – Приветствую, Виктор Афанасьевич! Рад, что мы снова встретились лично.

После этого он вопросительно взглянул на меня.

– Злата Валерьевна Серебрякова, – я представил Злату Демидову.

– Владимир Петрович Демидов. Занимаюсь промышленным металлом, – он коротко склонил голову.

– Вы из тех Демидовых, наверное? – спросила Злата.

– Почему вы, Злата Валерьевна, так решили?

– Вы похожи на Никиту Акинфиевича Демидова, – ответила она.

– Который похож на Ломоносова, – улыбнулся Демидов. – У вас, Злата Валерьевна, зоркий глаз. Глаза, вернее. И они очень красивые. Сразу понятно, что вы художница. Но хочу сказать, что я не в родстве с Демидовыми. Как и ваш муж вряд ли в родстве с Василием Васильевичем Верещагиным. Не так ли, Виктор Афанасьевич?

– Все однофамильцы всё равно в некоторой степени родства, – сказал я. – Злата Валерьевна не супруга мне. Мы коллеги.

Демидов ведь знал, что у меня Зоя жена! Или ему разведка донесла, что мы в разводе? Он обрадовался, что мы со Златой коллеги. Я это увидел. У меня тоже зоркие глаза.

– Тогда, Злата Валерьевна, – сказал Демидов, – вы в родстве с великой и прекрасной Зинаидой Серебряковой. – У меня в коллекции есть кое-что, принадлежащее её кисти. Я вам, друзья, надеюсь эту коллекцию показать. Но с одним условием: вы увидите моё собрание, когда в нем будет мой, написанный

вами, Виктор Афанасьевич, портрет. Или нет, не так. Часть коллекции можно и сегодня посмотреть. Если, Злата Валерьевна и Виктор Афанасьевич, у вас свободен остаток дня и предстоящий вечер.

Он помолчал, потом продолжил:

– А «Пушкин» ваш, Виктор, будет, я знаю, превосходен. Не уступлю никому. Разве что-Третьяковской галерее. Но они вам заплатят, сами знаете сколько. Очень уж директор была на своём посту девушка скупая. Скупала шедевры за недорого. Да и не шедевры. Так с того времени и повелось.

– Если бы я руководила Третьяковкой, я бы тоже была скупая, – сказала Злата. – А как художница я бы за хорошую работу хотела справедливых, то есть настоящих, денег.

Демидову понравилась её открытая позиция:

– Иначе и нельзя, Злата Валерьевна. А по жизни вы скупая? – Это не важно, – ей не понравился вопрос. – Да мне и транжирить пока что нечего.

– Цена картины не столь важна для меня, – сказал я.

Демидов помолчал. Спросил:

– Почему же цена не важна? Я, знаете, немного посвящён в мировую историю отношений таланта и денег. Они часто бывали по-своему органичны. Часто были весьма плодотворными. Вы ведь не будете спорить?

– Нет, потому что вы, Владимир Петрович, не сказали ничего противоречащего правде. Но только многие, ладно, некоторые, гении умирали в нищете.

– Ну, этого мы со Златой Валерьевной не допустим, – сказал Демидов.

– Я, Владимир Петрович, ещё и не закончил моего Пушкина. Мучит он меня.

Демидов видел моего Пушкина у меня в мастерской. И он сказал, при Злате, сейчас:

– Мучайтесь, художник. Разве это не так должно быть в творчестве? Вы и над моим портретом намучаетесь.

Он говорил о том портрете, которого в природе не существовало, и я тоже помалкивал. Возникла неловкая пауза.

– Виктор сказал мне, и вы сказали, что занимаетесь металлом. Это так мужественно. – Злата произнесла это с улыбкой. – И как это выглядит предметно?

Он усмехнулся:

– Вы, Злата Валерьевна, знаете, что такое блюминг? –

– Это от английского bloom? – Цветок, – цвести?

– Возможно. Блюминг – это тяжёлый обжимной стан для предварительного обжимания стальных слитков большого поперечного сечения.

– О, как интересно! Обжимание поперечного сечения! – воскликнула Злата. Демидов не заметил смысловой провокации. Или сделал вид.

– Тогда продолжу. Обычно бывают блюминги типа «дуо», то есть с двумя валками, но бывают, реже, и типа «трио». Те с тремя валками. Да я вам, друзья, их покажу. В Челябинске. Хотите, полетим сейчас туда?

– У Владимира Петровича во владении два металлургических гиганта, заводы, пароходы и личный самолёт, – сказал я. – Но это его коммерческая тайна.

Злата на это никак не среагировала, для чего ей пригодилась мгновенно мобилизованная выдержка, но через две секунды спросила:

– А вы производите артиллерийские стволы?

– Всю номенклатуру крупных тяжёлых артсистем, включая уникальные, – ответил Демидов.

– Вот здорово, – воскликнула Злата. – Артиллеристы, Сталин дал приказ?

– Знаете эту песню? – спросил Демидов.

– У меня прадедушка Берлин брал. Ему Сталин дал приказ.

– Это украшает вашу семейную сагу, – улыбнулся Демидов.

– А брат у меня тоже артиллерист.

– Он там? – спросил Демидов. Злата и я прекрасно поняли, где это «там».

– Да. Но пока в резерве. У него всё пока хорошо. Но я всё равно не смогу полететь в Челябинск. Я в вечернем платье. И у меня портрет Виктора Афанасьевича в работе, – воскликнула Злата.

– И я точно не могу. У меня ваш портрет в работе, – сказал я Демидову.

– Значит, не судьба, – на лице его я не увидел даже тени сожаления. – Но на некоторую высоту над Москвой мы всё-таки вознесёмся. В Москва-Сити. В мою уютную квартирку. Там и поужинаем. В этом-то вы мне не откажете?

За рулём большого, не избыточно роскошного автомобиля сидел, отгороженный от нас стеклянной стенкой, бесстрастный, как породистый английский лорд, водитель с короткой серебряной стрижкой. По дороге мы осушили по бокалу отличного шампанского. Приехали в Москва-Сити. На нас дул крепкий свежий ветер, который там всегда вольно гуляет между вознёшшимися над Москвой гигантскими, лучше сказать, циклопическими, башнями.

Злата сказала:

– Я эту красоту впервые вблизи вижу. Я читала, что это архитектурное уродство. Но я думаю, и меня никто не переубедит, что эти здания прекрасны. Даже это вот, винтом закрученное. Это рывок человека к небу. Это город тянется к небу.

– Башня называется «Эволюция». Прекрасное, лучшее название. Два закрученных спиралями фасада напоминают молекулу ДНК, – сказал Демидов. – Я немного вложился в Москва-Сити на этапе строительства. А про рывок в небо вы, Злата, прекрасно сказали. Мы его сейчас совершим. Высоты не боитесь?

– Я люблю простор, – ответила Злата. – А он тем огромней, чем выше точка обзора. А что такое «немного вложился»?

– Злата, я вас скучными цифрами не хотел бы утомлять. Потом шепну.

Я на секунду почувствовал себя лишним в их компании. В каждую женщину калькулятор встроен. У Златы он, вероятно, был включен.

Когда мы поднялись на скоростном лифте (у меня уши заложило, как в самолёте) под самую корону башни и оказались в ночном небе над Москвой, то есть в огромной демидовской квартире, Демидов подвёл нас к панорамной стеклянной стене.

Москва внизу была невероятно огромна и фантастически прекрасна. Уже хорошо вечерело, город засветился горами самоцветов, прихотливым рисунком проспектов, площадей и улиц. Ясно высвечивалась радиально-кольцевая схема исторического центра города. Отражённые в воде огни переливались и мерцали на плавно изогнутой ленте Москвы-реки. Я довольно быстро разобрался, где там, внизу и вдалеке, дом с моей квартирой и мастерской, но точно его не разглядел.

Я захотел туда. Домой. Вдруг Зоя вернулась.

Когда кто-то позвонил металлургу, и он, извинившись взглядом, отошёл от нас, Злата шепнула мне:

– Я пить хочу, Витя.

Металлург подошёл к нам, сказал вскользь, что звонок был «дальний», потом предложил нам (мальчикам налево, девочкам направо) помыть руки перед ужином, что мы и сделали.

У меня на это ушло пять минут. Когда я вышел к столу, то увидел, как стремительно и умело накрывали его два официанта, прикатившие два больших сервировочных столика (ничего себе столики!), тесно заставленных посудой, приборами, бутылками, бокалами, фужерами, рюмками и вазами с цветами. Злата задержалась, а когда явилась пред наши очи освежённая и как будто даже похорошевшая, то её красивые раскосые глаза увидели роскошно сервированный стол, который можно было бы писать на полотне всеми красками, но больше хотелось усесться за него поплотнее и отведать поскорее вот этого, вот этого и вот этого, пожалуйста.

– Как это всё устроилось за одно мгновение? Каким чудесным образом? – удивилась Злата. Она не удержалась и, закрыв глаза от наслаждения, понюхала розы в хрустальной вазе.

– Запах каких цветов, вы, Злата Валерьевна, любите больше запаха роз? – спросил Демидов.

– Запах горной лаванды, – тут же ответила Злата.

– Тогда выньте носик из букета. Минуту, – сказал Демидов. Взял небольшой серебристый пульт, понажимал кнопки и через несколько минут мы оказались как будто в лавандовом облаке.

– Этого не может быть, – прошептала Злата.

Прислуживал нам официант в белоснежной рубашке с чёрной бабочкой, в чёрной жилетке, чёрных брюках и в чёрных туфлях. Это был, чему я почему-то не удивился, тот парень, который подавал нам со Златой шампанское в кафе близ Пушкинской площади. Я не сомневался, что он узнал нас, но он ничем этого не обнаружил. Школа, что сказать! Высшая. Узнала ли его Злата, я не знаю, но я не заметил, посмотрела ли она на него хоть раз. Ей и без него было на кого смотреть.

Металлург, с нашего согласия, потом его отпустил.

– С ужином мы и без официанта разберёмся, а Ирина Сергеевна разберётся со всем остальным, – сказал металлург. – Она тут присматривает за домом, когда меня здесь не бывает. А это бывает часто и подолгу.

Тут же, как будто услышала своё имя, явилась Ирина Сергеевна. Это была сухощавая женщина хорошо за сорок, которая органично смотрелась бы в паре с водителем металлурга, но здесь, сама по себе, она была как бы индивидуально обесцвечена. Такая на барина не заворчит даже мысленно.

– Ирина Сергеевна, вы тут потом...

– Всё будет сделано, Владимир Петрович. Может быть, что-то ещё нужно заказать? – сказала она вопросительно.

– Как гости пожелают, – сказал металлург. – Злата Валерьевна, Виктор Афанасьевич?

Мы ничего не пожелали и домоправительница ушла.

Надо признать, что металлург на высшем уровне устроил этот сплав времени и места, красоты и удовольствия, Москвы и неба. На славу у него получилось.

Мы сидели, пили, разговаривали, пьянели, пили, вкушали вкусное, о чём-то спорили, пили, пьянели. Когда разговор зашёл о творчестве, отчества отпали сами собой. Для моциона ходили по пространствам огромного жилища, потом поднялись на вертолётную площадку. И мы испытали чувство сладкого страха от огромности мира и бездонности неба.

– Там мои блюминги и сляминги, --металлург повёл рукой на северо-запад. – Там, далеко, за многими горизонтами.

– Слова звучат как названия братьев-сладостей, – засмеялась Злата.

– Да? Забавно и образно говорите, Злата. Запомню, – улыбнулся Демидов.

– Как мне хочется летать на собственных крыльях! – воскликнула Злата.

Я понял, что она порядочно захмелела. И я, отойдя на край площадки, позвонил Зое.

– Зоя, что ты сейчас делаешь? – пьяный, я даже не поздоровался с ней.

– С Сомовым сплю, пьяный Витюша. Понял? Испугался? Правда, мы спим в разных концах города Ростова-на-Дону. Город большой. Стоит на твоей личной реке по имени Дон. Другое его имя Танаис, я читала. А ты где сейчас?

– Зоя, я на вершине эволюции!

Она помолчала. Потом спросила тихо и злобно:

– Что, Витя, сладко кончил?

Я рявкнул в трубку:

– Ты дура, Зоя! Эволюция – это башня в Москва-Сити. Я здесь с Демидовым!

– И со мной, – пропищала вдруг Злата, которая оказалась почему-то рядом со мной.

Лучше всех разрулил ситуацию Демидов. Он взял у меня, полураздавленного, трубку и сказал:

– Зоя, здравствуйте. Это Владимир Демидов, мы знакомы с вами. Мы на крыше моей башни «Эволюция» в Москва-Сити. Я, мой друг и ваш муж Виктор Верещагин. И Злата Валерьевна Серебрякова, моя добрая подруга. Моя.

Он передал мне трубку.

– Прости, Зоя, – сказал я. – Это всё правда.

Она не ответила. Отключилась.

Я вдруг понял в пьяном прозрении, что мужчины мучительно и маняще интересуют женщин по той же причине, что и женщины мужчин. Мы, как звери, обнюхиваем друг друга. Наблюдаем. Хотим разгадать. Но мы друг для друга непознаваемы до конца, на самом деле. Нашему обоюдному

пониманию положен никем и никогда не преодоленный предел.

Поэтому мы любим любить.

Злате я сказал:

– Ты дура, Злата!

– Ну и что! Я тебя ещё в кафе предупреждала! Я теперь зато подруга самого Владимира Петровича. Правда, Владимир Петрович?

– А то! – по-купечески степенно ответил Демидов. – Но, Злата, ты от радости по крыше не порхай. До земли отсюда двести сорок шесть метров. Высоко, но долететь можно быстро.

– Смерть – это воля или неволя? – спросила Злата с пьяной сосредоточенностью.

– Мы это позже поймём, – сказал Демидов.

Я отчётливо понял, что Злата переигрывает, но вряд ли осознаёт это.

– К столу, друзья! – пригласил Демидов. – Подкрепимся, как положено. Стол был уже перенакрыт Ириной Сергеевной.

Мы пили кофе, пили что покрепче. Мы болтали. Злата спросила:

– Володя, под какую песню вы плачете? – На глазах у неё были пьяненькие слёзки.

Демидов взял волшебный пульт и вскоре комната наполнилась целебным ароматом соснового бора.

– О! – воскликнула Злата. – Я протрезвела и за всё прошу прощения. У нас под Чебоксарами сосняки зеленомошные, название такое, брусничные, ландышевые и черничники. А лаванда там не водится.

– Ну, ничего, приезжайте сюда, когда хотите, и обоняйте. Хотите – поживите тут. Ирина Сергеевна вас встретит и призовет, – сказал металлург. – Я распоряжусь.

– Спасибо, – сказала Злата. Этим приглашением она была потрясена больше, чем всем ему предшествующим, что произошло сегодня. И ничто пока не закончилось ведь.

Я поймал себя на том, что мысленно называю Демидова по фамилии или словом Металлург. И ещё пришла мысль, что ве-

селья час настал, но очень уже затянулся, и не пора ли испытать боль разлуки. Но тут Демидов сказал:

– Я, Злата, вы уже знаете, заказал Виктору, ему, заметьте, а не Софронову или Шилову, свой портрет. Виктор над ним работает, этап осмысления, так художники это называют?

– Можно и так. Кто как называет, – откликнулась Злата.

– Я это хочу обсудить на заседании нашего треугольника. Я вот о чём думаю, послушай меня, Виктор. Злата, послушай. Я хочу портрет как бы с отсылком к иконописному жанру. Это звучит дерзко и даже, может быть, нагло, но речь ни о какой не об иконе, а именно о портрете. Путь это будет полотно, картина, с клеймами. Знаете, как в иконописи. Центральный образ, то есть мой портрет, а вокруг него, по периметру рамы, клейма. Квадратиками. И на этих клеймах маленькие святые. Николай Угодник, Пантелеймон Целитель, другие разные. – И они меня оберегают, дают мне силы, спасают от врагов, так?

– Дерзко! – сказал я. – Но вам, может быть, и можно, у вас артиллерийский калибр личности.

– А я раму придумала, – сообщила Злата.

– Любопытно, – откликнулся Демидов, – и что же вы придумали?

– Мы придумали полированную сталь. Мы придумали стальные тульские алмазы по полированной стали. Мы придумали травный декор золочёных латунных панелей, вставленных в стальную раму. Вот!

– Сильно, – сказал Демидов. – Сильно? Вы кто по базовому образованию?

– Я искусствовед вообще-то, по базовому образованию. А по сердцу художник.

– Но раму вы мне сделаете. Эскиз, проект. Изготовят её в Туле, на родине стальных алмазов. Если она будет такой, какой я только что её мысленно увидел, то я возьму вас художником на мои тульские заводы. В перспективе главным. У меня вакансия, – предложил Демидов, и это не показалось мне неожиданным.

– Не знаю, – ответила неуправляемо вспыхнувшая Злата.

– Мы, Злата Валерьевна, вернёмся к этому разговору. Вы пока подумайте. А вы, дорогой Виктор Афанасьевич, напишете мой портрет по моему, так сказать, проекту.

Меня как будто осенило, я понял, каким должен быть его портрет.

– У меня тоже есть проект, так сказать, как вы сейчас сказали, вашего портрета. Мой проект лучше вашего.

Зоя лучше Златы.

Демидов понял, что я серьёзен как никогда.

– А ваш портрет будет гармонировать со стальной рамой, усеянной стальными алмазами?

– Вполне, – ответил я. – Даже не сомневайтесь.

– Если я с этим соглашусь, когда увижу портрет, я заплачу вам огромные деньги.

Я пожал плечами.

Любите живопись

Я долго работал над портретами Пушкина, Златы, Зои и Демидова. В двадцатых числах февраля наступившего года я пригласил их (Пушкина тоже) в мастерскую. Зоя вернулась в Москву, после командировки, ещё в конце октября, и мы, о, радость моя, о, жена моя, в феврале уже оглаживали её атласный животик, в котором был уже начальный человек.

Злата специально на эту презентацию приехала из Тулы.

Начну с портрета Златы. Ничего принципиально не помня, я дописал палитру в её левой руке и кисть в правой. Эти вещи были на картине как будто невозможны, но они дали ей крупный смысл.

На роскошной картине «Зоя обнажённая», где Зоя возлежала, нагая среди диких серебряных трав, была дописана одна деталь: медицинская сумка цвета хаки с белым крестом.

Тогда ведь война была.

Портрет Демидова был таким: собственно его портрет в центре, клейма-портреты по периметру рамы. Той самой, которую сделала Злата в технике стального алмазного гранения.

На клеймах были изображены Александр Невский, Ломоносов, Пётр Первый, Суворов, Кутузов, Жуков, Циолковский, Крылов (теоретик кораблестроения), Менделеев, Королёв, Курчатов, Келдыш, Туполев, Гагарин.

Демидов подошёл ко мне, крепко обнял.

– Вы меня, художник, уберегли от великого греха, – сказал он. – Святыми я себя окружал, как будто приятелями. Грех, грех. А вы дали мне, художническим прозрением вашим, огромный аванс. Благодарю вас, – он поклонился мне. Мне это показалось немного церемонным, но благодарность его была искренней.

– Вас, Злата Валерьевна, тоже хочу дружески обнять и сердечно поблагодарить – он на миг заграбастал Злату своими ручищами.

– А вас, Зоя, – обратился он к моей жене, – хочу поблагодарить за даруемое вами Виктору Афанасьевичу вдохновение. И восхититься той Зоей, которая на портрете, и той, у которой прошу разрешения поцеловать руку.

Зоя была в эту минуту царственно прекрасна. Она ещё не знала, что лучший портрет, который я создам, будет называться «Портрет сына».

Я написал его менее чем через год.

Теперь о портрете Пушкина. Его двойной портрет преобразился радикально. Пушкин смеялся!

Над петербургским светом, над своим и нашим временем, над Дантесом, над Онегиным и графом Нулиным. Над своей невообразимой судьбой и слишком короткой жизнью. Смех его не был злым, смех его не был смешным или горьким, не был раскатистым, не был странным, не был, кажется, даже и умным – и это у Пушкина, которого Николай I назвал самым умным человеком России.

Смех его был мудрым. Это был и вселенский смех, и тихий – смех сердца. Так можно было бы смеяться, услышав шутку Бога.

Пушкин смеялся над нами, и это было действительно смешно.

До слёз.

Ирина КОСОВА

Ирина Геннадьевна Косова – поэт, музыкант, художник, член МГО Союза писателей России.

Автор книг «Радость на ладошках», «Смею ли...», «Полутона души моей» и публикаций в периодике.

Живёт в Москве.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Январь наполнен холодным дыханьем,
Радостью праздников и суетой.
Повсюду кружатся снежинки-желания,
Пейзаж, дополняя своей красотой.
Всё в кружеве белом, холодном и зыбком.
Лишь тёплыми кажутся фонари.
Повсюду мигают гирлянды, витрины,
И праздничных песен звучат поурри.
Заснеженный лес притих, словно замер
В чудесном тумане долгого сна.
Пусть отдыхает, во сне он прекрасен.
Ведь снится ему живая весна.

* * *

Зима по ночам ришелье вышивает,
Из льдин и сосуллек колье собирает.
А утром заснет и спит до обеда
На мягких перинах мороза-соседа.

* * *

Февраль с метелицей завьюжил,
Поля морозцем отутюжил.
Ветрами дерзкими запел,
На ёлки колпаки надел.
Потом решил дождём полить,
Хотел нас, видно, удивить.

* * *

Морозный мартовский денёк.
 На солнце снег искрится.
 Сидит на ветке за окном
 Продрогшая синица.
 Наохлилась, как воробей,
 Озябли крылья, лапки.
 Вот дали б шубку потеплей,
 Да потеплее тапки!
 А на кормушке у ворот –
 Две старые вороны,
 Клюют засохший бутерброд
 И мёрзлый хлеб зелёный.

МАЙСКАЯ ГРОЗА

Тревожно небо грозное
 Под натиском сердитых туч.
 Дрожит от ветра всё живое,
 И даже дуб, хоть сам могуч.
 Гром грохотал ну что есть мочи!
 Дождь лил, аж клумбы набекрень!
 Всё успокоилось лишь ночью...
 А утром расцвела сирень.

* * *

Июнь то целует ромашки,
 То дует на васильки.
 А то в траве среди кашки
 Букашкам читает стихи.
 А то, шалун-пересмешник,
 Хохочет весь день напролёт,

Потом загрустит и поплачет,
 Дождём все дорожки зальёт.
 А как же он ласков и нежен
 В своей предрассветной красе!
 Туманы над речкой развесит
 И спит на песчаной косе.
 Июнь – месяц тёплого лета!
 Зелёный, румяный юнец!
 Веселого лета начало,
 Начало, а не конец!

* * *

Сочится золото восхода
 Чрез дыры серых, ватных туч.
 Очнулась, вздрогнула природа.
 Прохладен воздух и тягуч.
 В едва ловимых ароматах,
 Сок белых, раненых берез.
 И запах листиков чуть смятых,
 И вербы, и капельных слёз.

* * *

Июль – мальчишка загорелый
 С черешней и малиной спелой.
 Люблю твою жару,
 Нещадные дожди и грозы,
 Ночных сверчков, что нарушают тишину,
 И пышные на клумбах розы.
 Забыв о времени и о еде,
 Люблю поплавать в озёрной воде.
 А вечером гамак зовёт в тенёк прохладный,
 Писать стишок не очень складный.
 Благодарю, июль, тебя за это.
 Как хорошо, что ты – середина лета.

* * *

Август, август, мой приятель!
 Как же ты мне весь приятен!
 Первым яблочком, медком,
 Праздниками и постом.
 Тишиною вечеров
 И обилием цветов.
 А прогулки при Луне,
 Продлевают годы мне.
 Август, август, мой приятель,
 Как же ты мне был приятен.
 Говорят, ты кончик лета,
 Мне печально слышать это.
 Пускай дожди, пускай жара,
 Но лето – лучшая пора!

* * *

Как хорошо, что Бог придумал лето:
 Зелёную траву и голубое небо,
 Ромашек белизну вдоль скошенного поля,
 Ночную тишину и тёплую волну прибоя.
 Как хорошо, что Бог придумал
 Прохладный дождь в жару
 И радугу, стремящуюся в небо,
 Цветы лугов и земляничные поляны,
 Зари погасшей – нежные румяна.

* * *

Яблочным вареньем и шарлоткой
 Пахнут дачи в сентябре.
 Осень, этой ароматной ноткой,
 Будишь ты воспоминания во мне.

Нынче славно Бабье лето!
 Не дождей холодных, ни ветров.
 Как же всё мне мило это,
 И тепло до поздних вечеров.
 На аллее нашей тихо, малоллюдно.
 Кружится прозрачный листопад.
 Лишь на старой, ветхой колокольне
 Каркают вороны невпопад.
 А мои воспоминания приятны,
 На душе от них становится теплей.
 И прогноз опять благоприятный,
 Я скучаю...
 Приезжай скорей.

* * *

Чем пахнет ноябрь?
 Льдинками и бурым обмершим листом.
 То с неба сыплет снежинками,
 А то заливает дождём.
 А то ветрами пронзительно
 До зябкой дрожи гудит.
 То серыми днями короткими
 Недружелюбно молчит.
 Холодно, всё вокруг голо...
 Тяжко вздыхает река.
 И с неба свисают уныло
 Лохматые облака.

* * *

Затуманится, а то распогодится,
 Аж ни облачка до зари.
 И на яблонях мне мерещатся
 Красногрудые снегири.

Нарядился лес в яшму и золото
И засыпал холодный ручей.
Небо надвое словно расколото,
На закате багровых лучей.
Соберу в саду спелых яблочков,
И айвы чуток прихвачу.
Я их, сладеньких, до Ноябрьских
В трёхлитровочке замочу.
Будет холодно – выпьем рюмочку,
Пьяным яблочком похрустим.
Посидим с тобой мы в обнимочку,
Посмеемся и погрустим.

* * *

Ах, Осень милая,
Тебе слагают и стихи, и песни,
Но от чего же ты грустна?
Не от того ли, что на белом свете
Ты увядание, а не Весна?
Нарядная, приходишь и пируешь.
Танцуешь с ветром, упиваешься дождём.
Всёпустишь по ветру,
А после затоскуешь,
Да так, что лужи стянешь тонким льдом.
Потом ночами будешь ткать одежды
Из лунного, живого серебра
И от труда без сна твои сомкнутся вежды,
И ты уснешь, твоя пройдет пора.

Ольга ГРУШЕВСКАЯ

Ольга Константиновна Грушевская – прозаик, публицист, переводчик, общественный деятель. Родилась в Москве. Окончила факультет английского языка и литературы Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В.И. Ленина. Позже – факультет бизнес-психологии Московского гуманитарного университета. В 1983–85 годах жила в Африке – в НР Мозамбик, работала в корпункте «Известий», где приобрела опыт художественного перевода и журналисткой работы. Член МГО Союза писателей России.

Руководитель творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ); издательского проекта «Московский Дом»; литературно-просветительского интернет-издания «Московский BAZAR», художественной галереи «BAZART». Автор статей о выдающихся деятелях искусства советской эпохи. Награждена медалями в области литературы им. А.И. Куприна, им. И.А. Крылова, «Ф.М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость», за «Заслуги в области культуры и литературы». Основные жанры – психологическая проза, прозаическая миниатюра. Издавалась в отечественной периодике и за рубежом.

Живёт в Москве.

ВО ЧТО ИГРАЮТ ДЕВОЧКИ

Цикл коротких рассказов

*Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет и пирожных
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!*

Р. Саути в пер. С. Маршака

*Любая девочка – в душе женщина,
Любая женщина – в душе девочка...*

ТОРШЕР НИКОЛАЙ

Это был совершенно невыразительный лаконичный торшер 60-х годов высотой едва ли больше метра с хвостиком. На трёх тонких неуверенных ножках торчал хлипкий цилиндрический плафон из мягкого пластика болезненного бледно-голубого цвета, такой же унылый, как, похоже, и сам конструктор-технолог, создавший этот несуразный светильник. Несмотря ни на что, торшер считался модным. Когда вечером его зажигали, то плафон тускло освещался единственной лампочкой, едва желтевшей из глубин рифлёного цилиндра и напоминавшей одинокий огонёк в мутном тумане.

Торшер соседствовал с креслом тех же годов, с деревянными подлокотниками, а вот Тасина кровать стояла в противоположном углу. Перед сном верхний свет выключался и комната погружалась в шафранно-синий сумрак, который бархатным дымом заполнял маленькую комнату. Восьмилетняя девочка, кутаясь в стёганое ватное одеяло, сонно вглядывалась в самый центр торшера – туда, откуда шло свечение, и представляла себе отчего-то дальний маяк в морской мгле, который непременно ей скоро укажет верный путь к счастью. А торшер глядел на

маленькую Тасю своим единственным яичным глазом и ничего не указывал.

Что такое счастье, Тася не знала, но слышала из разговоров взрослых, что все к нему стремятся и к кому-то когда-то оно приходит, вот только к кому оно приходит и как выглядит, никто не объяснял. Свое счастье Тася воображала круглым, весёлым и оранжевым и представляла, что когда оно прикатится, то рядом непременно окажется верный друг, который, когда она воскликнет: «А вот и счастье!» – скажет: «Точно! Это оно» – и сразу возьмёт её за руку, заулыбается и вместе они прищурят глаза от удовольствия и тёплого ветерка, который подует им в лицо.

Но такого друга у Таси не было. Родители всегда были заняты, бабушка выступала на конференциях, а школьные друзья только и делали, что бегали по рекреации и ничего вокруг не видели, да и вряд ли счастье у них было круглым.

И Тася вздыхала и снова вглядывалась в мутное свечение в углу комнаты. Потом приходила мама, говорила: «Ну, всё» – и выключала торшер.

А однажды Тася смотрела по телеку фильм, и там пели:

*Счастье вдруг в тишине
Постучалось в двери.
Неужель ты ко мне?
Верю и не верю...*

И Тася вскочила с дивана: а вдруг и её счастье вот так же постучится в её дверь, а у неё ещё нет верного друга? Надо было торопиться и брать инициативу в свои руки. И она взяла коробку пластилина.

Глаза Тася задумала сделать разными: один вылепила тёмно-зелёный, как будто прищуренный, а другой лепить не стала. Второй глаз появлялся ночью сам – загорался жёлтым электрическим светом и покорно взирал на Тасю. Над глазами по-цыгански изгибались чёрные брови, а длинный пластилиновый нос получился... ну, уж как получился. Он плохо держался на пластиковом да ещё и рифленом плафоне и всё время сползал набок; а вот рот

держался хорошо, малиновые губы-колбаски широко растягивались в улыбке – друга Тася сразу наделила весёлым нравом.

– Это что? – удивилась мама, когда после работы увидела куски пластилина, наклепленного на современный светильник.

– Это Николай, – объяснила Тася. – Он мне нужен для счастья.

Мама странно посмотрела на Тасю, потом оценивающе – на Николая, аккуратно поправила сползший на нагретом плафоне нос: «Вот так-то лучше...» – и выключила свет.

В ожидании счастья Тася очень сдружилась с Николаем, он оказался хорошим другом – обладал покладистым характером, не возражал, не спорил, не капризничал, ни с кем не шушукался за спиной, как школьные подружки, и не дразнился. По утрам Тася ставила его у окна, за белый сетчатый тюль, чтобы Николай мог следить за изменчивыми облаками; а когда выбегала из подъезда, то всегда оглядывалась, задирала голову и энергично махала рукой – в окне пятого этажа стоял Николай и широко улыбался. «Я скоро вернусь!» – кричала ему Тася и весело мчалась в школу. «Николай, как дела?» – уже с порога восклицала Тася, прибегая с занятий и поворачивая в замке ключ на нашейном шнурке, а вечером устраивалась с ногами в кресле, подвигала Николая к себе поближе и вслух читала ему любимые книжки. Её безмолвному другу нравилось всё, что она делала, он расплывался в нескладной улыбке, и Тасе каждый раз казалось, что в этой улыбке сквозило что-то доброе и особенное – именно то, что должно появиться с приходом незнакомого счастья.

А однажды, когда мама, поджарив окуня, громко крикнула: «Ужинать!» – Тася ловко притащила приятеля на кухню и тихонько устроила у стола рядом с собой. Но не успела Тася открыть рот, чтобы попросить для Николая тарелку, как мама возмущённо воскликнула: «О нет!» – и, обхватив торшер рукой, проволокла безвольного Николая тонкими ножками по полу, выдворяя в прихожую: «Это уж слишком!» Похоже, мама в тот вечер была не в духе, так как папа опять задерживался на работе.

Шло время. Тася перешла в третий класс, потом в четвёртый, шестой; маяк по-прежнему каждую ночь взирал на неё усталым мутным глазом и никуда не указывал, а Николай по-прежнему слушал Тасино чтение и широко улыбался за тюлем, провожая подругу в школу. Но однажды наступил день, когда Тася постеснялась выставить приятеля у окна, – у подъезда её ждали шумные и смешливые соклассники.

А в середине 70-х семья переехала на новую квартиру в районе «Аэропорт». И мама тогда задумала, что в жизни у всех – у неё, у папы и у Таси – всё должно быть новое: не только квартира, но и мебель, и работа, и мысли, и даже друзья.

Так и случилось. Маме поручили разработку новой темы, папе доверили должность руководителя большой научной лаборатории, а Тасю перевели в старший класс в новую школу рядом – к новым учителям и новым одноклассникам. У Таси наступила новая жизнь, и, как у всех нормальных людей, в ней не оказалось времени, чтобы думать о счастье – об оранжевом, круглом, весёлом... Да и было ли оно на самом деле круглым, Тася уже не знала, а если и задумывалась, то теперь счастье представлялось ей прохладным, прозрачным, размытым, и двигалось оно медленно и неслышно; и кричать и прищуривать глаза не хотелось – счастье стало пугливым.

Да! И Николай ведь тоже приобрёл новое место жительства! Вместе с промятым креслом с деревянными подлокотниками старый торшер вытащили во двор и аккуратно прислонили к мусорному контейнеру – а вдруг Николай кому-то ещё понадобится.

ТУШЁНКА И СГУЩЁНКА

По мотивам воспоминаний Полины

- Привет, Тушёнка!
- Привет, Сгущёнка!
- Что делаешь?
- Да ничего, лежу в морозилке.

Сгущёнка и Тушёнка прятались в холодильнике. Первая вольготно расположилась на нижней полке – места там было предостаточно, а вот вторая, сгруппировавшись и втянув голову в плечи, устроилась на верхней – в морозилке. Почему в морозилке? Так это же всем известно: мясо хранят в морозилке. Верхняя полка была узкой и неудобной, и Тушёнка с трудом там помещалась. Сгущёнка снизу поглядывала на соседку с нескрываемым интересом, правда, видно было плоховато. В холодильнике было темно и душно, и лишь тонкая полоска света из-под двери обозначала границы надёжного укрытия.

«Холодильником» служил высокий шкаф, приобретённый родителями год назад в питерской комиссии, когда семья только вернулась из далекого Мозамбика, где отец семейства, инженер-гидрограф, помогал местному населению измерять глубину океана.

Приобретение нескладного, хотя и вместительного шкафа произошло неожиданно и объяснялось, скорее всего, тем, что был он металлическим, больше похожим на стеллаж, и отдалённо напоминал родителям мебель, стоявшую в мозамбикской квартире, одной из тех, которые предоставляли для проживания в Мапуту* советским специалистам. Вообще мебель в мапутской квартире была по тем временам шикарной и необычной и, вероятно, сохранилась ещё от португальцев-колонизаторов: диван и кресла были обиты чёрной «крокодиловой» кожей, а вот шкафы, кровати и стулья были изготовлены из металла, что уберегало обстановку от вредных африканских жуков.

Ностальгически приобретённый стеллаж родители ловко втиснули в дальнюю комнату их новой небольшой квартиры на Ржевке и сразу определили под хранение папиных справочников, карт и книг по гидрографии, а также под лохматые и вечно вываливающиеся журналы «Иностранная литература», «Нева», «Новый мир», которые приносила хромая краснолицая почталыонша в большой коричневой сумке через плечо.

* Мапуту – столица Мозамбика.

У шкафа-стеллажа была всего одна дверца – в точности как у холодильника.

- Так о чём поговорим сегодня, Тушёнка?
- Как всегда, Сгущёнка, о жизни.

Произносить слова «тушёнка», «сгущёнка» было одно удовольствие: в одном – ветерком глухо шумела «ш-ш-ш», а в другом – суховеем подсвистывала «щ-щ-щ». Ш-щ, ш-щ – что-то в этом было от шума большого бирюзового океана, который им довелось увидеть во время их африканской жизни и куда иногда, по воскресеньям, их возил папа на выданной на работе машине. Старый советский узик гремел металлом, жёстко подсказывал на мапутских дорогах и поворотах, а темнокожий шофёр Альфонсо что-то громко кричал прохожим, размахивая левой рукой в открытом окне. Всем было весело.

Океан был величественным и бескрайним, его берег окаймляла полоса белого песка с редкими сухими пальмами, среди которых суетливыми стайками бегали серые длиннохвостые макаки. «Ш-ш-ш-щ, ш-ш-ш-щ», – мирно шумел океан, и всё семейство, оживленно обустроивающееся на берегу, внезапно замирало, прислушиваясь к тихой музыке волн.

- Тушёнка, ты как там?
- Прекрасно, Сгущёнка! Правда, рука затекла и ногу покалывает, но я – сильная и выносливая.
- И я терпеливая. Мы – в родителей!

Порой разговоры обитательниц «холодильника» напоминали научные дискуссии.

– Вот и в прессе пишут: «Сгущёнка очень полезна», – учёным голосом говорила та, что располагалась на нижней полке и, облокотившись на «Гидрографию» Н.Д. Коломийчука, с важным видом листала толстый журнал, не замечая в темноте, что держит его вверх ногами. – Но это если трескать её... умеренно.

Что такое «умеренно», они хорошо знали: улыбчивая девушка, одетая в мини, вещала по телевизору: «...ветер северо-западный, умеренный» – и тогда все многозначительно переглядывались и повторяли эхом: «Умеренный, умеренный», что означало, что не надо надевать под пальто толстый свитер.

– Тебя, Стущёнка, делают из молока, – раздавался откуда-то сверху приглушенный голос Тушёнки, – а молоко, между прочим, доят из коров...

Тут они вспоминали дядю Мишу, который работал переводчиком в Мозамбике, дружил с папой и очень любил варёную стущенку, которую иногда ему присылали в посылке из Москвы, и тогда он частенько варил её – «берёшь банку стущёнки, кладёшь в воду, доводишь до кипения и варишь три часа»; и как однажды дядя Миша попросил свою жену, тётю Лёлю, проследить за кастрюлей, в которой варилась банка, и уснул, а когда проснулся, то обнаружил, что тетя Лёля тоже сладко посапывает рядом; и как они спросонья вбежали в кухню и сразу прилипли к полу; и как потом они всей семьей помогли тете Лёле и дяде Мише отмыть стены и потолок от застывших сладких сталактитов-лохмотьев, разлетевшихся по всей мапутской кухне из взорвавшейся консервной банки.

– А тушёнка тоже полезна, – в другой раз сообщала верхняя соседка из «морозилки». – И важна! Тушёнка нужна для расслабления нервов...

И она была совершенно права. Когда в Мозамбике папа заезжал в обеденный перерыв домой и спрашивал: «А что у нас на обед?» – а мама отвечала: «Тушёнка с макаронами», то папа говорил: «Хорошо! Вот пообедаю и наконец расслаблюсь, а то весь день на нервах». А мама: «Садись к столу». А папа: «Я уже сижу». И все расслаблялись.

Тушёнка и Стущёнка разговаривали обо всём на свете: о солнце, небе и облаках; о порывистом питерском ветре, дующем вечно в лицо; о гусеницах и жуках у бабули на даче; о школьных подружках; о неопрятной тётке с четвёртого этажа, которая держала десять котов, и даже о хромой почтальонше, которая вечно

что-то невнятно бурчала, распахивая газеты и письма по синим почтовым ящикам на первом этаже их парадной.

– Что она бубнит, ты понимаешь? – каждый раз удивлялась Тушёнка.

– Конечно, – каждый раз отвечала Стущёнка, которая не понимала, но признаваться в этом не хотела. – Она говорит: «Сегодня умеренный день – почты, слава богу, немного».

Тушёнка и Стущёнка могли разговаривать долго, но иногда их отвлекали.

Так и на этот раз громкое «Собираемся! Вы готовы?» заставило прервать увлекательную беседу о жизни и дружно вздохнуть. Какое-то время соседки молча сидели на своих полках – то ли мысленно продолжая беседу, то ли надеясь, что их не найдут. Но их всегда находили. И сейчас дверь металлически скрежетнула и резко распахнулась, обдавая их свежим воздухом, и в сиянии верхнего света перед ними предстала стремительная молодая мама с пухлыми щёчками и в бордовом платье.

– Я опять вас нашла! Соня, Лиза, вылезайте скорее, мы едем к бабуле! – оповестила она и порывистыми движениями принялась поправлять разъехавшиеся «Иностранку» и «Коммуниста». – Сегодня не холодно, – добавила она, ловко выравнивая папины карты параллельно и перпендикулярно, – ветер западный, умеренный.

– Умеренный, – поняли девочки, вылезая наконец из «холодильника».

Чуть позже старшая, Соня, никак не попадая одной рукой в рукав зимней куртки, шепнула Лизе:

– Потом о жизни договорим.

И Лиза, нахлобучивая вязанную шапку, выразительно кивнула в ответ:

– У меня есть важные сведения.

Но «потом» в этот день не наступило, а наступило оно только на следующее утро, в воскресенье, когда девочки проснулись раньше родителей и в пижамах сползли с двухъярусной кровати.

– Идем, – сказала Лиза.

Соня сонно кивнула.

– Чур, сегодня я буду внизу, – решительно заявила Лиза, – а то ноги уже совсем не помещаются – подросли за ночь.

Соня снова кивнула – она была сговорчивая – и покорно полезла в «морозилку».

– А о чём будем разговаривать сегодня? – Младшая комфортно устроилась между стопками «Невы» и «Авроры».

Старшая, подтянув коленки к подбородку, на секунду задумалась, но потом многозначительно хмыкнула:

– О жизни, естественно, – и поплотнее прикрыла дверцу «холодильника».

ШУБА

По мотивам воспоминаний моих весёлых подруг

– Привет, Шуба!

В тесную кладовку шустро протиснулась круглолицая Анечка и села на скамеечку.

Кладовка располагалась в конце коридора и была, как полагается, предназначена для всевозможного хранения. Ближе к выходу на штанге висела всякая сезонная одежда, например папино старое пальто, мамина выходная накидка, чей-то кожаный мужской плащ, детские пальтишки и курточки. За дверью прятались Анечкины лыжи, мамина палка для штор, часть сломанного карниза, бабушкина швабра и общая стремянка. А над одеждой – до потолка справа и слева – ровными рядами громоздились полки, на которых чего только не было. Коньки – «канадки» и «снегурки», девчачья обувь на вырост, плетёнка с вязанными шапками и шарфами, папины сапоги и шляпа, новогодняя ёлка с пятью коробками стеклянных игрушек, красная торба с отрезами тканей, а синяя – с разноцветными клубками шерсти, какие-то папки «Дело» с надписью «Архив», а совсем в углу – большие чемоданы с приклеенными бумажками, на

которых маминым крупным почерком значилось: «Леночка, 6–10 лет, лето», «Лена, 12–16 лет, зима», «Л. 25 лет, разное». Казалось, что следующий чемодан должен был иметь наклейку «Сама Леночка».

Но из всего этого разнообразия и богатства лишь одна вещь притягивала Анечку. И была это бабушкина шуба. Точнее, Леночкина. Вернее, так: шуба сначала принадлежала бабушке, а бабушка подарила её потом своей старшей внучке Леночке, а та недолго думая отправила шубу в кладовку, сопроводив эпитетом «тяжёлая!». Шуба и впрямь была неподъёмная, но именно этот факт у Анечки вызывал ещё больше уважения.

Висела шуба на самом видном месте – большая, значимая, из мягкого меха медового цвета – и пахла чем-то морозно-сладким. Выглядела шуба сказочно и всегда казалась весёлой, как и сама Анечка. Девочка рассказывала шубе все свои детские истории и новости; спрашивала, как поступить в той или иной ситуации; доверяла грустные и радостные мысли, а радостных у Анечки было больше.

– Привет, Шуба!

Лена приходилась Анечке сводной сестрой. Мама рассказывала, что когда они с папой познакомились, у него уже год как умерла жена, оставив ему взрослую дочку Леночку, и когда мама с папой поженились, то мама сразу стала мамой. А Анечка появилась уже потом, когда Леночке исполнилось шестнадцать лет и она, как говорила мама, вступила в непростой переходный возраст. Потом Лена из него вышла, ещё подросла, сделалась актрисой, как бабушка, и стала редко появляться дома. Как говорила мама, Лена много работала, постоянно ездила на съёмки и не успевала навестить родственников.

– Ты скучаешь по Леночке? – тихонько спрашивала Анечка у папы и гладила его по твёрдой руке.

– Нет, – отвечал папа и отдёргивал руку: – Иди играй.

А мама не скучала. У неё и «без того дел хватало».

– Привет, Шуба!

Анечка представляла себя тоже актрисой, а ещё представляла себя певицей или балериной, а иногда вагоновожатым. Каждый раз, приезжая домой, а это случалось так редко, Лена восклицала с порога: «Шофёр сегодня, как назло, занят, пришлось ехать на трамвае!» Вот если бы водителем такого трамвая была Анечка, то она бы чаще привозила сестру домой. Да, словом, было бы здорово возить и других пассажиров к их родителям.

Когда Лена приезжала, начинался праздник – подарки, застолье и сплошное веселье. Особенно радовался папа и ставил *итальянцев* на своей «Комете»*, а мама на кухне в такие дни особенно громко гремела посудой. А бабушка, которая плохо ходила, плохо слышала и плохо видела, то и дело дребезжащим голосом изрекала из своей комнаты обрывки театральных реплик, роящихся в её голове: «Услышав за полночь грохот волн, он оседлал коня и поскакал к морю»**. А потом вскрикивала: «Кто это, Аня, кто это поскакал к морю?» А потом: «Кто там, Аня, кто?» А ещё позже: «Это случайно не Леночка?»

– Привет, Шуба!

– А детей мы так и не собрали, – вздыхала Анечка и разводила руками.

Вот уже неделю они с соседкой Ирочкой собирали слона и медведя в летний пионерский лагерь. За окном стоял декабрь, но это не имело никакого значения. Девочек занимал не результат, а действие. Переговариваясь и изображая взрослых, они тщательно складывали вещи в две детские сумочки, но сборам этим не было конца, их завершению постоянно что-то мешало: то исчезала зубная щётка, то носовой платок, терялись слоновьи тапочки, а то и вовсе вся семья садилась смотреть кино, где в массовке мелькал знакомый тоненький силуэт, и папа восклицал: «Леночка!» – а бабушка: «Где? Где?» – а мама: «Да всё уже». А потом вдруг приходило время ужинать.

* Катушечный магнитофон времен 60-х–70-х годов.

** Слова из романа Вирджинии Вульф «Между актов».

А на следующий день лагерные сборы возобновлялись, и момент отправки «детей» опять оттягивался, и лето с лагерем откладывалось...

– У детей нет сапог, – с грустью сообщала Анечка. – Дети выросли. А куда ж в лагерь без резиновых сапог...

– Привет, Шуба! Сегодня мы играли в Козловых, – в другой раз рассказывала Аня, – и они опять были счастливы!

Семья Козловых жила на том же этаже, что и семья Анечки, и вызывала в подъезде всеобщее уважение. Козлова-жена была красавицей: молодая, улыбчивая, стройная, с длинными волосами и маленькой сумочкой через плечо; ходила на каблуках и в белых пальто, как в зарубежных фильмах. Её муж, Козлов, так вообще походил на киногероя – высокий, в тёмных очках, с портфелем и в строгом костюме с галстуком. Когда они под руку спускались по лестнице, то слышался приятный стук каблуков и в подъезде потом долго пахло цветами.

Однажды девочки слышали разговор Козловых, когда те запирали дверь, выходя из квартиры.

– Вот билеты в кино, – говорил Козлов. – Я так люблю тебя!

– Очень приятно! – отвечала Козлова.

Девочки любили играть в Козловых. Козловой чаще оказывалась Аня. «Она похожа на Леночку!» – мотивировала она. А Ире мотивировать было нечем, поэтому она исполняла роль Козлова.

Аня-красавица медленно расчёсывала перед зеркалом тоненькие волосы, подвязывала лентами непослушные широкие юбки из маминого гардероба, шаркала в бабушкиных лакированных туфлях на умеренных каблуках. А Ирка-киногерой сидела в кресле нога на ногу в солнцезащитных очках с «Вечерней Москвой» или книгой «Любителям футбола» и время от времени неторопливо поддельно басила: «Может быть, сходим в кино?» А иногда: «Я так люблю тебя! Тебе приятно?»

Играть в Козловых было легко: они никогда не кричали, не спорили, всё делали как по команде, и один точно знал, о чём

думает или что скажет другой. Во всяком случае, так говорили взрослые, а девочки слышали их разговоры.

Игра в Козловых была короткой: подружки не знали, как разнообразить тихое козловское счастье, чтобы не превратить волшебную пару в обычных людей.

– А сегодня, как сказала мама, к ним приходила милиция и куда-то их увела, – шепотом поведала Анечка своей пушистой подруге. – Наверное, хотят узнать, как стать такими же счастливыми и где купить духи, что пахнут цветами.

– Привет, Шуба!

Анечка влетела в кладовку и расплакалась, а потом успокоилась.

– Вчера я напугала Ирку, а ведь хотела пошутить! – Анечка зачем-то потянула Шубу за мягкий рукав. – Ей разрешили у нас ночевать. Мама постелила ей на диване, который рядом с моей кроватью. Когда Ирка пошла умываться, я незаметно положила под её простыню веревку, знаешь, таким зигзагом – я слышала, что мальчишки так шутят друг над другом в пионерском лагере. И вот когда мы улеглись и свет нам выключили, то я тихонько потянула за кончик... Веревка стала распрямляться и «змея» медленно поползла под Иркиной простыней в мою сторону. Ирка сначала затихла, потом «Ой!» вскрикнула, потом «Ой, мамочки!», а потом как заорёт! Она так орала! Я прям сама испугалась и оцепенела – поняла, что натворила. Даже Ленка в своем кино не смогла бы так страшно кричать. Тут, конечно, прибежали родители и всякое такое... – Анечка вздохнула, помолчала. – Наверное, больше она у нас ночевать не останется. Как ты думаешь, может, попросить у неё прощения?

Девочка виновато смотрела на добрую шубу, а та заулыбалась и закачалась на вешалке, словно кивала в ответ. И тут из шубы вдруг вылетел маленький прозрачный мотылёк, а за ним – второй, Анечка ахнула и с сомнением оглянулась на приоткрытую дверь: стоит ли рассказывать про мотыльков родителям.

– Привет, Шуба!

Анечка по привычке сидела в кладовке на скамеечке и что-то смешное шептала о школьной учительнице, когда в коридоре раздался громкий звонок и папа весело крикнул: «А вот и Леночка! Приехала!» – а за ним вскоре звонкий знакомый голосок: «Шофёр сегодня как назло занят...»

ОЛЕНИ

*С благодарностью сестре Марии
за её воспоминания о детстве*

*Со мной лесной олень по моему хотенью!
И мчит меня олень в свою страну оленью,
Где сосны рвутся в небо,
где бьель живет и небьель,
Умчит меня туда лесной олень.*

Ю. Энтин

Олени были красивыми и совсем юными, похожими на оленёнка Бэмби, с плюшевой нежной шерсткой и белыми пятнышками на спинках. Во всяком случае, таковыми они себе казались. Высоко поднимая острые коленки и смачно цокая языками, юные олени стремительно бегали на тонких длинных ногах по ярко-зелёному лугу, усыпанному летним разноцветьем: синьковыми колокольчиками, фиолетово-жёлтой иван-да-марьей и густо-лиловой кашкой.

Питались олени травой, а точнее, сочной осокой, а ещё красными сыроежками, которые попадались им в изобилии, стоило чуть углубиться в еловый сумрачный лес, соседствующий с солнечным лугом. Там в кустах бузины среди густого и влажного ельника олени – стоя, прикрыв ненадолго глаза – забывались коротким сном.

Чуткий сон оленят был неслучаен – жизнь их переполняли опасности. То птица неожиданно выпорхнет из-под ног; то белка

глянет недобрый глазом; то в осиннике ухнет, а потом зальётся детским плачем никому неведомая Сиска-ворона*, а то «Волки, волки!» мог закричать один из друзей, а другой подхватывал: «Скорее! В укрытие!» – и тогда малыши бежали куда-то в заросли и оттуда сквозь ветки смотрели испуганными оленьими глазами на тёмные людские фигуры, скользящие по лугу и кричащие им что-то невнятное. Попасться волкам было очень и очень опасно – память хранила большую печаль: их мать-олениха так и исчезла, оставив малышей сиротами.

Оленья семья поначалу была полной и, как положено, состояла из оленихи, папы-оленья и оленёнка. Первый персонаж, олениха, никогда не менялся: олениха казалась вечной и неизменной – всегда находилась дома и всегда при оленьем хозяйстве. А второй то оказывался детёнышем, то превращался в главу семейства – это зависело от обстоятельств: папа-олень, шумный и резкий, часто ускакивал по своим неотложным оленьим делам, а иногда ускакивал так далеко, что олениха вздыхала: «Папа-олень опять в оленьей командировке». Тогда второй персонаж становился детёнышем, был покладист и тих и то ходил, то не ходил в школу – как решит мать-олениха. Та время от времени прикладывала руку ко лбу оленёнка и вздыхала: «Опять температура, останешься дома».

Но олениха однажды исчезла – вечное не вечно, – да и папа-олень не вернулся, и оленят стало двое...

Очнувшись от короткого сна, оленята призывно цокали и вновь куда-то бежали.

Однажды они прискакали по крутой дачной лестнице прямо на чердак и меж сломанных стульев и чемоданов обнаружили двух обшарпанных лошадей: пластмассовую красную с одним сохранившимся колесом и другую, побольше, из папье-маше, со спутанной гривой, некогда белой масти, с нарисованным на спине нарядным седлом. Её ноги жестко крепились к зелёной

* Несуществующая крупная птица, подобно выпи издающая из кустов звуки детского плача.

тележке, но колеса у тележки отсутствовали и лошадь устало приваливалась к покосившейся тумбочке. Находки выглядели удручающе.

– Они, ц-ц, чьи? – вопросительно цокнул младший оленёнок.

– Они, ц-ц, чьи, – цокнул в ответ оленёнок постарше и быстро предположил: – Наверное, каких-то других оленей. Ц-ц.

– Старые... Ц-ц, – с грустью цокнул младший оленёнок и провёл пальцем по облезлому седлу, – и забытые. Ц-ц.

Свои находки друзья забрали с собой, чтобы жизнь брошенных лошадей не была столь безрадостной и чтобы те поскорее увидели, как прекрасны оленихы луга и как превосходны на вкус красные сыроежки. И жизнь подопечных засверкала красками! Правда, их приходилось таскать на верёвке – «старушки» никак не попевали за резвыми оленятами и поминутно падали, путались ногами в траве, цеплялись за пни, и немудрено: ведь они были старыми. И хотя иногда оленята жалели, что связались с бестолковыми конягами, но всё же не бросали их и терпеливо повсюду тянули за собой.

– Это кто? – поинтересовалась однажды проходившая мимо девочка. Оленята как раз в тот момент отдыхали и чистили от налипшей травы седовласую гриву их сивки-бурки, изнурённой оленьим бегом.

– Старые лошади, – честно признался старший оленёнок. – Но теперь они помоложавели от свежего воздуха и хорошей еды. Ц-ц.

– А... – ответила девочка и с сомнением посмотрела на оленью компанию.

– А это кто? – спросил младший оленёнок, кивнув на девочкину коляску и от удивления забыв цокнуть.

– Это Лёлик, – сообщила строгая девочка.

В коляске сидел чёрный карликовый пудель, с виду весьма всем довольный.

– Он едет обедать и пить чай, – уточнила девочка и заботливо поправила на пуделе байковое одеяло.

– Собаки не пьют чай, – усмехнулся старший оленёнок и смахнул паучка с красной лошади.

– А Лёлик пьёт! – ответила девочка голосом, не терпящим возражений, и оленята, решив, что у пуделя выбора нет, но зато есть у них, с новой силой цокнули и, самоотверженно волоча за собой неуклюжих чердачных жителей, стремительно поскакали подалее от доброй девочки.

Согласитесь, это ж суший восторг: лето, солнце, красные сыроежки, несущиеся по лугу юные оленята и помолодевшие старые лошади, а в довершение всего – пьющий чай Лёлик!

СТАРИК И ТАНЦУЮЩАЯ ДЕВОЧКА

По лесной дачной дорожке шла девочка-подросток. Впереди она толкала кресло на больших колесах, в котором сидел пожилой человек в вязаной чёрной кофте, широких синих штанах, в тапочках и в серой шапочке-колпачке.

Старик что-то методично объяснял ей, пытаясь крутить головой на малоподвижной шее, а девочка-подросток громко пела, вертя головой по сторонам.

Пела девочка обо всём, что приходило ей в голову: о птицах, о цветах, о собаках и кошках. Выглядела она вполне счастливой и удовлетворённой. Вскоре в своей песне девочка стала обращаться к кому-то на «ты» и начала петь о любви. Но о любви она ничего не знала, поэтому со своих песен перешла на чужие и сначала попробовала высоко взять «...я вижу мачту корабля, и ты на палубе...», но голос сорвался, и она перешла на «со мною вот, что происходит, совсем не та ко мне приходит...». Однако уверенности в том, кто именно должен к ней прийти, не было, поэтому она вскоре снова вернулась к началу и запела про ежей.

Девочка-подросток наконец опустила голову и поняла, что старик что-то ей говорит.

Ежедневно, если не было дождя, старика вывозили под большую сосну – отдохнуть после обеда, послушать тишину, напи-

тать старые легкие густым хвойным воздухом. Старик обычно дремал в своём кресле и видел один и тот же сон: босые загорелые ноги быстро бежали по колкой жёлто-зелёной траве... Но иногда сон не шёл, и воздух становился душным, и старику мерещилось, что его все забыли. Тогда он начинал звать домочадцев, особенно ту, которая, несмотря на годы, оставалась сильной и самодостаточной и приходилась ему женой. Он звал их и махал палкой, а иногда стучал по сосне, чтобы его скорее подкатили к столу, шумному и молодому, ведь издали он ничего не слышал, да и собака – старый боксёр – порядком ему надоела.

Тогда за ним посылали детей, и те с удовольствием катили его по кочкам и корням, по лесным дорожкам, что-то пели ему и выбирали самый дальний путь к дому. И невдомёк было детям, что некогда появлялся он на дорожке, высвеченной заходящим солнцем и ведущей от калитки к дому, в белой шляпе и светлом костюме, с портфелем и в очках в тонкой оправе, и шёл домой после работы, шурша гравием и убирая по-хозяйски ветки. Тогда он мог ходить, работать, делать из коры и скорлупок удивительные игрушки, сажать розы, писать сценарии и создавать детские летние лагеря. Дети знали об этом только понаслышке, как и о том, что некогда вся Семья ждала белый рояль. Рояль плыл на Queen Mary и был куплен тем, кто теперь сидел в кресле, в далёкой и страшной Америке. Говорили, что в каждую из трёх ножек он спрятал золотые украшения с бриллиантами, и предназначался рояль в подарок той, которая была сильной и самодостаточной, но которая никому не доверяла. И вот плыл этот корабль, плыл... А потом они прочитали в газетах, что Queen Mary затонул, и вместе с кораблём затонула их общая мечта об иной жизни.

Девочка остановилась, села напротив старика на корточки и пытливо посмотрела ему в глаза.

– Что? – спросила она.

Старик нахмурился и хотел уже что-то сказать, но она его опередила:

– Мне так скучно, – вздохнула девочка и погладила старика по большой узловатой руке. – Я чувствую себя такой одинокой!

Недовольство в глазах старика исчезло, взгляд потеплел, глаза наполнились слезами, и он ласково сказал:

– Это пройдёт, милая, ведь ты такая юная. А в твоём возрасте все девочки кажутся себе особенными, кажутся неповторимыми. А взрослые этого не видят – им надо работать и выяснять отношения. Вот ты и решила, что ты одинока. – Старик отвёл взгляд в сторону. – Но ты пока не одинока – тебе это неизвестно. Ты это поймёшь потом, значительно позже. Это ещё только все будет. А сейчас, – старик вновь посмотрел на девочку – по её волосам ползла божья коровка, – не думай об этом.

Девочка-подросток мало что поняла из того, что сказал старик. Ей вообще казалось, что взрослые слишком заняты скучными бытовыми проблемами и поэтому всё упрощают, судят обо всём поверхностно и совсем не видят сути и первопричин. Она встала и, неожиданно сделав реверанс, воскликнула:

– Вот твой билет, ты идешь на концерт, – и протянула ему ореховый лист. – Концерт начинается! Выступаю я!

Старик был недоволен ситуацией: он давно утомился от девочки – от её песен и её грусти, он хотел обедать, хотел вздремнуть под сосной и опять увидеть свой стремительный сон. Но девочка, не обращая внимания на протесты старика, на его отчаянное мотание головой и хрипчатое возмущение, принялась танцевать вокруг кресла, аккомпанируя себе тонким, срывающимся от нехватки дыхания голосом.

Девочка выделывала какие-то замысловатые и нескладные па ногами, поднимала высоко над головой худенькие руки, замирала в паузах и пускалась в обратную сторону. Танцующая девочка меняла ритмы и настроения: яростная цыганская пляска с нескладной попыткой дергать плечами и сверкать глазами сменялась строгим испанским фламенко, и тогда глаза её становились тёмными и сосредоточенными, а брови нахмуренными. Потом она резко переходила в «Лебединое озеро», и её Лебедь трагически умирал на зелёной траве у ног старика, и

глаза её становились голубыми и печальными. Затем она вновь вскакивала, делала ласточку, скрещивала ноги, то и дело она резко разворачивала кресло то вправо, то влево, явно страдая от отсутствия равноценного партнера и пытаясь тем самым привлечь старика хотя бы к пассивному участию в танце. Он охал, ахал, что-то беспомощно вскрикивал, пытался ругаться и звать на помощь ту, которая никому не доверяла, чтобы она скорее пришла и избавила его от этого навязчивого танцующего подростка.

«Сима, убери её! Убери её! Сима!» – кричал он, но его никто не слышал, и тогда он беззвучно и устало смеялся, сотрясаясь всем телом и кашляя.

Танцующая девочка прыжком плюхалась на колени к старика, заглядывала в его водянистые глаза, обнимала за шею, целовала в щетинистую щеку, на секунду застывала, потом вскакивала и снова кружила вокруг него по лесу. Ей так хотелось танцевать и петь, но никого не было, перед кем она могла бы выступать день и ночь, а был только старик в кресле, которого можно было увезти по дорожке от дома в лес, потому что той, которая была самодостаточной, было всё равно. Кроме того, она была очень занята заботой обо всех детях.

Наконец девочка остановилась. Старик тихо сидел и смотрел сквозь неё, наверное, вспоминая свое детство или юность, или вообще ничего не вспоминая – просто спал с открытыми глазами.

Девочка тяжело дышала, а на лице её застыла томная маска Исидоры Дункан. Потом она снова ожила и посмотрела на старика.

– Концерт окончен, – сказала она, забрала обратно ореховый лист, который в качестве билета старик послушно держал в руке, и бросила в траву. – Выброси его. Он тебе уже не нужен. – А потом крепко обняла его за шею и зашептала в ухо: – Не сердись на меня, дедушка, я тебя так люблю! Ведь только ты со мной танцуешь! Ты сделаешь мне куколку из веточек?

Старик неловко прижал девочку к себе:

– Сделаю, милая, сделаю, только отвези меня домой!

– Да запросто!

Танцующая девочка вздохнула, резко развернула кресло и быстро побежала, толкая его перед собой, по дорожке в сторону дома, не придавая значения тому, что кресло, да и старик в нём, подпрыгивают и сотрясаются на кочках, ямах и корнях, толстыми жгутами вылезавших из-под земли. Старик всё терпеливо сносил, так как знал, что ещё чуть-чуть, и он уже будет дома, будет есть горячий суп со сметаной, помидоры с луком и чёрным перцем, будет гонять палкой старого боксёра, а та, которая никому не доверяет, сильная и самодостаточная, наконец увидит и услышит его.

Владимир ШОСТАК

Владимир Ефремович Шостак – поэт. Член Московской городской организации Союза писателей России, автор десяти стихотворных книг, пятикратный лауреат поэтических конкурсов. Военный пенсионер, родился в Москве, родители родом из Белоруссии. Публиковался в различных сборниках, в газетах «Литературная Газета» и «Московский Литератор», в журналах «Поэзия» и «Европейская Словесность» (Германия), на сайтах «Российский Писатель» и «День Литературы» и в других изданиях.

Живёт в Москве.

МУЖЧИНЫ

МУЖЧИНЫ НЕ ПЛАЧУТ?

Мужчины не плачут? Неправда!
Лишь плач маскируют хитро.
И то, что для женщин отрада,
Мужчинам сжигает нутро.
Ведь женщинам с плачем полегче
Изгнать овладевшую грусть...

Мужские сутулятся плечи,
Закрыв обгоревшую грудь.
Мужчина стоит неподвижно
И смотрит, на вид и не злой,
На то, что нутро его выжгло
Слезой, как кипящей смолой.

МОЛЧА

Молчит мужчина весь свой век...
Бормочет дождь. Болтают листья.
И даже тихий скромный снег
Весною громче и речистей.
Журчит он, став большой водой,
Бурлит весенняя пучина...
Но молча справится с бедой
В себе уверенный мужчина.

Спокойно, тихо, без торгов,
Не за чины, не за награду,
Заманит в чашу он врагов,
А утром им раскроет правду,

Примчит на помощь, слыша крик,
Пройдёт неведомым проливом...
И молча примет смертный миг,
Не став и в смерти говорливым.

БРУСТВЕР

Вступив на жизненный порог,
Мужчинам дольше жить захочется.
Неведом им дарёный срок,
И завтра может он закончиться.
Хоть завтра – это не сейчас,
Но чертят стрелки круг без устали,
И с каждым кругом всякий раз
Ещё опаснее на бруствере.

Убиты лучшие друзья,
Ты тоже ранен не единожды,
И пряча тело от ружья,
Залезть в окоп поглубже вынужден.
Лежи и жди. Ты ранен, стар,
Терзает каждая горошина.
А подберёт ли санитар,
А быть не быть – не принцем спрошено.

Густа смертельная пальба,
Но прочно жизни нашей даньнице:
Тебе пробьёт костяшку лба,
А другу рядом жить достанется.
И в новой жизни, где не мёд,
Где смерть не экспериментирует,
Дырявый череп друг возьмёт
И тихо принца процитирует.

ГНЁТ

Как мужики боятся тени
 Неодолимых женских чар!
 Как унижает подчиненье
 Мужских потомков янычар!
 Лишь наступив любви на грабли,
 Поймут они, что сладок гнёт,
 Что он отнимет только капли,
 Но океан взамен вернёт.
 Влюбись безжалостно и круто!
 И наслаждайся каждый раз
 Великой радостью минуты,
 Любимой выполнив приказ.

ОТЧЕГО ЖЕ МРУТ МУЖЬЯ...

Отчего же мрут мужья,
 Покидая жён несчастных?
 То ли выстрелы вражьи?
 То ли залпы хворей частых?

Мрут мужчины от любви,
 В битвах жён закрыв собою.
 Слышишь, милая? Живи!
 Я тебя от бед закрою.

УЖЕ НЕДЕЛЮ БАБА ПЛАЧЕТ...

Уже неделю баба плачет –
 Ну ты и сволочь, мужичьё!
 Как много в жизни бабьей значит
 Само присутствие твоё.

Пускай мужик трепач и лодырь.
 Пускай дурак. Но всё же свой.
 Глядят, завидуя поодаль,
 Соседки что мужик живой.

Нажив и лысину, и просесть,
 Подольше надо жить суметь.
 Не по-мужски подругу бросить,
 Ей предпочтя старуху-смерть.
 Забросьте той старухе в личку,
 Что жить готовы сто годов.
 Забудьте скверную привычку
 Плодить несчастных чёрных вдов.

ШЁЛК

На шёлк сменилась зимняя рогожа,
 Блестают даже щёки мужиков,
 Упругой и зовущей стала кожа
 Диванов и различных лежаков.
 Шелка на них под нежной лаской ветра
 Трепещут предвкушением страстей,
 А ложа ожидают старых ретро
 И новых соблазнительных затей.

И ретро, и затей всем известны,
 Приятны им весенние шелка,
 Проснулось романтическое кресло,
 Тоскует его гладкая щека
 По дням, когда часы, минуты, миги
 Оно послужит пленникам весны,
 Отринувшим постельные вериги,
 Где ласки до оскомины пресны.

И снова большинство земных русалок
 Безжалостно красоты оголят.
 Мужик весною шаток, да и валок –
 Свалить его сумеет даже взгляд.
 С утра, не ощутив в себе изъяну,
 Идёт он на работу или в часть...
 Но взгляд... и зашатался, точно спьяну,
 И сразу на лежак готов упасть.

МУЖИКИ

Быть красивым – неприлично!
 Красота – не наш удел!
 Как хотите, я бы лично
 Быть красивым не хотел.
 Мужику совсем не нужно
 Карамельного лица.
 Нужно, чтоб мужская дружба
 И любовь – чтоб до конца.
 И напор мужской и крепкий,
 И удача на пути,
 Чтобы он, совсем как предки,
 Мог добычу в дом нести,
 Чтобы руки не торчали,
 Голова чтоб не пуста.
 Вот мужицкое начало
 И мужская красота.

КАСТА

Мужские взгляды не зевают,
 А каждый день так раз по сто
 Красивых женщин раздевают,
 И не спешит одеть никто.

Пишу и хмурюсь от тоски я:
 Опять от милой мне влетит
 За прегрешения мужские
 И визуальный аппетит.
 Моя ль вина, что так глазаста,
 Наверно, тысячи веков
 Вся многочисленная каста
 Обыкновенных мужиков?

МУЖСКИЕ ДЕЛА

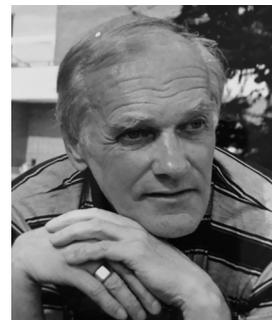
Гоните прочь печаль и робость.
 Не скоро смерть нас сбросит в пропасть.
 Не скоро добрые земляне
 Нас закопают на поляне
 И набросают сверху ели
 И кучу слов из карамели.

Нам не до смерти, не до скуки.
 Мы у костров погреем руки,
 Хмельного в рот немного брызнем
 И будем черпать кашу жизни,
 Дыша горячим ароматом,
 Приправив шутками и матом.

Мы настоимся на коленях
 В своих сердечных наступленьях
 И, преуспев в любовных муках,
 Родим себе детей и внуков,
 Построим дом, посадим древо
 И сложим печку для согрева.

Немало дел, больших и важных,
Есть в жизни для мужей отважных!
Вы жизнь свою делами мерьте
И позабудете о смерти.
Гоните прочь печаль и робость.
Не скоро смерть нас сбросит в пропасть.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, прозаик, переводчик, литературовед, член Союза писателей России. Родился в Москве в 1941 году. Стихи начал писать в раннем возрасте. С четырнадцати лет занимался в литературном кружке Дома пионеров и школьников Бауманского района г. Москвы.

Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами.

Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»).

Автор двух поэтических книг. Подборки стихотворений, поэм, переводов и статей публиковались в журналах: «Московский вестник», «Смена», «Великоросс», «Поэзия», «Третье дыхание», ежегоднике «Слово Отчее», а также в газетах: «Московский литератор», «Общеписательская литературная газета», «Ветеранские вести» и др.

Живёт в Москве.

ПАГУБНЫЕ ПУТЫ

Новелла

Наконец-то наступил долгожданный день, когда Григорий Грязев, вор-рецидивист с многолетним стажем по кличке «Артист», был приглашён в так называемый «административный кабинет», в который попадают все осуждённые, когда истекает срок отбытия наказания. В этом помещении происходит передача документов, включая постановление о полном отбытии наказания, паспорт, другие личные вещи и документы, которые были изъяты при заключении.

Григорий отбыл последний день своего трёхгодичного срока. Боже мой, с каким нетерпением он ждал этого дня, как самого главного в своей жизни! Ему перевалило за полсотни лет, и всё чаще вспоминался разговор со следователем Ильёй Ивановичем, можно сказать хорошим знакомым, человеком, уважаемым в воровской среде за честность и принципиальность.

Он не раз повторял: «Пожалей себя, дурная твоя голова, скоро придётся оглянуться, что тогда вспомнишь? Водку и рестораны, южные загулы? Или морозную тайгу и бесконечное ожидание тишины и чистой постели? Подумай, ради такой жизни ты появился на свет? Что ты видел, кроме водочного дурмана? Что оставишь после себя? Кому? Остановись у края, поверь, ещё не поздно, ты же не дурак. Решишься на перемены – заходи, помогу».

Григорий, хоть и был человеком в своей среде известным, повидавшим всякое, однако последний трёхгодичный срок переносил непривычно тяжело. Досаждало буквально всё: а поделиться было решительно не с кем. Всё стало вдруг чужим и раздражало, и внешне, и внутренне. Решение было, можно сказать, выстрадано, и потому этот день казался максимально праздничным.

Дальше его ждала пусть неизвестная, но новая жизнь, к которой он старался мысленно себя приготовить. Он пойдёт к Илье

Ивановичу, и будь что будет. «Только бы он был на месте» – как мантру повторял он про себя.

Прибыв в Москву, решил не торопиться. Слава Богу, в столице давно осел его хороший приятель, который был осуждён, хотя вполне мог бы получить срок условно, если бы не бездарный адвокат, наверное, было бы лучше, если бы Сергей защищал сам себя, без этого «специалиста». В зоне, при своей интеллигентности, ему пришлось непросто, но он умел сочинять стихи, а такие люди для Григория были сродни небожителям, и он тут же взял этого паренька под своё покровительство.

Сергей знал столько всего интересного, и умел так занимательно рассказывать, что для Григория он стал подлинным окном в мир: на привычные вещи и события он смотрел каким-то особенным взглядом, что волей-неволей заставляло шевелить мозгами. Для человека, который жил не задумываясь, одним днём, это было непривычно, и привлекало своей необычностью.

Было ещё одно обстоятельство, которое сблизило их, по мере того как они узнавали больше друг о друге: дело в том, что были они оба из Рязанского края, больше того – из Милославского района. Сергей из посёлка городского типа Центральный, жители которого в основном работали на шахтах, когда те ещё функционировали, а Григорий был родом из села Знаменка, расположенного на берегу реки Полотебни, в ста километрах от Центрального. Они были земляки, и это не могло не сблизять.

Сергей звал его к себе, и не раз, но прежде не хотелось тащить в дом друга возможные неприятности, которые, не дай Бог, заставят власти вспомнить прошлое товарища по несчастью, наверное, давно забытое, и было бы верхом неблагодарности, втянуть, пусть случайно, приятеля в какую-нибудь неблагоприятную историю.

Но сейчас он был уверен, что ничто, что могло бы бросить тень на этого человека, больше не случится.

Григорию повезло: и Серёга и его красавица жена приняли его как близкого человека, вернувшегося после длительного от-

сутствия. Вопросами его не донимали, и предложили свой кров безо всякой просьбы с его стороны. Понимал Сергей, что если он к нему прямо из зоны, то ничего в кармане кроме справки об освобождении нет, а получение всех необходимых документов – занятие хлопотное и нескорое.

За столом Григорий, хлебнув малость за всё хорошее, так растрогался, что не узнал сам себя: как же всё-таки мало было в его беспутной, бродячей жизни простого душевного отношения, словно и не с людьми жил. Постоянные скитания по стране, вечно в одиночку, без друзей, непрерывно настороже, с посещением «малин» с их тяжёлым лицемерным, напускным бытом и нравами уголовной среды истожили его изнутри. Казалось – привыкший ко всему, он неожиданно сломался от простого искреннего внимания.

Решил, что прежде чем идти к Илье Ивановичу, необходимо первым делом заняться своим внешним видом. Начинать нужно не только с новым желанием: никогда больше не возвращаться к прежним занятиям, но и внешне соответствовать благовоспитанному человеку. «Встречают ведь по одежке», – вспомнилась ему давно слышанная фраза. Решил, что пришло время надёжно припрятанной заготовки на самый крайний случай, на чёрный день – хватит и на первый, и на второй день с избытком.

Григорий был благодарен Сергею за то, что тот не приставал с советами, понимая, что они совершенно бесполезны, и старался разговорами о том о сём отвлечь его от тяжких мыслей. Он ведь понятия не имел, что мысли у него были, напротив, очень даже радужными, и вообще, он словно сбросил путы прошлой жизни: так ему дышалось легко и свободно.

А ещё Сергей приберёт для него радостную весть: матушка его, Елизавета Тимофеевна, жива, здорова, живёт на прежнем месте в фермерском хозяйстве «Братьев Орловых», организованном на месте колхоза «Заря» села Знаменка. Живёт одна, с огорода, благо соседи помогают. Отчима давно нет: как-то перебрал с устатку, упал в сугроб и замёрз в пяти шагах от своей калитки. Сергей рассказал, что ездил навестить своих родных и там, в чайной, услышал разговор двух заезжих шоферов, по раз-

говору понял, что с товаром из близлежащей фермы. Вот от них всё и узнал. Хотел сам заехать, но подумалось: «А что скажу?». Так и не рискнул.

«Это мне знак свыше», – подумалось Григорию. Нет ничего лучше, чем начать новую жизнь с посещения матери, о которой он часто вспоминал, но так и не решился повидать. Да и с чем было ехать? Убить дорогого человека страшной вестью, что её сын вор-рецидивист? Уж лучше пусть думает, что его нет на белом свете. А теперь, с новыми мыслями, в новом облике, можно будет порадовать матушку далеко идущими планами. Он уже и сам начинал верить, что всё ещё можно в жизни изменить, в конце концов, известных законов он не нарушал, не предавал, не колотся. Просто обессилел.

Выбрал день, облачился во всё новенькое, попрощался с Сергеем, отправился на Казанский вокзал и купил билет на ближайший поезд, который отправлялся в путь через сорок минут. Народу в зале ожидания было немного, в телевизоре над головой какой-то субтильный субъект старательно пытался изобразить популярного певца, а на душе почему-то стало неожиданно грустно.

Стал представлять себе встречу с матерью, и в очередной раз почувствовал себя неблагодарной скотиной: ну, хорошо, не мог приехать, но написать то пару строк мог же, да и помочь материально – тоже сыновья обязанность, что тут можно придумать в своё оправдание? Что ни приходит на ум, всё глупо и фальшиво, а материнское сердце не проведёшь. Вот и получается: и соврать нельзя, и от правды удавиться можно.

Внезапно его внимание привлёк солидный субъект с ребёнком, наверное, шести-семи летнего возраста. Мужчина был крупного телосложения, неприятной, даже отталкивающей наружности, полноватый с грубыми, властными чертами лица, одетый, как говорится, с иголочки, упивающийся своей важностью – привычно оценил его Григорий намётанным взглядом.

Понять заранее характер выбранного объекта перед тем, как приступить к работе, было необходимо: предвидеть будущую реакцию значило обезопасить себя от многих неожиданных по-

следствий. Жертву свою необходимо чувствовать, тогда и своё поведение можно подстроить под обстоятельства.

Мальчик же был на удивление симпатичен, даже красив по-детски, спокоен, молчалив, и было абсолютно непонятно: как у такого бульдога (так его обозвал про себя Григорий) мог народиться такой чудесный ребёнок (в разговоре он расслышал слово «папа»), было совершенно необъяснимо.

Про себя он тут же нарисовал историю, которая вполне могла привести к такому результату: «Молодая жена-красавица родила, как бы в отместку этому уроду, ребёнка, сущего ангелочка, потому что вышла за него не по любви, и в итоге наставила ему рога. Бульдог включил все свои связи и при разводе сумел отобрать у неё сына, чтобы, издеваясь над ним, тешить своё самолюбие».

Такой вывод он сделал, потому что до него донеслись жалобные слова ребёнка, который просил у отца сладкой воды, наверное, лимонада. Но родитель был непреклонен: потерпи, мол, где я тебе возьму эту воду, и, вообще, лучше пить воду простую. Мальчик недовольно хныкал, но голос подавать боялся: воспитание, видимо, было строгим, и лучше было понапрасну не злить строгого папашу.

Григория этот тип раздражал не понапрасну: вспомнился отчим – хамоватый, желчный, вечно поучающий, да ещё дававший волю рукам, когда перебарщивал с самогоном. Мать он тоже притеснял, и зачем ему надо было жениться, было непонятно. Соседи поговаривали, что, поди, напаскудил где-то и скрывается.

Вот и не вынесла его юная душа. Нет, чтоб бороться – подался в бега, а о матери позаботиться ума не хватило. Казалось тогда, что её всё устраивает. Хотел однажды вступить за неё, а она: «Не надо, Гришенька, мы сами разберёмся».

Когда сосед поднялся и, бросив мальчику «Подожди», направился в сторону буфета, словно невидимая сила подняла Григория со скамьи и толкнула в ту же сторону. Он хорошо понимал, что это против его желания, что всё это глупо и неразумно, а ноги, не слушаясь, несли его вслед за этим типом.

Григорий на кармане практически не попадался.

Не зря его подельники прозвали «Артистом». Кроме того, что он был мастер высочайшей квалификации, ему присуще было филигранное смешение быстроты и ловкости, а ещё он был мастером преображения. На дело, в зависимости от важности, он выбирал соответствующий образ и внешне преображался, как прославившийся в своё время в Советском Союзе редкого жанра артист Аркадий Райкин.

Да, это был воистину достойный его ученик, и изменённые голоса также соответствовали выбранным образам. После удачного дела, по свидетельствам очевидцев, те, кому положено, шли по следу облика несуществующего грабителя, а Григорий смотрел на их безуспешные потуги и посмеивался. Поэтому каждый выход на дело тщательно готовился, поскольку ошибка стоила очень дорого.

Имелся у Григория его любимый маскарадный облик, когда он прятал свою причёску под богатым пышным париком, который его преображал до неузнаваемости, в дополнение к нему были роскошные усы, на глазах очки в тонкой оправе с большими слегка затемнёнными простыми стёклами. В таком обличье он мог быть персонажем фильма о дворянской жизни в России, играя столичного господина или процветающего помещика. Такой наряд он использовал только в исключительных случаях, когда предстояло серьёзное дело, и он ни разу его не подвёл.

Был случай, когда он сидел в зале ожидания аэропорта СОЧИ (Адлер), куда по наводке должен был прибыть интересный его объект. Внимательно осматривал всех прибывших, поскольку точным временем не располагал, и это его даже занимало – вроде как практиковался в изучении и подборе перспективных жертв. В таком деле одним из основных качеств является терпение. Как кот, который может часами сидеть у норки не двигаясь, чтобы дожидаться того единственного момента, чтобы стремительным движением увенчать успехом всё дело. К сожалению, бывали и накладки, когда ожидание заканчивалось ничем.

Тогда тоже случился холостой выстрел. Он собрался было уходить, когда с некоторой тревогой увидел направляющегося

к нему полицейского. На самом деле причин для волнения не было вовсе, и всё же некоторая неприятная дрожь по телу пробежала. Молодой лейтенант подошёл вплотную, вскинул руку к фуражке и вежливым голосом обратился к нему со словами:

– Уважаемый товарищ, прошу уделить пару минут вашего времени. У мужа вот той дамы в широкополой шляпе украли кошелек с деньгами, и она говорит, что вы уже долго сидите недалеко от них и внимательно осматриваете зал.

Он непроизвольно усмехнулся и не удержался от замечания:

– И на этом основании она видит во мне грабителя?

– Нет, конечно. Она говорит, что вы хорошо видели, когда они с мужем спорили, как к ним подходил молодой человек, который просил мужа разменять пятьсот рублей для торгового автомата. Вроде сразу, после этого и пропали деньги. Она просит вас помочь, вы наверняка можете его описать, может это как-то поможет полиции в его поимке. Если это так, то и я, в свою очередь, прошу вас о том же самом.

Да, в такой ситуации он оказался впервые в жизни. Знал бы этот лейтенантик, с кем беседует, вот удивился бы! Он не только мог подробнейшим образом описать своего коллегу по воровскому делу, но и назвать его кличку, а пожалуй, и место, где его искать. Ничего подобного, конечно, Григорий делать не стал, а просто сказал, что ждал своего друга, но не дождался, запоминать случайных прохожих не так-то просто. Вот они с ним разговаривали, деньги меняли, но ничего не запомнили.

После чего они, попрощавшись, разошлись в разные стороны.

Сейчас упрямая натура толкала его на дело против его собственной воли. Им двигали неприязнь и неожиданно всплывшие воспоминания. Надо было пересилить себя, задавить пагубную привычку, иначе эта случайная, необдуманная кража, измена самому себе, наверняка аукнется. Но укоренившееся, многолетнее пристрастие не давало волю его благим мыслям и толкало его на проторенный порочный путь.

Так, ничего и не решив, Григорий машинально пристроился в очереди за толстяком. А дальше всё уже было на автомате, который обрабатывался многочасовыми упражнениями.

Наружные карманы пиджака жертвы оказались пустыми. Поскольку он был правой, осталось проверить левый внутренний. Пришлось его побеспокоить. На что немедленно последовала реакция и, быстро повернувшись, он недовольным скрипучим голосом произнёс:

– Не напирайте, пожалуйста, что – места не хватает?

В этот самый момент Григорий резко навалился на недовольного субъекта с извиняющимися словами:

– Ой, прошу простить, я просто оступился, извините, пожалуйста!

– «Оступился», «оступился»! Меньше пить надо, тогда и оступаться не будете!

При этом он долгим испепеляющим взглядом посмотрел на своего обидчика, словно старался запомнить, чтобы при случае отомстить, как он это, наверняка, неоднократно делал в своей жизни. Григорий был абсолютно уверен, что этот тип обид не прощает никому.

Подошла его очередь, и тут он обнаружил отсутствие денег. Несколько секунд постоял в нерешительности, на Григория он даже не посмотрел, и, буркнув что-то вроде «Я забыл деньги», поспешил к своим вещам. А Григорий, купив бутылочку воды, поспешил на перрон, и вовремя. За всей этой кутерьмой он прослушал объявление о начале посадки на его поезд. Это было очень кстати. Он прошёл в свой вагон, предпоследний от хвоста поезда. По делу следовало бы сбросить кошелек, избавившись от улики, но не было времени, да, вроде, с отходом поезда, и опасность миновала.

Его неукоснительным правилом было: никогда не заводить лишних знакомств, поскольку эти люди неожиданно могут оказаться свидетелями. Да и вообще, стараться обращать на себя как можно меньше внимания. Но сейчас он чувствовал себя другим человеком, как все, вежливым, приличным, скромным, равным всем окружающим, не стесняющимся ни своего прошлого, ни настоящего, и потому специально купил билет в плацкартный вагон: там общение проще и доступнее.

У него была верхняя полка. Вежливо поздоровался и попросил разрешения сесть на свободное место. У окна сидела

моложавая дама и, подперев руками голову, внимательно что-то рассматривала на перроне. Напротив неё сидел офицер в звании майора, а рядом с ним, по-видимому, его супруга, которая старательно копалась в своей сумочке и всё время что-то спрашивала у него, но он упорно не желал её слышать. Все заняты своим делом, и никто ему не ответил, а, может быть, просто не расслышали его тихого голоса.

Чтобы его заметили, и чтобы как-то начать разговор, он, не придумав ничего другого, простодушно осведомился, обращаясь ко всем сразу:

– Как у нас там погода в Рязани?

Дама у окна повернулась в его сторону, с трудом отвлекаясь от своих мыслей. Григорию было знакомо это противное выражение лица, когда человек безуспешно прячет насторожившееся внимание и становится чужим. После некоторого молчания, она ответила назидательным тоном:

– Наверное, такая же, не дальний свет, всего-то двести километров.

Люди были не склонны к разговорам. Но Григорий не сдавался, и, обращаясь к офицеру, поинтересовался:

– Вы не подскажите, сколько стоит поезд в Голутвине?

– Не знаю, – неохотно буркнул тот. – Тут вообще нет больших стоянок.

И тогда все люди в вагоне показались Григорию неприветливыми и чужими, и с глухой тоской и даже злобой вспомнилось, как всюду среди порядочных людей он встречал эту иногда затайную, а часто открытую, прямую вражду, словно они заранее чувствовали недоброе.

Вагоны мерно отстукивали свою извечную песню. Григорий просто обожал рассматривать плавно плывущие пейзажи за вагонным окном. Было начало лета, и всё перед глазами, до самой дальней полоски лесов, зеленело ярко и молодо. Природа проснулась, цветёт и поспевает – сады полны зелени, луга покрыты широким шлейфом изумрудной травы. В небе неспешно парят, словно огромные корабли, ватообразные кучевые облака. Вокзальная история, как дурной сон, выпарилась из памяти.

Несмотря на нерадостную атмосферу в купе, на душе было спокойно и умиротворённо.

Он вышел в притамбурное пространство и, наконец, заглянул в украденный бумажник, дорогой, крупный, с довольно приличной суммой. Это нисколько его не обрадовало, в деньгах он не нуждался, а от кошелька решил избавиться на ближайшей остановке.

А за окном медленно двигались живописные картины. Предполуденное солнце стремилось к зениту, расстилая длинные, прямые лучи по всему простору земли. Над полями, в бездонной вышине распахнулось прозрачное бледно-голубоватое, неохватное небо. Стоять у вагонного окна он мог сколь угодно долго в любое время дня и в любую погоду. Здесь, в одиночестве, в постоянном движении он испытывал подлинное блаженство.

Григорий крепко зажмурился и замер, словно изваяние. И сразу стало так хорошо и необыкновенно сладостно, что уже не хотелось снова открывать глаза: исчезли мысли и сомнения, и глухая постоянная тревога; тело легко подрагивало в такт покачиванию вагона. Встречный ветер врвался в приоткрытое окно и нежно струился по лицу теплым и сладковатым воздухом простора.

Стоянка в Голутвине, к счастью, оказалась довольно продолжительной, целых десять минут. Григорий вышел на перрон. В урну бросать бумажник не стал, он может оказаться в чьих-то руках, а нашёл в конце перрона мусорный контейнер, куда с большим облегчением и отправил злосчастную улику. На перроне шла бойкая торговля всякой аппетитной снедью (на остановках поездов всегда продают так много всего необычного), так и хочется всего попробовать. Неизвестно почему, но в дороге почему-то разыгрывается аппетит и стремление непременно что-то отпраздновать.

Для Григория эта празднично шатающаяся толпа, прежде всего, представляла обширное поле деятельности. Намётанным глазом он вычленил заштатных ротозеев, оставалось только уяснить, чем богат каждый из них. Остальное было делом техники. Но на этот раз у него были совершенно другие намерения. Он стал уже другим человеком.

Легко сказать, что стал другим. Но как быть с тяжкими воспоминаниями – они ведь не изгладятся из памяти сиюминутно, они совсем рядом, терзают душу, не дают глотнуть свежего воздуха, как тяжеленные гири не отпускают на свободу. Григорий старался не поддаваться, тянулся к неизведанному счастливому простору, а в голове его против воли, сами собой вставали, как роковая неизбежность, жестокие картины неволи среди каменных стен и железных решёток.

И как холодная мгла, напоздало чувство безвыходного одиночества.

На следующей станции поезд стоял всего четыре минуты. Выходить на перрон было без надобности. Сидеть вместе со скучными попутчиками не было никакого желания, он стоял в одиночестве, безучастным взглядом окидывая немногочисленных торговцев и азартных пассажиров, которым хотелось купить непременно хоть что-нибудь, включая местные сувениры, так – на память о поездке.

Мысли его всё чаще обращались к основной цели путешествия: долгожданной встрече с матерью. Он старался не думать о разговоре: вот встретимся, тогда и слова сами собой найдутся.

Перед самым отходом поезда он отчётливо увидел двух людей в форме, которых он всю свою жизнь чувствовал спиной, у него аж мурашки по телу пробежали. Старший лейтенант полиции и старшина поспешали в последний вагон поезда.

Соображая, чем это может ему грозить, Григорий похолодел. Ярким пламенем вспыхнула в его голове одна огромная и страшная мысль: его ищут. Из Москвы передали его подробный словесный портрет, не зря этот ограбленный тип так вьедливо всматривался в его физиономию. Теперь заметные, глубокие залысины, лопухость и отчётливая ямочка на подбородке выдадут его с головой.

Несомненно, его ищут, рассматривая и опрашивая пассажиров.

Да, так, от последнего вагона они пойдут по всему поезду – он чувствует это чутьём матёрого зверя. И они, шаг за шагом, не спеша, постепенно, с неотвратимой неизбежностью будут при-

ближаться к нему, к тому, кто стоит на площадке предпоследнего вагона. Григорий, стиснув зубы, быстро соображает: из поезда не выбраться, до ближайшей станции минут двадцать-тридцать, ещё нескоро, и значит, нужно двигать в голову поезда, и там уже как получится. Другого выхода нет.

Он пошёл по составу из вагона в вагон.

В первую дверь он входит спокойно, улыбаясь, чтобы не казаться подозрительным, держа наготове вежливое и спасительное «простите». Вот она, расплата за внезапную прихоть, он знал, что это непременно выйдет боком, не ожидал только, что так скоро.

А в душе стало нарастать чувство страха. Хотя взять его не на чём, но при отсутствии документов, да ещё с этой проклятой справкой, просто так не отвертеться, а, не дай Бог, обнаружится крупная сумма, тут уж не помогут никакие объяснения. Свалят всё на него и распишутся.

Задевая пассажиров, а местами протискиваясь среди вещей, он упорно протискивался, стараясь не показывать окружающим свою рязанскую физиономию, а те, как ему кажется, нарочито всматриваются, чтобы при случае описать внешность потревожившего их покой, проходящего человека. От нарастающего испуга (так вляпаться сразу же после освобождения, каким же нужно быть идиотом!) он вспотел, тяжело дышал, как будто тащил на горбу неподъёмную тяжесть, постоянно прислушивался (а вдруг его уже кто-то описал из пассажиров, и они устремились в погоню), до боли напрягая слух в грохоте колёс, превозмогая ужас, пробирался вперёд.

В одном из тамбуров, загородив весь проход, собралась группа молодых людей. Он просит пропустить его. Парни медленно и неохотно расступаются, недружелюбно оглядывая его, и у него в голове сразу возникла противная мысль: «Только бы не возникла какая-нибудь стычка, повод у них всегда может найтись – тогда ему точно, конец». Прямо перед ним возникла смешливая девица, которая с фривольным интересом медленно и страшно долго осматривает Григория, пока, наконец, не поворачивается и неохотно даёт ему дорогу.

Всё это уже порядком вымотало его, и хуже всего – неизвестность. Куда он бежит, зачем, что ждёт его, что там известно его преследователям, какие у них распоряжения относительно него?

Вот, наконец, последняя площадка перед электровозом. Он вдруг остро почувствовал: дальше холодная и непроходимая стена, в которую он измученно упёрся, и которая настойчиво отталкивает его. В голове Григория всё это, как в стандартном детективе, сплетается в одну сплошную картину беспощадной погони. Кажется, что словно весь мир, равнодушный и чужой, ополчился и, пытаясь отплатить ему, гонится за ним, задыхаясь от злобы.

Он в западне, и нет никакого спасенья.

На площадке никого, что-то проносится за окном, но всё превратилось для него в смазанные, мутные, тусклые картины. Растворились в пространстве зелёные поля и лес, одни их зловещие тени бесшумно реют над грохочущим поездом. В голове только одна мысль: они приближаются, медленно, неотвратимо, а он стоит без движения, смирившись с участью догоняемой жертвы.

Последним усилием воли Григорий принуждает себя к спокойствию. «Выход один, – все мысли Григория свелись к одной единственной, – скрыться в туалете. Главное, не дать им в руки. За ним охотятся не сыскари, обученные на задержание, а следователи-дознатели. И хотя прямых улик нет, в руки им лучше не попадаться. На ближайшей станции можно будет оторваться, а дальше: не пойман – не вор».

Он закрылся в туалете в ожидании остановки поезда.

Через четверть часа за дверью туалета началась какая-то возня, сначала в дверь вежливо постучали, потом послышались голоса людей, в грохоте колёс трудно было понять, о чём там говорили. Потом в дверь стали настойчиво стучать. Он расслышал голос мужчины, который почему-то спрашивал, не нужна ли ему помощь. «Хотят выкурить», – подумал Григорий, налегая на дверь, чтобы не дать открыть её, если проводник воспользуется своим ключом.

Гонимый страхом, Григорий просто потерял рассудок. Не знал он, не мог предположить, что своим надуманным страхом сам загнал себя в тупиковую ситуацию.

Дама с маленькой девочкой видела, как он зашёл в туалет, и когда дочь тоже попросилась по нужде, ждала, когда же туалет освободится, сначала постучалась, но, видя, что мужчина не выходит, заволновалась. Объяснила всё проводнику, вот откуда и возник весь этот шум, который так напугал Григория.

Двое полицейских, которые сели в последний вагон поезда, ехали в Рязань по своим делам, и как сели на свои места, так и продолжали там находиться, попивая чаёк и беседуя на какие-то свои темы. Ничего этого Григорий не знал, а, гонимый собственным воображением и порождаемым им животным страхом, чуть не в истерике бился в запертом пространстве, моля судьбу о скорой остановке поезда.

И как только это произошло, Григорий, рывком распахнув дверь, словно затравленный зверь, ринулся к выходу из вагона, расталкивая и разбрасывая по сторонам изумлённых пассажиров, не обращая внимания на их возмущённые крики. Проводник, забыв про свои обязанности, занятый выяснением причины застрявшего в туалете человека, не откинул и не зафиксировал площадку над ступенями вагона, что положено делать, прежде чем начать посадку и высадку пассажиров на низкую платформу.

В стремительном бегстве, Григорий ступил на несуществующую платформу, нога, не встретив опоры, безвольно повисла в воздухе, после чего он всем телом, резко подавшись вперёд, со всего маху грузно рухнул на асфальт. Основной удар пришёлся на голову, раздался глухой звук упавшего тела и отчётливый хруст сломанной носовой кости.

Последняя и единственная мысль, которая промелькнула в угасающем сознании Григория, была сколь трагичной, столь же и спокойной: «Прости, мама... Не успел...»

Да вдали видна церквушка
 Без попа и без креста.
 Да стучит в лесу кукушка
 На родимые места.

Ох, родная ты сторонка,
 Столько лет не виделась!
 На тебя, моя родная,
 Сильно я обиделся.

ОСЕНЬ

Бойкий звон
 Дубрав зелёных.
 Говор лиственниц сухих.
 В переключку над полями,
 Плачет с иволгой кулик.

БАБКА

Солнце скатилось –
 И ночь наступила,
 И надо мною
 Гудят комары...
 Вспомнилось мне,
 Как бабка крестилась
 В грозное время
 Военной поры.
 Сын ее первый
 Погиб
 В сорок первом,
 Второго чуть позже
 Скосила война...

Молится бабка,
 Глядит на дорогу:
 «Будь же ты проклята,
 Злая война!»

* * *

Осень.
 Сохнут травы.
 Светится луна,
 В голубом пожаре
 Тонут берега...

* * *

Мне не спится в деревне опять,
 Глухо стонет крестьянский двор.
 Не могу я никак понять,
 Отчего пожелтел косогор.
 Ночь пришла.
 Звёзды нас сторожат.
 Спит спокойно родная околица.
 Только где-то осины дрожат,
 А ко мне приходит бессонница.
 Может, это сентябрь растревожил,
 Словно чую вблизи я врага.
 Грусть меня окаянная гложет,
 Скоро, скоро повалят снега...

* * *

День убавился, и осень
 Положила травы в ряд.
 Все деревья, кроме сосен,
 Поменяли свой наряд.

* * *

Луны золотой колокол
С неба упал вчера.
И повеяли вдруг холодом
Осенние вечера.

Речка застыла ночью.
Хрустнул на ветках мороз.
И затопила печку
Родина средь берёз.

* * *

Люблю я осень тёмную
С холодными дождями.
Когда заря прощается
С пастушьими лугами.

Заморозила ночка
Первым делом луга.
А затем уже кочки,
А точней – берега.

Льдом укрылась речка,
И не ступит нога.
Задымилась печка,
Ждут в деревне снега.

ПЕТУХ

Вечер красный потух
У родного порога.
Кукарекнул петух
С чердака на дорогу.

В небе светит луна.
Дышит вечер теплынюю.
И запахи луга
Голубою полынюю.

СТАРУХА

На деревне пусто, глухо,
Наступает ночи тьма.
Одинокая старуха
Двери палкой подперла.

ИЗМОРОЗЬ

Скоро изморозь ляжет
На просёлки дорог.
И оденется в шубу
Деревенский порог.

Будет утро холодным,
А деньки коротки.
И оденут берёзы
Пуховые платки.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первому снегу
Рада околица.
Белые хлопья
На землю летят.
Скачет, как будто бы
Белая конница.
Только её мне
Уже не догнать.

Где ж вы, деревни,
Забывтые сёла?
Где ж, ты знакомая
Радость берёз?
Вот и явился
Зимний Никола.
Жалко тебя мне,
Деревня, до слёз.

ЛУНА

Речка снова
Замёрзла, искрится!
День прошёл.
Наступила зима.
И на небе
Взошла серебристая,
Среди туч
Молодая луна.

* * *

Люблю я осени печальной цвет полей.
Уже не пахнут, как бывало, травы.
И не шумят листвой своей
Красавицы дубравы.

Уже поля остыли от тепла,
И обнажились белые берёзы,
И снова осень ветер запрягла,
И подковала тройку до морозов.

И загрустил о чём-то дальний пруд.
И на деревьях, как на конях рыжих,
Луны осенней золотой хомут
Уже затянут – к заморозкам ближе.

МЫШКА

Пролетело лето
И пожухли травы,
И опали листья,
И увял камыш.
И стоят, задумавшись,
Сонные дубравы.
И к зиме готовится
Маленькая мышь.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Люблю последнее тепло,
Церквушку старую с крестами,
И это невесёлое село
С его последними цветами...

Старуха-осень мёд качает в бочку,
И на пороге матушка-зима.
И не садится уж пчела на кочку,
И порыжели берега.

* * *

Кони вороные
Пляшут под седлом.
Парни удалые
Ехали селом.

Бабки удивлялись
Куры все в разлёт.
Девушки смеялись,
Ох, лихой народ!

* * *

Вновь меня
 Потянуло на родину...
 Через сердце
 Прошла борозда,
 Вспомнил я
 В огороде смородину
 И свои молодые года.

* * *

Пахнет мёдом
 Старушка-липа.
 Тонут вербы
 В пруду голубом.
 Извини молодого пиита,
 Мой задумчивый
 Старый дом.

Здесь я вырос.
 Прошло моё детство.
 И теперь, как приеду сюда,
 Вспоминаю родное крестьянство,
 Что пропало, как дым,
 Без следа.

ОСЕНЬ

Золотое поле хлеба.
 Голубой ковёр небес.
 После розового лета,
 Стал задумчивее лес.

Стали дни опять короче,
 Наступают холода.
 Ветер ласковый хохочет,
 Да смеются провода.

* * *

Сторона моя родная,
 Два моста да речка,
 Да дровами топится
 Спозаранку печка.

Да старушка в хате
 Закрывает двери,
 Чтобы не влетели
 Белые метели.

* * *

Над деревней осень бродит.
 Колокольня в два креста.
 Ветерок срывает листья
 С придорожного куста.

ИВА

Что ты плачешь над рекою,
 Ива, матушка моя?
 Распрощалась ты со мною,
 Юность бедная моя.

Постарели твои косы,
 Да и я уж не такой.
 Не роняй ты, ива, слёзы
 Над задумчивой рекой.

ТУЧКА

Тучка в небе проплывала,
Тучку небо целовало.
А как грянула гроза,
Плачут тучкины глаза!

А как молния сверкнула,
Тучка дождиком плеснула.

* * *

Застелила осень
 листьями дорогу.
И не за горами
 злые холода.
Помолюсь в церквушке
 я сегодня богу,
Чтобы лучше жили
 наши города.

* * *

Летний день пропал за лесом.
Откричались петухи.
У дороги за деревней
Замечтались лопухи.

Наклонилась молча ива,
И течёт легко река.
И как будто в платье белом
Утонули берега.

Марина ЗАЙЦЕВА (Гольберг)

Марина Дмитриевна Зайцева (Гольберг) – член Союза писателей России, Содружества писателей г. Варна, автор более 30 книг стихов, прозы (в том числе для и детей), публицистики. Печаталась в литературно-художественных сборниках «Сахалин», «Сихотэ-Алинь», журналах «День и ночь», «Дальний Восток», «Юность». «Великороссь», «Московский Парнас» «Академия Поэзии».

Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Дипломант III Международного конкурса-фестиваля «Образ Крыма». Победитель конкурса МГО СПР «Бегущие по волнам» им. А.И. Грина. Лауреат Премии ТЭФФИ ВСД «Русский лад» Стихи и проза переведены на болгарский язык.

Живёт в Москве.

СОЛДАТ НА КОЛЁСИКАХ

Рассказ

Они снова собрались переезжать. С вечера весь багаж был упакован. Наутро, по привычке выглянув в окно, Лера вдруг с изумлением обнаружила, что пристань, которая всё время стояла совсем недалеко от их дома – прямо в нескольких десятках шагов – исчезла. Ведь ещё вчера стояла возле берега, покачиваясь на волнах от подплывающих к ней пароходов, – как ни в чём не бывало.

А сегодня – пропала! Как будто волшебным образом испарилась куда-то – следом за прошедшим несколько дней назад ледоходом! Эта пристань ещё как-то мудрёно называлась: «дебаркадер»*, «Де-бар-кал-дел...», «де-бал-ка-дер...», «де-бар-ка-дерр...», повторяла Лера бессчётно раз, учась правильно выговаривать, и одновременно запоминала новое для себя слово.

Секрет исчезновения пристани-дебаркадера оказался очень прост. Это речное начальство распорядилось оттащить его ночью вниз по течению на целый километр – на более глубокое место. Потому что после весеннего половодья Кама в этом месте сильно обмелела. И во время «навигации» (Лера услышала ещё одно незнакомое слово) пароходам теперь не будет невозможности подходить к пристани. А слово «навигация» обозначает период судоходства – от конца весеннего ледохода до начала осеннего ледостава.

Об этом, пока они ехали, Лера узнала от словоохотливого пожилого лодочника. Потому что из-за «убежавшего» за ночь плавучего причала им пришлось плыть на лодке. Возмущённая таким поворотом дела с пристанью, теперь их мать вынуждена была нанять лодочника за деньги, чтобы перевести багаж. Она хотела, чтобы он довёз всех пятерых, вместе со скарбом,

* Дебаркадер – плавучая пристань.

до парохода. Но тот наотрез отказался брать всех на борт – из простого соображения безопасности. Сказал, что лодка не выдержит их веса и багажа. Тогда мать взяла часть багажа и Леру в лодку. А старшим детям – дочери и сыну – велела идти пешком с небольшим узлом и чемоданом в сторону пристани. Они послушались и пошли по узкому, вязкому берегу реки и вскоре исчезли из виду.

Лодочник осторожно и плавно, без единого всплеска, вёл лодку. Он бесшумно взмахивал длинными вёслами, словно неведомая птица крыльями, низко летящая над водой. Лодка при каждом взмахе его тяжёлых вёсел, похожих на длинные деревянные лопаты, мерно поскрипывала в ржавых уключинах и послушно скользила вниз по течению. Крепко вцепившись в её борт, девочка со страхом смотрела в чёрную неподвижную воду. Она всего каких-нибудь сантиметров пяти не доходила до краёв борта – настолько была перегружена. Стоило лишь кому-нибудь из них нечаянно качнуть лодку, как она, зачерпнув воды, мгновенно пошла бы ко дну. Поэтому лодочник приказал ей сидеть тихо, как мышка.

Мать с Лерой ещё только подплывали к пристани, а брат и сестра были уже рядом и махали им руками. Потом из лодки, уткнувшейся в берег недалеко от дебаркадера, ребята помогли им выбраться. А лодочник подавал вещи. После этого мать расплатилась, и он уплыл. Все вместе они быстро и дружно перенесли багаж на крытую палубу. На улице было пасмурно и холодно.

С реки дул хотя уже и весенний, но холодный и порывистый, пронизывающий до косточек ветер. Всё-таки это был средний Урал. Потом начал накрапывать мелкий дождь. Они вовремя добрались до пристани и потому не успели промокнуть. Зато долго пришлось ждать парохода. Только к вечеру он, гулко гудя и шлёпая огромными, чуть ли не как у мельницы, выкрашенными в красный цвет лопастями-плечами, причалил к пристани. Пассажиров там было не очень много. Кроме них Лера насчитала на пристани ещё восемь человек – считать она хорошо умела до двадцати. А до ста – ещё путалась. И всегда при счёте смотрела на сестру. Та вовремя подсказывала.

– Ого-го! Всего двенадцать человек на такой большой пароход, – вслух воскликнула Лера. Но потом на пароходе она с удивлением обнаружила ещё и других пассажиров. Их было довольно много. Некоторые стояли вдоль борта и с любопытством рассматривали незнакомый посёлок, к которому они причалили. Эти люди ехали откуда-то с верховья Камы – и дальше. Их всех Лера пересчитать уже не смогла.

Денег у них было очень мало. Поэтому мама не могла позволить себе каюту – даже общую. Их поселили где-то внизу, в узком служебном коридоре – прямо рядом с машинным отделением. Машинное отделение отделяла от пассажиров невысокая железная стенка со стеклянной перегородкой – до самого верха. Но Лере хорошо было видно и слышно, как за стеклом внизу, с оглушительным грохотом, крутилась какая-то чёрная железная махина.

Она вся лоснилась, густо смазанная машинным маслом, под тусклым светом электрической лампочки под потолком. Вокруг неё, словно живые, попеременно гиблись вперёд и назад чёрные суставы огромных страшных, как у рака, рук-клешней. Ей всё время казалось, что махина вот-вот сорвётся со своего места. И она тут же представила, как та обрушится на неё и схватит своими железными ручищами. От вида этих страшных рук, которые попеременно тянулись к ней, Лере вдруг стало до ужаса страшно.

Девочка крепко-крепко – до красных искр и звёздочек – зажмурила глаза. Но махина продолжала крутиться с прежней скоростью. И похоже, что турбина (так «машина» называлась по-настоящему) с двумя её маховиками, которые она приняла за две огромные и страшные клешни, – совсем не собирается срываться с места. Более того, – она даже не обращает внимание на маленькую трусишку, занятая своей очень важной работой. Наконец поняв это, Лера успокоилась.

Спустя некоторое время она совсем освоилась и уже могла долго и бесстрашно смотреть на турбину. Потом она узнала – турбина с шатунами приводит в движение пароходные плицы. А они крутятся и толкают большой и тяжёлый пароход впе-

рёд. Потом Лера привыкла к машине за стеклом, и ей надоело смотреть на неё. По громыхающей железной лестнице, которая называлась «трап», она стремглав взлетела на палубу. Её легкое тонкое пальтишко затрепал свежий и сильный ветер с реки.

Наутро Лера поднялась со своей лежанки возле машинного отделения и, спросив разрешения у матери, снова поднялась наверх. Она оказалась на просторной открытой палубе, тесно заставленной какими-то большими бочками, тюками и ящиками. Она растерянно оглянулась, ища глазами брата и сестру. Сестра увидела её, крикнула и помахала рукой. Ребята стояли у самого борта, держась за верёвочные поручни. Она подбежала к ним и оглянулась по сторонам. Со всех сторон их окружала вода. От носа и бортов парохода разбегались широкие плавные волны с белыми барашками. А сзади него тянулся широкий и длинный кружевной след. Из высокой белой трубы парохода с красной широкой полосой и звездой, извиваясь на ветру, выплывал толстый, густой и чёрный дым. Иногда ветер начинал дуть в сторону парохода, и тогда дым окутывал всех пассажиров на палубе!

Ночью пароход выбрался из вод реки Камы и выплыл на простор великой реки Волги. Но Лера ничего не знала и не видела: она в это время уже крепко спала. Из дня в день перед глазами пассажиров вставала почти одна и та же картина: на обоих берегах реки виднелись города, деревни, леса и горы. Берега, трава и деревья уже зеленели всюду. Когда они однажды проплывали мимо очередных гор, какой-то молодой парень на палубе радостно закричал:

– Жигули! Смотрите, ведь это горы Жигули! – И он энергично замахал поднятыми руками. С берега им в ответ тоже кто-то махал... Оставив брата и сестру у борта парохода, Лера побежала дальше – посмотреть ещё чего-нибудь интересного на палубе. С любопытством оглядываясь по сторонам, она вдруг застыла в изумлении.

Девочка во все глаза смотрела, как навстречу ей по палубе катится на маленькой, как будто игрушечной, тележке, опираясь руками в деревянные дощечки с ручками, безногий дяденька-солдат. Он был в пилотке с красной звёздочкой, в выцветшей

почти добела солдатской гимнастёрке с тремя медалями на груди. Дяденька был взрослый, не очень даже и старый, но уже с большими залысинами на широком лбу. А от его волос до левой брови через весь лоб, наискосок пересекал страшный и глубокий красный шрам.

А ростом этот солдат на тележке на колёсиках был почти с неё! Это повергло пятилетнюю девочку в сильное изумление и одновременно словно пригвоздило к месту. Она только-только подумала, как это такой взрослый, но маленький дяденька может быть ниже её?! – как тут же была поднята высоко над палубой большими и сильными руками и переставлена дороги в сторону. И опять она даже не успела опомниться и понять, – кто это её поднял и переставил, словно пушинку? А когда оглянулась – увидела только широкую спину безногого солдата, катившегося на тележке по палубе дальше.

Потом Лера несколько раз видела его издали. Но при приближении тотчас зачем-то пряталась за тюками или ящиками, осторожно выглядывала и ждала, когда он проедет мимо и удалится из её вида. Лера почему-то по необъяснимой причине безотчётно его боялась. Именно этого непонятного – и потому пугающего – несоответствия мужской взрослости и силы и неестественной, почти детской, как она, малорослости. Старшая сестра объяснила ей, что этот человек – бывший солдат Великой Отечественной войны – он потерял обе ноги на фронте.

Лера родилась после войны, ей было было пять лет. Но она уже много знала и слышала об этом страшном бедствии, случившемся с её страной. Её мама и старшие брат сестрой пережили ленинградскую блокаду. В блокаду умер их двоюродный брат. А отец сестры и брата погиб на войне, в Латвии: он был танкистом и сгорел в танке. Отец Леры тоже воевал. А их дядя, мамин брат, был военным моряком – капитаном I ранга, и защищал Ленинград, А сын дяди --- двоюродный брат Леры, тоже воевал, он тоже был танкистом.

Нередко она видела на улицах города, в котором они жили, раненых и таких же искалеченных людей – без руки или ноги, – одетых в поношенную военную форму. Большинство из них

были с орденами и медалями на груди. Но это объяснение сестры не уменьшило её страха, смешанного со смутной и неясной для ребёнка жалостью.

Весь следующий день солдата на тележке на палубе не было видно. Брат, когда она спросила, почему не видно дяденьки солдата на тележке, ответил, что ночью, когда она уже спала, солдат сошёл на какой-то пристани. Эта картинка – как безногий солдат-инвалид поднимает и переносит её на своих больших и сильных руках над палубой плывущего по Волге парохода –на- всегда запечатлелась в памяти маленькой Леры.

Александр ЮДИН

Александр Валентинович Юдин – прозаик. Член МГО Союза писателей России, родился в 1965 году в Москве. Первая публикация – в журнале «Искатель» за 2003 год. В последующие годы повести и рассказы автора публиковались в журналах «Нева», «Полдень XXI век», «Нижний Новгород», «Дон», «Родная Кубань», «Бельские просторы», «Север», «Сура», «Юность», «Уральский следопыт», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Искатель», «Изящная словесность», «Невечерний свет/infinite», «Петровский мост», «Территория слова», «Великороссь», «Слово», «Кострома», «Дрон», «Веси» и во многих других, а также в сборниках "Настоящая фантастика-2010", «Настоящая фантастика-2011» ("Эксмо"), «Самая страшная книга-2014» ("АСТ") и др. Авторские книги выходили в издательствах «Эксмо», «Вече», «Аквилегия-М», «Островная библиотека». В 2023 г. детективная повесть А.В. Юдина «Бикинский тупик» отмечена дипломом Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор» в номинации «проза» («за развитие жанра»). Работы автора отмечены также дипломами Третьего и Четвёртого крымских фестивалей фантастики «Аю-Даг» за 2009 и 2010 гг., дипломом III Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» за 2018г. (в номинации «проза сказочная»), дипломом литературного альманаха «Царицын» (лучший автор в рубрике «проза» 2022 года).

Живёт в Москве.

ДОЛГИЙ-ДОЛГИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

*Мы не останемся нигде
И канем в глубь веков,
Как отраженья на воде
Небес и облаков.*

Давид Самойлов

«Скорая» приехала быстро.

– На что жалуетесь? – поинтересовался врач с аккуратной седой бородкой, усаживаясь на стул рядом с диваном.

– Сердце, доктор, – сдавленно прошептал Владимир Иванович. – С год назад у меня случился инфаркт... а сегодня, как пришёл с работы, за грудиной прихватило, аж дышать больно. Думал, ночью отпустит, но – только хуже. Вот, вызвал вас.

– Та-ак, посмотрим: кожные покровы у нас серые, дыхание прерывистое... Где работаете?

– В консалтинговой компании судебным юристом.

– Понятненько. Работёнка, полагаю, нервная. Сколько вам полных лет?

– Шестьдесят шесть.

– Почему же не на пенсии?

– Какая, к лебедям, пенсия?! Коммуналка, кредиты, внуки...

Не при социализме живем.

Врач сочувственно покивал.

– Ну те-с, закатайте рукав, измерим вам давленьице... так-так... та-ак...

– Что там, доктор? Давление есть?

– Ещё как! Сто девяносто на сто двадцать. Предынфарктное у вас давленьице. Придётся сделать укольчик, а потом поговорим о госпитализации. Какие у вас привычные показатели верхнего и нижнего?

– Я не слежу.

– Весьма опрометчиво, – шевельнул кустистыми бровями врач. – А инфаркт следит.

– Не пугайте, доктор, – вяло отмахнулся Владимир Иванович.

– Охнуть не успеете и – со святыми упокой, – настаивал врач. – Кувырком, как говаривал один мой пациент. Покойный.

– Чему быть, того не миновать, – хмыкнул Владимир Иванович.

– Фаталист, значит? – с ироничным прищуром спросил врач. – Тогда зачем вызывали «скорую»?

– Тут вы меня подловили, – согласился Владимир Иванович и вдруг, округлив глаза, прошептал: – ... Ох, доктор.

– Что такое? Вам хуже?

– Наоборот! Пойдите-ка... Да, так и есть: больше не колет, не жмёт и не ломит. Кажется, отпустило.

– Кажется или в самом деле отпустило?

– Правда, правда, – заверил Владимир Иванович, – совсем ничего не чувствую.

– Что ж, давайте ещё разок измерим вам давленьице... так-так... та-ак...

– Ну что там, доктор? – поторопил Владимир Иванович.

– Чудеса! – Врач с треском снял манжету тонометра. – Сто сорок на девяносто. Пожалуй, обойдёмся без инъекции и госпитализации. Вот вам пилюлька – это «капотен», положите под язык и рассосите.

– Видите, – оживился Владимир Иванович, приподнимаясь на диване, – как вы благотворно на меня повлияли. Извините, что понапрасну обеспокоил.

– Лежите спокойно! – предостерёг врач. – Рано трубить «в атаку». Минутку через десять ещё разок проверим давленьице – поглядим, подействовала ли таблетка. Если снизится до нормы, вот уж тогда смело ставьте свечку великомученику Пантелеймону.

– Кому-кому? – не понял Владимир Иванович.

– Святой такой. Заведует целительством недужных, покровительствует врачам и воинам.

– А! Да я, знаете, не особо верующий.

– Агностик, выходит? «И то и другое – недоказуемо», так?

– Не совсем даже так. В юриспруденции есть железное правило: бремя доказывания лежит на стороне, выдвинувшей то или иное утверждение... А вы сами-то, доктор, между прочим, верующий?

– Нам, врачам, уверовать и того сложнее. Профессия у нас слишком приземлённая. Я знаю одно: через несколько минут после остановки сердца мозг умирает. А с душой за всё время практики мне сталкиваться не доводилось. Душа – понятие нематериальное, из области теологии и литературы, а не медицины.

– Значит, в жизнь после смерти тоже не верите?

Врач, уже поднявшийся было со стула, внимательно посмотрел на пациента и сел обратно.

– Как вам ответить?.. И да и нет.

– Не понимаю. Что значит «и да и нет»? Мне представляется, тут либо «да» либо «нет». Середины в таком вопросе быть не может.

– Скажите, Владимир Иванович, – вопросом на вопрос ответил доктор, – вы знакомы с общей теорией относительности?

– Очень относительно, – признался больной.

– А с квантовой теорией?

– Ну вы и спросили! – возмутился Владимир Иванович.

– Так вот, согласно теории квантовой механики фундаментальным свойством Вселенной является принцип неопределённости, а основной постулат теории относительности гласит, что абсолютного времени не существует.

– И что из того следует? – поднял брови Владимир Иванович.

– Из сего следует, что для каждого наблюдателя время течёт по-разному. Не вдаваясь в научные детали, такой эффект порождается гравитацией.

– Допустим, – пожал плечами Владимир Иванович. – А нам-то что с того?

– Ну, не будем обижать старика Эйнштейна допущением, – усмехнулся доктор, – примем как данность: время – понятие

относительное. Для иллюстрации: многие люди считают отмеренный им срок жизни несправедливо коротким. Между тем, бабочка ручейника – знаете, такое малюсенькое насекомое, вроде ночного мотылька с прозрачными крылышками? – живёт от силы недели две. Мгновение, по нашим человеческим меркам. Но для ручейника это полноценная, наполненная событиями жизнь, за которую он успевает найти свою вторую половинку, оставить потомство, состариться и умереть. Кстати сказать, исходя из той же классической теории относительности, пространство и время могут образовывать замкнутую поверхность без границ. Понимаете, о чём я?

– Если честно, не вполне.

– Тогда вот вам ещё пример. Некоторые далёкие звёзды, расположенные от нас за сотни, тысячи и даже миллионы световых лет, на самом деле давно погасли, однако нам они продолжают светить, для нас они по-прежнему, если так можно выразиться, «живы»... Или вот ещё: уж про чёрные-то дыры вы наверняка слышали? Да? Отлично! А про эффект гравитационного замедления времени? Нет? Ладно, поясню: гравитационное поле чёрной дыры, то бишь, сила её тяготения настолько чудовищна, что не выпускает наружу даже свет. Поэтому, с точки зрения внешнего наблюдателя все физические процессы падающего в дыру объекта – предположим, космического корабля – идут всё медленнее и медленнее. Пока вовсе не замрут. Иначе говоря, по мере приближения космического корабля к так называемому «горизонту событий» чёрной дыры этот самый корабль – опять же, с точки зрения стороннего наблюдателя – замедляется сильнее и сильнее. И в конце концов останавливается. На самом-то деле ничего подобного не происходит. Просто внешний наблюдатель никогда не сможет увидеть, как корабль пересечёт горизонт событий и ухнет в недра чёрной дыры. Он так и останется вечно висеть на границе горизонта. Теперь понятно?

– Опять не догоняю, – нахмурился Владимир Иванович. – Про всё это я, кажется, где-то уже слышал или читал, но... к чему все эти мудрёные примеры из астрофизики?

– Хорошо, вот вам пример из жизни. Установлено, что сон человека имеет быструю и медленную фазы. И именно в быстрой фазе мы видим цветные, наполненные многочисленными яркими событиями сновидения. Но при этом фаза быстрого сна – самая короткая, и в реальности длится десять-пятнадцать минут от силы.

– Знаю, знаю! И всё одно не пойму, к чему вы ведёте?

Врач сокрушённо вздохнул и покачал головой:

– Я веду к тому, что это для нас, для живых, то есть для внешних сторонних наблюдателей, время умирания мозга после остановки дыхания – лишь короткий миг. Но для самого умирающего этот процесс может занять... вечность! Во всяком случае, промежуток времени, сравнимый со всей его прошедшей жизнью.

– Любопытная у вас теория, – помолчав, заметил Владимир Иванович и с кряхтением потянулся на диване, – в чём-то утешительная для нас, атеистов. Впрочем, сам я убеждён, что никакого посмертного существования нет, всё это басни. То есть, мы, конечно, не исчезаем бесследно, это противоречило бы закону сохранения материи, просто становимся, образно говоря, землёй и травой и, в итоге, даём жизнь другим земным существам. В этом я схожусь скорее с индуистами, нежели с буддистами, с их растворением в «вечном ничто»... Ох, простите, доктор, заболтал я вас, а уже, вон, скоро три – светает.

– Ничего, ничего, вы интересный собеседник. Хотя мне и впрямь пора. – Врач бросил озабоченный взгляд на смартфон. – Поступил новый вызов. Ну-с, прощайте, голубчик. И берегите себя! Сердечко у вас порядком изношенное, а потому авария может случиться весьма внезапно. Избегайте чрезмерных нагрузок и, главное, следите за давлением.

– Спасибо, непременно. Завтра – точнее, уже сегодня – у нас суббота, так что махну на дачу и засяду с удочкой у озера. Лучший отдых! Полный релакс.

Врач с сомнением покачал головой, но возражать не стал.

А Владимир Иванович, проводив доктора, ощутил неожиданный прилив сил. Он привёл себя в порядок, позавтракал и

ещё затемно выехал на дачу. В пять утра он уже был на месте. Не мешкая, накопал в огороде червей, взял удочку и отправился к заветному озеру.

Углубившись в лес и миновав оставшуюся в память о войне заполненную водой воронку, он вышел на извилистую, перевитую сосновыми корнями тропку и споро зашагал дальше. Сосновый лес по сторонам сменился широколиственным, потом густым ельником. Чернушек, валуёв и разных подгруздков была такая пропасть, что стоило сойти с тропы, как они, скрытые опавшей хвоей, начинали хрустеть под ногами. «Надо будет собирать пару корзиночек для холодного соленья», – мелькнула у Владимира Ивановича мысль.

Вот высокие стебли быльника скрыли его с головой; увенчанные дымчато-белыми облачками соцветий, они источали густой пряный аромат. Тут лес по левую руку отступил, и возникла сплошная непролазная стена ольшаника. Если не знать заранее, ни за что бы не углядеть начинающуюся за одним из ольховых кустов топковатую рыбацкую стёжку, уводящую от основной тропы влево; она причудливо виляла между кочками, щетинившимися пучками острой осоки.

Местность постепенно становилась всё низменнее, всё сырее. В неглубоких овражках-мочажниках там и сям стали встречаться оконца с болотной водой, куда, почуяв человека, плюхались пугливые лягушки; под ногами захлопало и вскоре Владимиру Ивановичу, чтоб не набрать в ботинки воды, пришлось шагать с кочки на кочку.

Пойдя ещё с десяток шагов, он вышел на пологий берег заболоченного лесного озера. Хотя как такового берега видно не было – мощные стебли двухметрового рогоза, начинаясь посуху, стройными рядами заходили глубоко в воду, съедая границу береговой линии. Лишь небольшой утопанный пятючок подсохшего торфа, на который он встал, был свободен от растительности.

Владимир Иванович окинул взглядом хорошо знакомый пейзаж: пышная болотная растительность плотной, непроницаемой для ветра стеной окружала топкий водоём; на заднем плане

вечно зеленели вековые ели и сосны; в прохладном, подёрнутом молочной дымкой утреннего тумана воздухе над поверхностью воды зависли крупные стрекозы. В этом обособленном, замкнутом на самого себя мирке время словно затормозило обычный размеренный бег.

На лежащем посреди голого пяточка замшелом бревне в первых лучах восходящего солнца грелась дюжина серых ящерок. Завидев гостя, они прыснули в стороны; небольшая флотилия толстых изумрудно-зелёных квакш лениво отчалила от берега.

Владимир Иванович размотал удочку, наживил червя, забросил крючок в свободное от ряски водяное оконце рядом с берегом и прислонил удилице к бревну. Потом, присев на корточки у кромки воды, тихонько разогнал ладонью ряску и заглянул в озёрную глубину.

Там всё кишело жизнью: у поверхности кверху брюшками шныряли длинноногие водяные клопы, дальше, в хаотичных лабиринтах многометровых плетей урути, кружили стайки жуков-вертянок; на самых сочных стеблях водоросли затейливыми пагодами лепились крупные раковины прудовиков; вон блеснул воздушный кокон водяного паука-серебрянки, а вот, раздвигая плети урути, поигрывая хищными жвалами, важно продефилировал высматривающий добычу плавунец.

Вдруг он заметил меж толстых корневищ аира длинную ящерку с плоским хвостом – тритона, который, казалось, внимательно наблюдал за Владимиром Ивановичем... Но тут его поплавок многообещающе повело к берегу, а после и задёргало. Владимир Иванович осторожно поднял удилице и замер в ожидании. Но, не утерпев, дёрнул, леска напряглась на миг, и с крючка с плеском шлёпнулось нечто увесистое.

Владимир Иванович не расстроился – главное, клёв есть. Наживив свежего червя, он снова забросил крючок. И поплавок моментально повело к тинистому берегу. На сей раз он не спешил подсекать, хотя клевало уже беспрерывно. Наконец, когда особенно сильная поклёвка утянула поплавок под воду целиком, он энергично, но не резко, потянул... и вот – на крючке, переливаясь живым серебром, бьётся златоперый карась.

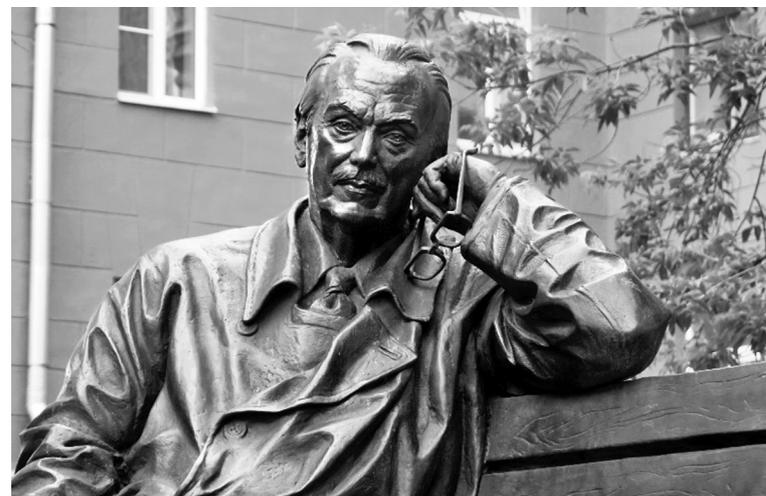
Владимир Иванович сунул карася в садок, опустил в воду и принялся по новой наживлять крючок. Чувство полного умиротворения, почти блаженства, накрыло его. Владимир Иванович знал, что наступающий летний день будет долгим, бесконечно долгим...

* * *

Испробовав все доступные реанимационные мероприятия, врач утёр вспотевшее лицо и резко выдохнул.

– В три часа десять минут утра двадцать первого августа текущего года констатирую смерть пациента; возраст – шестьдесят шесть полных лет, причина смерти – острая сердечная недостаточность, вероятно – повторный инфаркт миокарда неуточнённой локализации... Кувырком, чёрт меня побери!

Доктор машинально перекрестился и навсегда закрыл Владимиру Ивановичу стекленеющие глаза.

**ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

Светлана ВЬЮГИНА

Светлана Васильевна Вьюгина – прозаик, детский писатель. Родилась в селе Николо-Урюпино Красногорского района Московской области. Выпускник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в газете «Советский патриот», последние 40 лет – в приёмной комиссии СП России. Публиковалась в журналах «Аврора», «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Балтика», «Вертикаль», «Дон», «Дон новый», «Новая книга России», «О, русская земля», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простоквашино», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Юный натуралист» и др. Автор книг для детей («Конопастик», «Солнечные краски», «Черёмуховое крылечко», «Сибирский Валенок», «Тайна зелёных ёжиков», «Дика-Дик», «Рыжий снег», «Волшебное словечко», «Вьюнок» и др.). Член Союза писателей России с 1994 г.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

Из книги «Волшебное словечко»

НЕТ, ПАПА НЕ ПИЛ

Светлой памяти моих родителей посвящаю

Когда мама отправляла отца в выходной день в магазин за покупками, то обычно с ним шла я. На моих старших братьев в этом деле – присмотреть, чтобы отец не общался с выпивающими дядями – надежды не было. Во-первых, им эта бдительность ни к чему. Им важнее друзья-подружки, а во-вторых, мужская солидарность не позволит «сдать» его маме, а потому, если и вы-

пьет папа с приятелями рюмку одну-другую-третью, соврут, не моргнув глазом. Мол, ничего не видели, не слышали и вообще...

Я же... совсем другое дело! Я – мамина гордость: октябрёнок; светло-русые аккуратные косички; «ореховые глаза» – чистые-чистые... Я всегда говорю и родителям, и учителям правду. Да и папина я любимица: младшая, ласковая, и характером, и внешне на него похожая.

В тот солнечный майский день пошли обычным путём: мясная лавка, потом – овощная, потом – хлебная. Тут мы раньше обычно на некоторое время расставались. Папа покупал мне в палатке бутылку лимонада, кулёк пряников и усаживал на скамейку. Сиди, мол, радуйся жизни, а я скоро приду. Я пила щекочущий язык лимонад, бросала кусочки пряника дворовым собакам – и мне было хорошо. Я ничего не боялась. Знала – папа рядом. Если крикну – всё бросит и примчится... Но звать на помощь ни разу не приходилось. Меня здесь все знали и не обижали. Да и папа быстро возвращался, брал меня за руку, и мы шли домой. Папа шутил, смеялся, был он какой-то весёлый, смотрел смело и молодо, как на первой фронтовой фотографии.

В этот раз он почему-то не оставил меня на скамейке, а взял с собой – «поговорить с дядями». Мы вошли в дощатое синее строение, на котором написано большими коричневыми буквами – «ПИВНАЯ». Шум, гам, мужские лица, какой-то непривычный горьковатый запах...

Папа подвёл меня к высокому круглому столу и сказал двум мужчинам коротко:

– Дочка. Моя.

И пошёл к прилавку. Папины товарищи посмотрели на меня с уважением и предложили табурет. Улыбаясь, спросили:

– Будешь пить пиво?

– Нет, – мотнула я головой, – оно горькое. Старший брат Валера давал мне попробовать, оно – горькое. Я лимонад люблю.

Папа вернулся с кружками пива для друзей и с лимонадом для меня. А ещё папин товарищ купил мне свёрнутые в трубочку вафли. Потом они разливали в стаканы водку и, коротко сказав друг другу «со свиданьем!» или «будем!», выпивали её.

Потом неторопливо пили пиво, закусывали длинными кусочками рыбы со смешным названием «тарань», смеялись, курили папиросы и говорили, говорили...

А я сидела на табуретке, пила лимонад и смотрела в полутёмный угол. Там два дяди без ног сидели на своих коротких дощечках с колесиками и тоже, как мой папа с друзьями, пили пиво. Их стеклянные кружки стояли на картонном ящике, на нём же лежали рыбки «тарань». Когда безногие дяди тянулись друг к другу, чтобы чокнуться кружками, медали на их груди тихонько позвякивали...

Папа и его друзья – высоко, надо мной, а те, что в углу – внизу. Папа и его друзья видели одно, то, что сверху – лица, улыбки, румяное лицо буфетчицы, а я и те дяди – другое: ноги, сумки, бидоны. А ещё – мы видели друг друга, и по-заговорщически улыбались друг другу...

Возвращались домой, как всегда, весело. Папа одной рукой держал мою руку, другой – сумки; глаза его смотрели бодро и смело, как на первой военной фотографии.

Мама встретила нас с улыбкой:

– Целую гору продуктов приволокли, добытки! Мойте скорее руки – и к столу. Обед готов.

Обедать мы с папой не хотели, но маму обижать не стали и поплелись к умывальнику. Вот тут-то мама и принахмурилась, кивнула мне головой: «пойдём на кухню». Плотно закрыв дверь, наклонилась ко мне и глянула в глаза.

– Папа пил? Пил водку?

Я почему-то вспомнила тех людей, что сидели на дощечках с колесиками, и ответила тихо:

– Нет, не пил.

Мама выпрямилась и еще раз спросила – строго:

– Папа пил водку?

И я не выдержала, крикнула:

– Нет, не пил! Нет, папа не пил!

Потом вечером уже папа признался – наедине – маме, что, мол, махнул с приятелями стопочку-другую, как-никак, День Победы на носу...

Перед сном – я уже была в постели – мама ещё раз спросила меня, пил ли папа водку. На глазах у меня почему-то вспорхнули слёзы, и я прошептала:

– Нет, папа не пил...

ПАРОМ

– Вода – большая! Какая большая вода! – с чувством повторяла мама. Мы с Серёжкой переглянулись. Что маму так встревожило? За окном мягко скользящего автобуса – тянулась безмятежная гладь водохранилища. Мы с братом рады были этой поездке и этой красоте. Мама редко выбиралась с нами за город. «Я – городская, – частенько твердила она. – Вы уж с папой...»

Да мы и так... За грибами – с папой, на речку купаться – с папой, на лодке в пруду кататься или на качелях в парке качаться – тоже не с мамой. Она целыми днями пропадала в школе. Наверное, тысячу детей выучила, а может, и больше. А нам, её детям, хотелось простого с нею общения, и, конечно же, безраздельного. Или – мы, или ... Когда мы поехали в Углич (на целых два дня!), в Дом отдыха – это была наша маленькая победа. Решено: и купаемся, и загораем, и в музеи ходим, и книжки читаем только с мамой. Мы ни разу не были в известном старинном городе. Хотя, помнится, мама порою что-то рассказывала о нём. И старшие братья кое-что поведали младшим об увиденном ими не раз.

– Кремль посмотрите, кремль! Это – главное! Про остальное мама в автобусе расскажет, – отмахивались они от наших всяких многих-многих «как», «где» и «почему».

Слушать маму – одно удовольствие, рассказчица она – отменная. Но сегодня она всё время сбивается, запинаясь. И опять с какой-то тоской говорит о большой воде. Но мы уже с Серёжкой слушаем маму вполуха – и вот уже несёмся к берегу наперегонки, на ходу скидывая одежду...

Мы барахтались в воде, а мама сидела на покато зелёном берегу и читала книгу, поглядывая на нас. Когда раздалась ис-

тошные крики играющих на мелководье карапузов, она первая подскочила к детям и подхватила малышей на руки. Я же и Серёжка наслаждались купанием, ведь нас младенческие крики не касались. Когда мы проголодались да умаялись, вспомнили про маму. Её на прежнем месте не было. Она почему-то стояла высоко на берегу и плакала. Как же так!.. Маме плакать не положено! Родители не плакали никогда! На все расспросы мама слабо махнула рукой и повела обедать.

Вечером, налюбовавшись кремлём, побывав в большом музее, мы всё-таки стали тормозить маму:

– Почему ты не плавала? Почему ты плакала? Почему ты не веселишься с нами?

– Как так вышло, – задумчиво проговорила мама, – что путёвки в Дом отдыха дали именно сюда. Понимаю: я бы всё равно рассказала про паром, но попозже... Ваши старшие братья уже знают эту страшную историю... Что ж, выходит, и вам придётся узнать её.

...Это был начало войны. Ваш папа ушёл на фронт, а я с тремя маленькими детьми и бабушкой осталась в Угодском Заводе. Когда фронт приблизился и фашисты прорвали оборону, началась спешная эвакуация семей фронтовиков с детьми. Им выдали пропуска на паром, потому что железнодорожную станцию прицельно обстреливали вражеские орудия. Собрав два узла с вещами, мы спешно отправились к причалу. Там уже шла посадка на паром – спокойно и деловито. И в одну минуту вдруг всё изменилось: люди, услышав грохот канонады, оттеснили охрану и бросились к единственному спасению, парому.

– Сажаем на борт только женщин с детьми! – кричал уставший красноармеец. Но страх пленил слабых людей – и началась паника. В этой панике, нас тоже оттеснили далеко в сторону. Паром тяжело осел – и трап пришлось убрать.

– Вот наш пропуск!.. – кричала я, протискиваясь на причал. Но паром качнулся и медленно отплыл от берега.

Плакала бабушка, плакала я, ваша мама, плакал шестилетний Валера, плакали трёхлетняя Рита и годовалый Саша. Вдруг из-за облака вынырнул самолёт с чёрными крестами на крыльях и

спикировал на паром. Взлетел фонтан воды... Ещё – фонтан... Кто-то сорвал блузку и стал ею размахивать, мол, здесь дети и женщины!.. Но фашист не унимался: обстрелял из пулемёта косогор, на котором столпились люди, ждущие ещё один рейс парома.

– Бегите под деревья, ложитесь! – кричал охрипший красноармеец – дежурный по причалу.

Все бросились на землю. Я, помню, шептала маленькому Саше: «Тихо, тихо!» Как будто вражеский лётчик мог слышать его плач. А потом мы увидели, что паром, который был уже посередине водохранилища, страшно накренился и погружается в воду. А вместе с ним, понятное дело, и люди...

Очнулась я дома. Оказывается, оглушило взрывом бомбы, и я потеряла сознание. Бабушка потом рассказывала, что всех пострадавших на берегу на деревенской телеге развозили по бомбоубежищам красноармеец и два каких-то старика. И назвался боец тот кому-то то ли Колей, то ли Толей... А уж сказал ли он командирам своим, что подбил из установленного на тачанке пулемёта того летающего фашистского изверга, про то, золотые мои, не знаю...

Захватчики так и не взяли Углич. Его остановили наши герои, а потом и вовсе прогнали с этой вот родной земли!

...Да, война для нас была раньше только в кино. А теперь вот она ожила и в этом мамином рассказе. Мы прижались к ней, самой любимой, самой родной, так хотелось её успокоить и утешить. А мама посмотрела на нас и сказала отчётливо и негромко:

– Больше войны не будет ни-ког-да!

* * *

Это единственное, что мама рассказала нам о давней незабываемой военной поре.

Давно уж нет на белом свете наших родителей. Давно мы, их дети, довоенные и послевоенные, пересказываем своим детям и внукам фронтовые были отца и эту – почти что обычную в лихую годину Великой войны – житейскую историю. Давно,

вместе и поодиночке, со слезами на глазах, вновь и вновь переживаем драму, очевидицей которой некогда случилось быть и нашей маме, двадцатисемилетней женщине с тремя малолетними детьми на руках. Увидишь такую мамочку на аллее парка сегодня и невольно подумаешь: «Так молода! И... до чего же смела! Трех растит! И всё ей нипочём...» И ещё, может быть, подумаешь о пути, ей предначертанном, принакрытым пока туманом завтрашнего дня...

ЗЯБЛИКИ, ПТИЧКИ НЕБЕСНЫЕ

*На ветру не зябнет зяблик,
Лишь качается слегка
Вместе с веткой, как кораблик.
Что приплыл издалека...
Как я рад весенней птахе
И тому, что дал Господь
Скорби все мои и страхи
Этой крохе побороть...*

Геннадий Толин,
из стихотворения «Зяблик»

Сейчас часто многими авторами в анализе литературных текстов и разного рода событий упоминается известная пушкинская цитата из его черновых заметок о поэме «Граф Нулин»: «Бывают странные сближенья».

Благодаря таким «сближеньям», даже не столько по времени, а по существу и факту, у меня за наблюдением над пернатými насельниками моего дачного участка возник небольшой рассказик, которым я и хочу поделиться с читателями.

1. Мои певчие садовые зяблики

Наша дача – на опушке соснового леса. Чуть поодаль песчаный склон, и там ласточки любят гнездиться. В этом году

на даче как никогда было много птиц. И дрозды полюбили у нас клевать ягоды. Даже черноплодку мы не всю собирали, для дроздов часть оставляли. Пеночки, трясогузки, синички, иволги – мы уже знали «своих» пернатых и развешивали кормушки на деревьях. Птички с удивлением на нас поглядывали, предпочитая склёвывать червячков и комаров с земли, с травы: мол, это же не город, есть чем прокормиться. Порхали весело над яблонями, потом рассаживались на жасмине и весело щebetали: лето!!!...

Соловьи нам часами пели по весне, но их мы редко видели, оперение у соловьёв невидное, скромное. И сами они предпочитают оставаться в тени. Но – пение! Об этом много сказано-написано!

Птицы, как люди – горластые и мельтешащие – это совсем не значит, что самые талантливые, самые хорошие, самые-самые...

А тут появились незнакомые птицы – небольшие, юркие, грудки розовые, нежного окраса, с серой «опушкой», щебечут громко, но коротко. Пропели песенку, и нет их... Полистав подарочную книгу, справочник о пернатых, разыскала наших «незнакомцев». Это – зяблики! Вот вы кто, птички-невелички!?

И вспомнилась невольно удивительная история, рассказанная мне в детстве папой. История про медсестру, лейтенанта Зябликову, которую папины однополчане ласково звали Зябликом...

2. Лейтенант Зябликова

Историю эту мне рассказал мой папа, фронтовик, прошедший войну с начала её и до конца.

Не знаю, чем это объяснить, но люди, прошедшие войну, не любили о том распространяться, а может, просто щадили нашу, тогда ещё юную, психику.

Надо сказать, что мой папа, как мало кто, любил всё живое, всю Божью тварь, населяющую наш мир, потому и профессию выбрал такую, облегчающую страдания бессловесной твари – ветеринар, и до самой своей пенсии проработал ветеринаром.

Но из животного мира папа особенно любил лошадей, а из мира человеческого – хрупких самоуглублённых людей – «ботаников», как бы сказали сейчас, не умеющих, вроде бы, и за себя постоять.

И не случайно, видимо, всё же он посчитал мне рассказать следующий краткий эпизод войны, соединивший в себе и самоотверженность, и жалость, и что-то ещё, лежащее за гранью плоского земного мудрования.

Папа в своём подразделении, как профессиональный ветеринар, досконально разбирающийся в лошадях, был к ним и приставлен, за них и отвечал. Ведь без лошадок – этих безотказных тружеников фронта, война, особенно её начало, была бы гораздо драматичней, и все, особенно ездовые, об этом хорошо знают...

Была у них в подразделении невзрачная худенькая медсестра, приходящая подкармливать лошадей в свободное от службы время, вечером.

Маленького роста, скромного обличья. Внешне было в ней что-то птичье, пожалуй, даже зябличье, – а как было не иззябнуть слабой и незащитной девушке, почти что девочке, на ледяном ветру безжалостной войны?

Зяблик – так ласково и звали её все в полку с лёгкой руки ротного балагура и красавца Самсона, не обделявшего её, своим вниманием, не переходившим, впрочем, границы дозволенного.

Спешит, например, к своим раненым на перевязку Зяблик, а навстречу Самсон с переписанными откуда-то стихами Есенина:

«Ты меня не любишь, не жалеешь, разве я немного не красив?..»

Зардеется Зяблик и старается как можно быстрее проскочить мимо столь галантного ухажёра.

А ещё частенько, но беззлобно дразнил он медсестричку за частые слёзы. Вот принесёт она своим подопечным лошадам кусочки свеколки, морковки, сухарики, и пока те благосклонно гостинцы схрумкивают, что-то им тихонько наговаривает, и плачет тоже тихонько.

Эх, Самсон, если знал бы ты, что слёзы – это свидетельство чистой живой души, – осторожнее был бы со своими шутками...

Но, может быть, всё было и так, как сказано у одного поэта: – две души неровные края свои сближали...

Что уж там у неё случилось, какая беда – в это Зяблик никого не посвящала. Покормит лошадку – и к себе, в медсанчасть.

Не только простенькой внешностью, но и поведением Зяблик не выделялась. Была неприметна, может, даже смиренна, если уместно здесь это слово; звёзд с неба не хватала, значительных наград не имела, да и в силу маленького роста и физической слабости раненых с поля боя вытаскивала редко.

Но уж в санчасти трудилась, конечно, как и все, не покладая рук...

И жалел эту сестричку, этого Зяблика, как всем казалось поначалу, пожалуй, только конь, которого звали по трагикомическому совпадению тоже, как и её обожателя и обидчика, Самсоном. Вот покормит девушка Самсона, завсхлипывает, а конь замрёт, даже ушами не прядёт, мордой своей лошадиной к щеке зябликовской прижмётся. Жалеет.

Но неисповедимы пути Господни, тем более на войне, и попал в медсанчасть с ранением наш однополчанин, богатырь Самсон. А надо сказать, что был он хорошим солдатом, отличным сапёром, много жизней спасли его личное мужество, сноровка и смекалка. Но всё же однажды обошла его военная удача...

Так вот. Перевязывает его после операции медсестра Зяблик, а он терпит; зубами скрипит, а терпит. Вспомнил, наверное, как за слёзы поддразнивал сестричку. А та молча и спокойно свою работу делает. Перевязали Самсона, понесли на носилках в машину для отправки в госпиталь, и вдруг хлынул такой чудовищный ливень, что не видящая от печали белого света Зяблик, сопровождавшая раненого, сдёрнула с себя плащ-палатку и стонущего Самсона стала укрывать ею.

И такая незадача, война – дело опасное и непредсказуемое, а события происходили не в тылу, а в прифронтовой зоне, и осколком разорвавшегося вблизи снаряда её задело.

Не получилось ли так, что, закрывая Самсона от дождя, Зяблик спасла его от верной смерти?..

Без сознания была наша Зяблик, много крови потеряла, и отравили её той же машиной, что и Самсона, в госпиталь. Провожающие вспоминали, что взрослые мужики, оказывавшие ей первую помощь, едва сдерживали слёзы.

...Осталась ли медсестра жива? Об этом папа так и не узнал. Даже имени её не запомнил. Через неделю он получил ранение и сам попал в госпиталь. Но запомнил, что фамилия медсестры была Зябликова. Лейтенант Зябликова. И ещё вспоминал, что все раненые солдаты звали её ласково Зябликом.

* * *

Теперь, прожив уже немалую жизнь, с высоты своего возраста ясно вижу, что в жизни нет ничего случайного и маловажного, даже если оно кому-то на первый взгляд может и показаться маловажным и странным. В этом меня лишний раз убеждают недавно прочитанные строки замечательного православного писателя Александра Ракова: «Один только Бог знает связь причин и событий». А нам остаётся лишь благодарно склониться перед Его святой волей.

Наталья ЯРОСЛАВЦЕВА

Наталья Ивановна Ярославцева – прозаик, детский писатель. Родилась в г. Мичуринске Тамбовской области. Высшее образование: РЭУ им. Г.В. Плеханова, РАГС при Президенте РФ, МИП, н. вр. – аспирантура МИУ, РАНХиС при Президенте РФ. Практикующий психолог в теме личных и семейных отношений. Организатор профессиональных конференций, автор научных публикаций по психологии семьи и отцовства. Автор десяти книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Член Союза писателей России с 2019 г. Лауреат премии МГО Союза писателей России «Рыбка золотая» в 2023 году за вклад в детскую литературу.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

Из сборника «Кошки не похожи на людей»

НОВЫЙ ДЕДУШКА

– У вашей бабушки появился Сенечка! – с такими словами позвонила «сердобольная» соседка Вероникиной мамы. – На жилплощадь претендует! А она-то, к старости совсем голову потеряла, бегает за ним как дурочка!

Ника в ответ промычала что-то невнятное в трубку. Мама Вероники, Светлана Сергеевна, ни в какую не хочет переезжать из своего Мичуринска. Давно дочка уговаривает её продать квартиру и переехать к ним жить на дачу. И помогала бы, и всё ж поближе, если что. Ведь годы уже не те! Да и вот так нам бросать всё и ехать, случись что, – не ближний свет. А дом-то какой отстроили! Но сами там ещё не готовы постоянно жить, вдаль от центра, от работы, от привычного круга мероприятий, встреч и активностей. Дом строили с перспективой на будущее. Сейчас там удобно гостей собирать, шашлык жарить, да своими достижениями хвалиться. А мама могла бы там жить и порядок поддерживать. Цветы надо поливать и за газоном смотреть. Ну, а если захотела бы, можно и теплицу поставить, если сама будет следить за всем. Пенсионеров там проживает немало. Найдёт новых подружек. Постатуснее будет в таком-то месте жить! Сколько ж можно позориться, говорить, что из тьмутаракани в стольный город заселились, ещё и родня там осталась!

«А тут ещё и с ума двинулась на старости лет, женишок завёлся у неё! Ишь какая! Ещё пропишет, потом выписывать придётся – нам мучиться. А если в наследство решит включить?! Если вообще ей такое взбрело в голову, так может и до всякого дойти», – буря мыслей одна чернее другой пробежали в голове Ники-Вероники.

И она решила снарядить мужа в экспедицию к теще. У самой «горел» проект, всё было на низком старте, запуск «на носу» и начало продаж. Вот ни на что другое в такой момент отвлекаться она не могла.

Олег был мужчина попроще характером, покладистый и спокойный. И как он терпел буйный стержневой нрав Ники – все окружающие диву давались, и даже сама Вероника порой удивлялась! Но, как говорится, противоположности притягиваются. А сам он объяснял это равновесным положением в семье. Его всё устраивало, тем более что он давно изучил Веронику и знал, на какие кнопки нажимать, когда ей стоит выпустить парок.

Олег с большим недоверием принял предложение жены отправиться к теще со «шпионской проверкой».

– А что я ей скажу? И где я ночевать буду, если у неё сожитель обосновался? И вообще, с чего это я к ней явлюсь? – всячески отнекивался Олег, не желая оказаться втянутым в авантюру. – Могу правду сказать, что нам ваша соседка про жениха рассказала, жена разволновалась и меня отправила информацию проверять!

– Легенду я тебе придумаю! – уговаривала Вероника. Очень уж она хотела воспользоваться ситуацией и осуществить давний план. – Надо скорее действовать! У меня запуск продаж, ты ж понимаешь, я не могу поехать сама. Бери билет. И пока в одну сторону, чтобы дело до конца довести.

Супруг напрягся, но противоречить не стал. Часто Ника оказывалась права, а если нет, переубедить её не имело смысла.

«Пусть сама разложит всё по полочкам, она же мотивационный тренер. Пусть сама потом и расхлёбывает, – подумал Олег. – Если я внесу инициативу в её план, останусь виноватым! Это мы уже проходили».

Дело закрутилось. Вероника не спала полночи, разрабатывала план А, план В и план С. Выбирала билеты, с тем чтобы приехал он к теще в такое время, когда мама не отправит его в гостиницу. Единственная разумная причина для прикрытия неожиданного визита Олега в Мичуринск, что пришла на ум в ночных размышлениях, – это восстановление свидетельства о рождении их дочери. Алёнка тоже родилась в этой глуши.

Конечно, сейчас всё можно сделать удалённо. Но вполне правдиво будет выглядеть, если соврать, что база накрылась и восстанавливать документ онлайн будет долго. Им рекомендовали сделать копию по месту рождения. А дочке, естественно, нужно срочно, для поступления в институт.

Олег прибыл в Мичуринск дневным тамбовским экспрессом в 22:15, не спеша добрался на автобусе до дома тещи, чтобы оказаться у нее после 23 часов. Поднялся на третий этаж. Вдохнул побольше воздуха, как перед нырком в воду, и позвонил в звонок.

Светлана Сергеевна долго стояла у глазка, потом раздались два оборота замка в двери, и она открыла.

– Олег? – удивилась она, – Один? Так поздно?

Олег вперемешку затараторил заготовленные фразы про «не дозвонились», про свидетельство и утраченную базу и про срочность решения вопроса, а сам всё рассматривал за спиной у тещи обстановку, пытаясь понять, одна ли она дома.

– Ты ж меня не предупредил о своём приезде! Так что полноценным ужином не накормлю, а вот перекусить сможем! И чай поставлю! – хозяйка стала суетиться на кухне, извлекая из холодильника съестное, накладывая варенье в розеточки, нарезаая хлеб. – Чай из пакетиков подойдёт? – предложила она, но зять прошёл в зал и стал там осматриваться, вроде как обустроиваясь. – Молчание – знак согласия. – сказала она сама себе.

Чай с бутербродами и вареньем прошёл под повторение сценарных фраз Вероники.

– Как здоровьечко? Чем занимаетесь? – спросил Олег, надеясь собрать информацию и выискать в ответах тещи следы появившегося «дедушки».

«Видно, моя теща – матёрая плутовка, – в этот момент он мысленно поддержал идею жены. – Ну, ничего, выведем её на чистую воду!»

Перед сном Олег тихонько вышел на лестничную клетку. То и дело оглядываясь и прислушиваясь к подъездным шорохам, позвонил и подробно отчитался жене.

Если бы кто-то приоткрыл дверь, то услышал бы:

– Никого, понимаешь, никого! Мне кажется, ты всё преувеличила. Я тут как дурак!

– Завтра проследишь за ней, и разузнаешь! – упрямо звучало в трубке. – Значит, не каждый день он у неё. Все знакомства на работе происходят. Наверняка, и у неё так.

Светлана Сергеевна умудрилась проснуться раньше Олега, поэтому на столе его поджидали тёплые сырники и варенье из алычи. Светлана Сергеевна застёгивала куртку и одновременно искала перчатки в своей сумке.

– Олег, накрой всё салфеткой, а сметану поставь в холодильник. Я буду только к вечеру. – Тёща махнула рукой «пока», и щёлкнул замок.

Выйдя по возрасту на пенсию, Светлана Сергеевна оказалась перед выбором: переехать к дочери в Москву или найти новую работу и самостоятельно жить по своим правилам. Она устроилась работать в Управление соцзащиты и ходила по неблагополучным и приёмным семьям. Муж Вероники замаскировался, вывернув пуховик наизнанку, надел капюшон и закрыл шею и часть лица шарфом. Благо, на улице была зима.

«В таком виде я сам себя не узнаю!» – посмеялся он над собой.

Он торопился, однако, когда спустился и вышел из подъезда, едва увидел мелькнувшую за чёрными тополями Светлану Сергеевну.

– Ишь, какая шустрая! – озадаченно пробормотал себе под нос зять. И ускорил шаг. Тёща в автобус не села, а пошла вдоль дороги пешком.

Олег успокоил себя тем, что её место работы поблизости, вовсе не рассчитывая, что идти придётся все полчаса. Ещё и еле поспевая за бодро чешущей впереди тёщей, пробуксовывая ногами в снежной каше.

Пока размышлял, как проникнуть в контору социальной службы, он чуть не столкнулся с Вероникиной матерью в дверях. Олег резко развернулся на 180 градусов и краем уха услышал диалог с охранницей:

– К Яблочковым!

– Опять?

– Да, снова позвонили. Тимка-приёмный озорует.

Когда он осмелился оглянуться, то чуть было не потерял из виду Светлану Сергеевну, так стремительно она направилась в противоположную офису сторону. На этот раз ему пришлось притвориться бегуном-любителем, тем более он опасался упустить быстроногую дамочку из виду.

– И откуда у неё столько энергии?! – задыхаясь от непривычного бега, бурчал про себя Олег.

Побыла Светлана Сергеевна у Яблочковых около часа, Олег и прыгал, и приседал, но всё равно подмёрз прилично. Наконец вошёл в подъезд вместе с въезжающей в него женщиной с коляской. Мамочка подозрительно покосилась на замotanного шарфом мужчину с красными от мороза щеками.

Этажом или двумя выше он слышал голос Светланы Сергеевны:

– Тимоша, будь снисходительнее к ним. Им трудно привыкать к новому, ведь они старше тебя.

Молодой басок отвечал что-то утвердительно-невразумительное.

Когда раздалися шаги, Олег сделал вид, что он открывает почтовый ящик, а ключ застрял. Он поддельно грохотал и охал.

На обратной дороге в офис Светлана Сергеевна забежала в «Пятёрочку», купила рыбу, молоко, овощи и остановилась в раздумьях в отделе алкоголя. Сначала взяла в руки бутылку водки, поставила назад, потом выбрала красное вино и добавила плитку шоколада. И с сумкой, ничуть не снизив скорость, помчала к своему офису, бодро помахивая покупками.

Контора закрылась на обед. Олег ожидал перерыв в «забеге» и отправился было в сторону дома, но едва не прокололся. Его неожиданно обогнала Светлана Сергеевна, которая двигалась в ту же сторону. По пути проживала ещё одна её подопечная, пожилая одинокая актриса, Зельцер Мария Артамоновна. К ней она приходила ежедневно, заносила продукты, готовила и по долгу слушала, и записывала в тетрадочку воспоминания о жизни заслуженного работника культуры.

Олег решил остановить гонки по пересечённой местности и лучше исследовать квартиру во время отсутствия хозяйки. Но сперва Олег посетил местный магазинчик и прикупил с запасом продуктов да взял бутылочку коньяку, чтобы разговаривать как следует теще, ну и самому не заболеть, согреться после внештатной прогулки по местным неблагополучным семьям.

Как правильный супруг, отправил жене сообщение, что ничего подтверждающего гипотезу соседки им не выявлено. Разумеется, – а чего другого он мог ожидать от своей супруги, – Веронику это не удовлетворило. Она тут же перезвонила ему с потоком претензий и упреков. За пару минут ему стало известно, что она ночь не спала, строила себе страшные перспективы, что её бедная, обманутая мать под гипнозом мошенника. И что надо срочно мать спасать и брать ей билет в Москву. И что она сейчас отвлекается от важных переговоров с партнёрами, чтобы им, нерадивым, руководить, и что «ежу понятно», а он догадаться не может.

Монолог перешёл в видео монолог, чтобы самой потратить драгоценное время и напрягая глаза, рассмотреть доказательства присутствия жениха в квартире её матери.

Бойко вбежавшая домой Светлана Сергеевна встретила «картину маслом». Зять по видеосвязи пояснял, что он видит в спальне своей тещи.

Светлана Сергеевна, повидавшая разного по долгу своей социальной службы, пожалела зятя.

– Надо спасать человека! Совсем «слетел с катушек»! Ещё бы, с моей дочкой как не слететь?! – покачала головой она и сделала вид, что ничего не заметила.

Сразу прошла на кухню готовить ужин, а в центр стола поставила бутылку вина.

«Вот как раз и выпытаю у него, что происходит у них там!» – настроилась она.

Поставила варить рыбу, картошку. Достала и котлеты, и щи вчерашние из холодильника.

Услышав звяканье посуды и прочие признаки присутствия, Олег спохватился, что он не один дома. В заметном смущении он обратился к теще:

– Давайте помогу!

Он достал торт, стал резать колбасу.

– Так зачем ты приехал? А то мы так и не поговорили вчера, всё бегом. – стала расспрашивать теща. – Как там моя внучка? Как Ника?

«Бегом – это, кажется, ваш стиль!» – хотел было съязвить Олег.

В кухню, хромая, приковылял серо-чёрный кот и неловко запрыгнул на свободный стул. Он принялся вылизывать себе грудь, искоса разглядывая незнакомого мужчину, старательно объясняющего заготовленную Вероникой преамбулу его экстренной поездки в Мичуринск. Светлана Сергеевна выложила рыбу на тарелку и стала перебирать от косточек.

– А вы знаете, Светлана Сергеевна, что кошкам рыбу вообще неправильно давать? Британские учёные доказали. – Олег, порозовевший от долгой прогулки по морозу, горячей еде и выпитого бокала, надумал проявить заботу.

– Знаю, милоч, но мой Сенечка так её любит! – ответила теща. – Много натерпелся в жизни. Как не порадовать его?!

– А где же этот ваш Сенечка? – недоумённо спросил горешпион.

– Где-где? Да перед тобой! – Теща всё сильнее убеждалась в неадекватности зятя.

– Ээээ ... хммм... это.... – Растерянно жестикулируя, промямлил Олег, вытаращив глаза на кота. Вид его был жалок. Он переводил взгляд со Светланы Сергеевны на кота и обратно, рот был приоткрыт. Тут он вскочил на ноги, нашарил в кармане телефон и вылетел в подъезд звонить жене.

– Это срочно! Я узнал, кто этот Сеня! – в возбуждении прокричал он в ответ на вечно строгое «да» жены.

– Ну, говори скорее! – потребовала Вероника.

– Это кот! – выдохнул он и тихо добавил. – Какие же мы с тобой дураки!

И нажал отбой.

Жена мгновенно начала трезвонить, он тупо сбрасывал звонки. Когда пошли в ход сообщения, просто отключил теле-

фон. Он не сразу вернулся на кухню, заглянул в ванную и умыл лицо.

Светлана Сергеевна терпеливо ждала его, протирая вымытую посуду. Кот, медленно и изящно смакуя, ел у батареи свою любимую рыбу.

Зять робко опустился на стул и, краснея, начал:

– Светлана Сергеевна!..

Сенечка тщательно облизал усы и щёки и подошёл к ноге Светланы Сергеевны. Нежно, с проходочкой потёрся об неё, вытягивая шею и голову к хозяйке.

– Если б ты знал, в каком состоянии я его нашла. – начала она историю Сенечки. – На автобусной остановке под скамьёй. Лапа была сломана. На голове кровь. У него не было сил даже мяукать. – здесь голос её задрожал, она сделала паузу, перевела дыхание и продолжила. – И как глянул мне в самое сердце, и с такой тоской, что я подхватила его и сразу побежала с ним в ветеринарку. Вот мы теперь вдвоём и живём. А ведь я всю свою жизнь не знала, как это хорошо, когда тебя любят и ждут!

И так она это сказала, что в самое сердце попали её простые слова. Олег крепко задумался.

Рано утром он уже сидел в поезде и смотрел в окно на мелькающие пейзажи в темноте. Тайная операция в Мичуринске словно вывела его из тумана, в котором он слишком долго пребывал.

СЛАБАК ИЗ 6 КЛАССА

Мы часто думаем, что героев в современной жизни нет. «Все острова давным-давно открыты...» И если тебе пришла в голову невероятная фантастическая идея, то прежде восклицаешь: «Эврика!», а в последующем узнаёшь, что уже есть человек, который это реализовал и закрепил патентом.

Так думал и двенадцатилетний Андрюшка из пятидесяти шестой квартиры. Жизнь ему казалась скучной, серой и беспросветной. Школа и дом. Нет места для подвига. Всё в порядке, всё

размерено, везде правила и расписание. Попробуй что-нибудь нарушить! Свободой немножко пахло на улице, но взрослые часто повторяли, что гулять небезопасно. После школы сразу надо идти домой и звонить маме.

Да и кто во дворе вообще гуляет?! Мелюзга одна с бабушками, мамками да няньками.

Андрюшка сидел перед телевизором и размышлял.

По телеку какой-то «другой» мир транслируют, странный такой: люди все весёлые-весёлые, как переслащенные и подтаившие леденцы, идеально красивые, нарядные и приглаженные.

– И для кого это показывают?! – рассуждал Андрюшка. – Во всяком случае, в жизни я подобного не видел. Ненастоящее оно всё!

Реклама опять пошла. Майонез и кетчуп, да большеголовые куклы-пупсы с разноцветными волосами всего за 699 рублей.

– Неее, всё. Переключаю. – отчаянно проговорил Андрюшка. – О, тут анимэшки, ну хоть какое-то разнообразие. Только что-то уж больно тоскливое оно – разнообразие, – размышлял мальчик. – Всё сию да сию. Пойду чего-нибудь поем на кухне.

Андрюшка сел на табуретку, намазал хлеб плавленным сыром и стал жевать. И мысли к нему шли заковыристые и колючие, как шерстяные носки:

«Парень я крепкий, здоровый, руки-ноги есть. Но на что я годен? Моя жизнь словно заключена в замкнутом круге “школа – дом – просмотры – уроки – еда”. Вот есть мама, она каждый день бежит на работу, хоть и вздыхает, и жалуется вечером, как ей всё надоело, как она устаёт и как мало она зарабатывает. И папа туда же. Небось, если и постараться вспомнить, я не назову и одного момента, когда он разговаривает со мной и улыбается мне. И всё повторяет, что “мы всё для тебя делаем!”, “тебе надо человеком стать!” А кто он, человек-то?! И зачем мне им становиться?»

Эх, есть ведь герои в кино, это да. Взять, например, Халка.. Да, он был взрослым человеком, учёным, и тогда ему невероятно повезло! Он получил сверхспособность, правда, чуть не умер,

но это ничего, если теперь он герой. Он один спасал и тысячи, и миллионы людей от злодеев! Конечно, он – настоящий герой! Вот им бы стать! А что я-то могу?!»

Мальчик заправился чаем с сушками и стал мыть посуду, продолжая этот внутренний разговор: «Папа говорит, что надо тренироваться. Что он в моём возрасте на турнике до кровавых мозолей подтягивался и тройное сальто делал. А я всё ещё с моим серым котиком в обнимку засыпаю, и, если потеряется или под кровать упадёт, заснуть не могу. Папа считает меня слабаком, который в игрушки до сих пор играет».

Андрюша пошёл в свою комнату. Это на самом деле была не комната никакая, а только часть комнаты, отгороженная большим шкафом. В его зоне располагалась кровать, которая стояла у обратной стенки широкого тёмно-коричневого шкафа-купе, который пах чем-то ненатуральным: то ли клеем, то ли лаком с клеем. Стол-парта стоял у окна и рядом с ним раскорячился громоздкий комод, в ящиках которого лежала Андрюшкина одежда, бельё и складировались конструкторы «Лего», которые мальчик в минуты особого вдохновения доставал и строил замки и космические корабли.

Почти всю стенку шкафа хозяин «комнаты» обклеил, – везде, где только смог дотянуться. Здесь висел и постер с зелёным угрожающего вида Халком, на котором у него изображён необыкновенно большой кулачище. И казалось: как даст им, так сразу все злые и подлые жители планеты провалятся в тартарары.

Тут и дурацкое фото из 2-го класса, которое Андрюшка не любил. Что ни говорите, а он на фотокарточке смотрелся как гимназист из прошлого века с прилизанными волосами и в костюмчике с галстуком-бабочкой, который мама каким-то образом уговорила надеть. Какой уж он на нём герой?!

Исследуя свою территорию сканирующим взглядом, Андрюшка увидел свой рисунок.

«И зачем я его всё-таки повесил? – разозлился он на себя. – Оторвать что ли. Приклеен как крепко! Да, я той зимой сильно болел, и под впечатлением, видать, нарисовал его. Руки слабые

были, оттого котик на нём такой кривой и неказистый вышел. Хотя он у меня и в действительности не отличается изяществом... А здесь фотография: я и бабушка. Мама сказала в тот раз, что не нужно с мёртвыми фото развешивать, а я заплакал, заупрямился. И она оставила меня в покое, – пустился в воспоминания двухлетней давности Андрей. – Жаль, что бабушка умерла. Очень добрая она была».

Мальчик вздохнул и поморгал, отгоняя набежавшие слёзы. Он с усилием отвернулся от обклеенной картинками стенки и сел на свою кровать.

Рядом на подушке лежит котик, непонятно из какого материала сделанный. Совершенно непохожий на те модные разноцветные игрушки, которые показывают в рекламе на детских каналах. мех на нём полностью вытерся от детских ручек, а пятнышки, которые предполагались, сливались в единый серый цвет. У него разные глазки, один стёрся больше. И это придаёт ему хитрый-хитрый вид. Чисто подначивает: «Давай поиграем, а?»

«Ох, ну и страшенький же он, – привычно подумал Андрюшка. Но как-то сейчас сердце особенно защемило, когда он взял его в руки. – Бабушка его мне однажды принесла, сказала, что папа, когда был маленький, в него играл. А она сохранила. Папа тогда неожиданно рассмеялся, а обычно он и не улыбается при мне. Должно быть, я своим видом вынуждаю его становится суровым и строгим».

Погрузившись в воспоминания детства, Андрюшка заулыбался и, увлечшись, проговорил вслух:

– Помнится, были у меня солдатики пластмассовые, и я котика фломастером в зелёный цвет красил, чтобы он Халком был, и против их отряда выставлял его. Солдатики и нет давно, а котик лежит вон довольный и поглядывает на меня.

Мальчик встал и начал ходить по «своей комнате» взад и вперёд. Он разволновался от тех мыслей, которые подступили к нему. Неизвестно откуда пришли слова:

– Я должен это сделать. И пусть мне будет плохо. Всем героям сначала больно, а потом они становятся сильными. – сжав

зубы и кулак, громко приказал себе Андрюшка. – Сразу перестану нюнить! Ведь если как следует рассудить, только в котике и есть вся моя слабость!

– Всё выброшу я его из окна! – резко выкрикнул он и подскочил к проёму. – Это быстро, раму закрою, и всё уже случится! – он раздвинул шторы, подшагнул и правой рукой с размаху бросил котика в распахнутое окошко.

И ничего не случилось. Он даже звука не услышал, кроме равномерного гула дождя по металлическому подоконнику снаружи.

– Ой... – Андрюшка будто бы потяжелел, отпрянул от места преступления и оглянулся на кровать. В комнате всё потемнело, и Халк на постере стал мрачнее мрачного. – Ах, ну что я надедал? – опомнился он. – У нас же пятнадцатый этаж, и как я его в темноте найду?! А если в глубокую лужу провалился?

И парнишка побежал в прихожую, наткнувшись впопыхах на угол кровати, больно споткнувшись об приоткрытую в большой комнате дверь, наспех натягивая кроссовки и куртку. Еле дождался лифта. Андрюшка нажимал и нажимал на кнопку со стрелкой вниз, умоляя двигаться скорее: «Пожалуйста, я очень спешу!». Что-то непоправимое происходило именно в то время, когда он стоял в тёплом и светлом холле у лифта.

Наконец он выскочил из подъезда. И со всех ног бросился за дом, куда выходили окна их квартиры.

Не обращая внимания на противно моросивший октябрьский дождь, хлеставший его по щекам и лившийся за шиворот, он стал, сперва нагнувшись и на корточках, а вскоре, отбросив все попытки остаться чистым, прямо на коленках ползать и шарить руками по размокшей клумбе. В тоскливых мокрых сумерках он пытался высмотреть, но больше доверяя своим ладоням, ощущая раскрытыми пальцами пожухлую траву, декоративные кусты и корявые палки завядших осенних цветов. Но котика нигде не было.

– Он же такой маленький! – Сердце у Андрюшки обиженно колотилось. И вдруг страшная мысль пронзила его. – А если я никогда его больше не увижу?! Он серый, упал и отскочил

комочком, в ямку завалился, а я затоптал! – шептал он. – Весь я обляпался, рукава какие грязные! – он почувствовал прилив жалости к себе. – Как сильно царапают эти мокрые ветки! Эх, только бы куртку не порвать, мама будет в который раз ругаться и говорить, что я не понимаю, как она надрывается ради меня. Раз-два-три! Срочно отставить панику! Включаю холодный разум! – скомандовал себе мальчик, стараясь взять эмоции под контроль. – Ну-ка проверю, где наше окно?

Андрюшка выпрямился и задрал голову вверх и сильно запрокинул её назад, чтобы лучше разглядеть. У них пятнадцатый этаж, и он не последний в высотном доме. Быстро и не различить, где нужное окно. В лицо хлестал холодный дождик, но в это время всякие мелочи не имели значения. Немножко намочнув, Андрей как будто проснулся. Краем глаза он заметил движение в окнах ниже. О, ужас! На третьем этаже стоит малыш на подоконнике и открывает своё окно.

«Где его мама там, взрослые всякие?» – промелькнуло в голове у мальчика. И он попытался закричать.

– Эй, ты что делаешь? Глупый, ты куда?!

Андрюшка оглянулся, и крик застрял в его горле. Рядом ни одной живой души, да и эта сторона дома непроходная. Всё серо и темно вокруг. Только светом из окон озаряется местами придомовая клумба, где он только что ползал на карачках.

– Эй, да как же?! – возмущался он, пытаясь что-либо сообразить. Но не до запланированных решений ему было.

В два прыжка он подскочил к пятну на клумбе, освещённому окном третьего этажа. И точно так и должно было свершиться: маленький недотёпа скользнул по рукам Андрюшки и опрокинул его на спину в мокрую траву. В это самое мгновение мальчик не выдержал и закричал не то с перепугу, не то от переполняющей его ответственности за жизнь другого ребёнка, не то от всех его внутренних переживаний, накопленных и вырвавшихся как взрыв на свободу. Слёзы градом устремились из глаз, чтобы смешаться с равнодушным дождём. Тут уж и спасённый карапуз завопил, осознавая, что стряслось что-то нехарактерное его привычным шалостям и процессу освоения окружающего

пространства. Послышался душераздирающий вскрик матери недотёпы, которая, вбежав в комнату, обнаружила распахнутое настежь окно и услышала где-то внизу знакомый тембр орущего малютки. Разом стали открываться и другие окна, слышались громкие мужские и женские голоса.

У оглушённого Андрюшки не было сил подняться. Вывалившийся из окна ребёнок прилично придавил своего спасителя. Он крепко держал кричащего карапуза и разжал руки, только когда малыша забрали.

В этот миг было ощущение, что происходящее – это фильм или ролик на экране. Андрей был в оцепенении. К нему подбегали, что-то говорили, а он только кивал в ответ.

Внезапно он заметил, что на него кто-то смотрит. Рядом с ним, мокрым, грязным и сидящим в центре облезлого от непогоды осеннего цветника, лежит котик и по обыкновению подмигивает своим прищуренным глазом. Радость привела Андрюшку в чувство. Он живо схватил найдёныша и сунул под куртку за пазуху.

– Ох, и мокрый он! Ледяной! – Но сколько счастья разлилось по сердцу от его прикосновения. У мальчика опять выступили слёзы. – Нашёлся! Прости ты меня, дружок!

Гул голосов вырвал Андрюшу из мысленного диалога с вновь обрётённым котиком, как из утреннего сна. Он оттолкнулся рукой от земли, встал и, слегка пошатываясь, приблизился к собравшимся на асфальтовой дорожке людям. Были здесь и полицейский в форме с блокнотом, и консьерж, и бледная женщина с ревушим ребёнком на руках, и разношёрстные любопытствующие взрослые в куртках и плащах, наскоро наброшенных на домашнюю одежду. Его принялись расспрашивать наперебой и восклицать:

– Ты из какой квартиры?

– Как тебя зовут?

– Да ты же жизнь ему спас! Расскажи, как всё было.

В голове как молоточком застучала странная и противоречивая мысль:

«Как “спас”? Я? Слабак из 6-го класса?»

Андрюшка собрался с духом и очень спокойно, с паузами поведал, как всё было, опуская подробности с поисками котика и переживаниями, что он потерял его навсегда. Он говорил и продолжал удивляться самому себе и своей серьёзной интонации голоса, когда пересказывал детали вечера для оформления протокола полицейского.

В этот момент он заметил, как сквозь толпу пробирается мама, и на ней «нет лица». Сын стоит в окружении взрослых в самом что ни на есть неприглядном виде: мокрый, грязный, с красными глазами от слёз и беспощадного дождя.

– Сейчас набросится на меня, – представил Андрюшка и весь сжался в ожидании привычного потока возмущения.

Но её остановил участковый.

– Это ваш сын? – спросил он и встал между мальчиком и его рассердившейся на непослушание сына матерью. – Можете гордиться вашим ребёнком! Он совершил героический поступок. Спас неразумного Ваську, выпавшего из окна третьего этажа. Объявим ему благодарность. Завтра пусть в школу не идёт, мы напишем директору.

«Ну и глаза у мамы были! Буду помнить всю жизнь», – зафиксировал Андрей, который к этому времени начал дрожать от перенапряжения и холода. Он как-никак выбежал из дома совсем налегке. Кто же знал, что так обернётся?

А потом мама плакала. Наверное, это были слёзы сожаления, что не верила в сына, а может быть, и в себя. И что чудеса всё-таки происходят, даже если не веришь. Естественно, она не ругала ни за куртку, ни за позднюю прогулку. В этом смысле, ему здорово повезло. Однако заставила Андрюшку посидеть в ванне, наполненной горячей водой, и ещё долго мучала горячим чаем с мёдом. Мама просила по сто пятому разу повторить, как всё было. И всякий раз она снова заливалась слезами, когда сын рассказывал, как Васька летел на него. А Андрюшка боялся, что у него не получится поймать малыша, и что они уьются оба.

Когда пришёл домой папа, мальчик был в постели. Мама покормила папу ужином и в подробностях изложила ему на

кухне об Андрюшкином героическом поступке. Папа заглянул к Андрею. Увидев, что мальчик не спит, присел на кровать к сыну и молча пожал ему руку. Андрюша понял, что не всегда даже родители догадываются, на что способен их ребёнок.

Папа ушёл, так же не сказав ни слова, и убавил свет в общей, разделённой на две части комнате. Мальчик потихоньку вытащил из-под подушки выкупанного котика, завернутого в махровое полотенце. И бережно поцеловал его.

– Никакая это не слабость – любить и слышать зов сердца. – шёпотом, но с чувством проговорил Андрюшка на ушко котика. – Если бы не котик мой и моя любовь к нему, то случилась бы большая беда.

Мальчик повернулся к стенке с наклеенными плакатами. Он прижимал к себе своего маленького серого котика. События дня были слишком волнительными, чтобы сегодня быстро уснуть. Хоть он и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой от усталости, глаза никак не закрывались. Большой город не спит, и даже ночью не бывает полной темноты. Тени немного развеялись. И ему показалось, что Халк с плаката смотрит ему прямо в глаза и будто говорит: «Не только “Халки” могут людям помогать!»

– Я просто оказался там вовремя, и при этом совершил настоящий подвиг, – засыпая, сказал самому себе мальчик.

С 13 ЭТАЖА

В наши времена, что, говорят, самое главное? Деньги надо уметь зарабатывать. Кто зарабатывает, тот и «правит балом». Выбирай «правильную» профессию! Получай «правильные» дипломы! «Правильная работа» – та, за которую будут хорошо платить.

Илья на «правильного» плохо тянул: учился неважно, еле перешёл в 10-й. Маме пришлось договариваться с директором. Он безропотно отсидел на всех дополнительных занятиях, но проходной балл всё равно еле получил.

В 10-м их перемешали, собрали «сливочки» из четырёх девятих в два десятых. И тут за одну парту с ним села девочка из бывшего параллельного. И какая!

Вниманием девочек Илья не пользовался. Да они его просто не замечали! Разве на таких обращают внимание?!

Но родителям этого не объяснить. Родители настаивали на «правильном» стиле, и он носил в школу брюки и рубашку. От пиджака и галстука удалось отмазаться: в школе хорошо топили, и в кабинетах было жарко. В классе Илья выглядел «выпендрёжником», единственный в белой рубашке и наглаженных брюках. Да и сам он так про себя думал. Тем более, что это был вовсе не его выбор, а выпендриваться, кроме белой рубашки, было нечем. С учёбой были большие трудности.

Олеся носила чёрный балахон с крупными цветными надписями и широкие джинсы, волосы красила в ядовито зелёный, в носу был пирсинг. Так что их сходство на поверхности не лежало. Но подружились они на почве увлечений мангой (японские комиксы) и аниме (японская мультипликация для детей и взрослых).

– Что это ты там читаешь? – написала Олеся у себя в конце тетрадки и показала Илье, слегка толкнув его локтем.

– Манга с кошками, – он показал титульный лист в приложении телефона. Лицо ему обдало жаром.

– О, эту я уже читала, а знаешь, что вышло продолжение? – снова написала она в своей тетрадке и подрисовала смайл кошки.

Илья кивнул.

Он отвечал жестами, боясь привлечь внимание учительницы, которая легко могла испортить всю идиллию их диалога.

На перемене Олеся вспорхнула и побежала к девчонкам, а на следующем уроке их молчаливый разговор повторился.

Теперь Илья каждый день летел в школу как на крыльях. Они начали переписываться во «ВДружилке», обмениваясь ссылками на комиксы и музыкальные группы. Оказалось, что Олеся неплохо разбирается в молодёжной музыке и слушает те же группы, что и Илья. Странно, но всё их общение заключалось в переписке. На уроках они писали в своих тетрадях и показы-

вали друг другу, а после школы – в телефоне. Но на переменах Олеся делала вид, что её интересует Ульяна или Наташка, и старалась не пересекаться с Ильёй взглядами.

В один из тех моментов, когда они переписывались на уроке, Олеся задала вопрос:

– А почему ты одеваешься как «ботаник»?

– Понимаешь, – замялся Илья, – родители считают, что надо одеваться именно так. Я представитель семьи в школе, должен привыкать серьёзно выглядеть.

– Странно такое слышать от пацана пятнадцати лет! – написала она и нарисовала круглые глаза.

Они посмеялись и замяли тему. А потом Олеся заболела. И Илья развлекал её трогательными сообщениями, отправлял смешные мемы.

Пацан пятнадцати лет до дружбы с Олесей и знать не знал, как классно, когда ты на одной волне с девушкой. Он стал тайком смотреть мелодраматические сериалы, чтобы выяснить, как развивать отношения. Все его мысли, и без того заполненные фантазиями и мечтами, теперь ещё затуманила Олеся.

Пребывая в романтической одержимости, Илья не мог достоверно вспомнить, закрыл ли он тогда окно на балконе в своей комнате, да и он ли его вообще открывал. В связи с чем всю ответственность повесили на него.

Исчезновение Анфиски было обнаружено на следующее утро. Распахнутое окно в лоджии в комнате Ильи, следы лап на подоконнике, уже припорошенные снегом, красноречиво говорили: «Здесь была Анфиска». Под окном пусто, никаких следов. Хотя правильнее сказать: следов множество и разных. Ночью снова шёл снег. Следы терялись и обрывались.

Илья до сумерек бродил по закоулкам двора. Звал, содрогаясь, заглядывал в подвальные окошки и помойные контейнеры.

«Школа на сегодня отменяется!» – в процессе поисков промелькнуло у него в голове.

Весна была на подходе, но холодно было по-зимнему. Он остановился, проходя между припаркованных вокруг домов машин. Надежда отыскать кошку таяла вместе с остатками мут-

ного солнца на небе. Парень достал телефон, чтобы позвонить маме. И тут комок под задним колесом одной из машин хрипло мякнул.

– Анфиска! Нашлась! – воскликнул парень.

Он осторожно поднял её и прижал к себе.

Дома Илья мягко обтёр её промокшую шубку пушистым полотенцем. Оба дрожали. Мокрая и осунувшаяся от приключений кошка жадно заглотила корм. А потом обессиленно брякнулась под горячую батарею. Пока Илья возился с молнией кармана на вымокшей куртке, чтобы добраться наконец до телефона, его снова пробрал озноб. А в телефоне – куча пропущенных звонков от папы и мамы. И ворох сообщений от Олеси. Последнее сообщение ужалило уколом холода, как жидкий азот. Он был зверски вымотан поисками злосчастной десантницы, а теперь такое.

– Да за что?! – Илья весь съёжился в улиточку. Его спина сторбилась, делая его ещё более угловатым и худым.

«Сначала позвоню маме, а потом разберусь. – Илья дал передышку провалу в эмоциях, перевёл дыхание. – Потом всё перечитаю, скорее всего, это не то, что я подумал.»

Мама обрадовалась, сказала, что приедет с ветеринаром:

– Анфису надо проверить, вдруг у неё скрытый перелом или внутреннее кровотечение.

Олеся явно скучала без него в школе, потому сообщений от неё было много, и накал страстей нарастал. В последнем она оторвалась по полной. Если бы слова состояли из вещества, то с этого сообщения текла бы серная кислота.

Илья чувствовал себя виноватым. Он, конечно, был должен предупредить её, что не придет в школу. Как он не догадался!

«И с кошкой я тоже накосячил. Что же я такой неуклюжий!» – схватился за голову юноша и принялся сочинять сообщение.

Олесе он написал, как он сильно просит прощения. Но Олеся не ответила. Он впервые решился и отправил голосовое сообщение, что он очень просит прощения. Да, он искал кошку! Он очень виноват, что ничего ей не сказал.

Ветеринаром была давняя мамина подруга, Илья не помнил сейчас имени. Анфиску разбудили и осмотрели. Все кости были целы, внутри тоже всё спокойно.

– У неё стресс, – поставила диагноз докторша-подруга. – Теперь будет отсыпаться!

И они сели пить чай с рулетом.

Илья чай пить отказался. Он был подавлен. Его била дрожь. Всё, чего он хотел в этот момент, как кошка, лечь к тёплой батарее и согреться. Он укрылся с головой одеялом, прижался спиной к стене и задремал.

Так его и обнаружила мама.

– Боже, да у тебя температура, – воскликнула она и в сердцах ляпнула. – С тобой одни проблемы!

Илья проболел не день, не два, а целых четыре недели. Все дни он ждал ответов от Олеси, а каждое утро отправлял ей послания.

– Ей должно это понравится! – старательно выбирал он слова и картинки ещё с вечера.

Илья не хотел верить случившемуся. Он читал и перечитывал те её злые сообщения, потом свои. Опять и опять ковырял свои чувства, просматривая её ленту во «ВДружилке». Пытался разгадать, думает ли она о нём.

В то время, как Илья худел и страдал, Анфиска, напротив, округлилась. Пришлось маме снова позвать свою подругу на осмотр-чаепитие. Мама всегда была склонна подозревать худшее.

– У вашей кошки будут котята! – объявила докторша.

– Как? Она же домашняя, – не сообразила мама. – От кого же?

Сразу и в голову никому не пришло, что ровно месяц назад Анфиса десантировалась с балкона.

– Ах, вот оно как? Там её поджидали! Вот она, весна. Голова у кошки закружилась! – Мама с подругой ещё долго шутили и смеялись на кухне, пока к ним не присоединился папа.

Завтра нужно было выходить в школу, справка была на руках. Его выписали.

«На кого же я похож? Выгляжу как призрак. – Илья тоскливо рассматривал себя в зеркале. – И опять этот “правильный” образ! Как же я ненавижу рубашки!» – злился он, видя выглаженную мамой белую рубашку.

У Олеси завтра день рождения. Она сделала пост, что будет вечеринка у неё дома, что уже позвала всех лучших друзей к себе. И будет первая настоящая тусовка с ночёвкой. «16 лет не каждый день!»

«А меня не позвала! Про меня она забыла! Почему?» – стучало болью у Ильи в висках. – Никому я не нужен. Родителям приносит радость только кошка, вон как они веселятся. А от меня одни проблемы! Для них я – правильный жизненный план, которому надо соответствовать. Как эта противная душная рубашка. Не хочу так жить!»

Он вырвал из тетрадки листок, написал несколько слов, набросил куртку и под шумок на кухне прошмыгнул в подъезд. Вышел на чёрную лестницу с пожарным балконом. Ему в лицо хлынул холодный влажный ветер, который пробирался под кожу.

«Я просто прыгну и всё! Кошка же смогла, чем я хуже?! Руки раскину, зажмурюсь, и всё кончится, – убеждал он себя. – Потом пожалеют, пусть! Пусть знают, что нельзя быть такими бессердечными. Олеся придёт, может и огорчится», – в горле стоял комок, хотелось расплакаться, но он не мог.

Просто стоял и жадно дышал раскрытым ртом безжалостным, пробирающим насквозь воздухом, забыв, что только оклемался после воспаления лёгких.

«Стой, а в чем смысл твоего поступка? – включился во внутренний спор другой голос, – ты не кошка, ты не умеешь так приземляться. У тебя нет 9 запасных кошачьих жизней, – дерзко смеялся голос. – Кошка прыгнула ради любви, ради своих будущих детей»

Илья замер в нерешительности.

«А я ради кого тут на жалость давлю? Мамы с папой с их правильностью? Олесяки, которая мой порыв не оценит? Из-за рубашки?»

«Да, я прав, я им никому не нужен, – резал правду-матку этот новый голос, с каждым словом набирая силу. – А себе самому что? Тоже?»

– Нееет! Это мне внушили, что я «правильный», только когда я всем нравлюсь. Я вообще всегда правильный! – сказал уже вслух самому себе Илья.

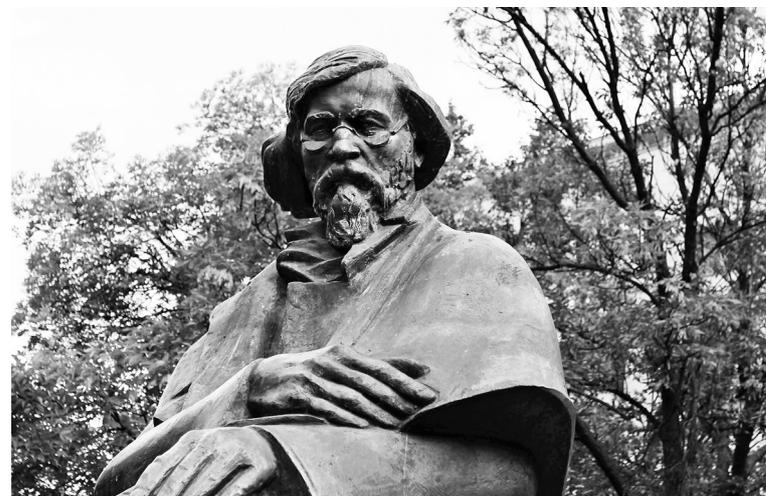
Он снова наклонился и посмотрел вниз. К ветру добавился ещё мокрый снег, «снегодождь», как говорит мама.

– Пусть они думают, что угодно, но эта жизнь – моя! И она самая правильная! А значит, я всё решаю, и правила в ней – мои. Выбираю сам, что делать с моей жизнью! – сжал кулаки Илья.

«И что же ты выбираешь?» – снова зазвучал внутри дерзкий голос.

– Я... я выбираю себя! – сказал и стукнул сжатым кулаком по карнизу уличного балкона.

Илья решительно развернулся, ключом открыл дверь в квартиру, повесил куртку и вошёл в свою комнату. Родители подозрительно тихо сидели на его диване. Прощальная записка нетронутой лежала на столе. Он прошёл к столу и скомкал лист бумаги.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Людмила АХРЕМЕНКОВА

Людмила Анатольевна Ахременкова – писатель, педагог, член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

АРБУЗ ЕГЭ

Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ) активно вошёл в практику школьной жизни в начале 2000-х годов. Его введение было неизбежным и стало спасительным. Дело в том, что после почти двадцати лет педагогической «вольницы» множество новаторских программ хлынуло в школу бурным потоком. Прочных знаний при этом никто не гарантировал, а родители перестали понимать, чему учат их детей в школе.

Зачисление в вузы к тому времени стало зависеть исключительно от финансового благополучия поступающих. Вся масса родительских денег, направляемых на высшее образование, поглощалась вузами через репетиторов, так или иначе связанных с приёмными комиссиями. Хочешь учиться – поезжай в институт и сдавай вступительные... Как во времена СССР.

Вступительные экзамены во времена СССР были незабываемы: народа много – вузов мало. Экзамены по всей стране начинались в один день. Если абитуриент не набирал проходного балла – попытка поступления откладывалась на год (вспоминем фильм «Москва слезам не верит»). Были, конечно, варианты, но иногда в выбранный вуз люди поступали годами. В экономике страны всё больше доминировали доллары и условные единицы, а потому желающих поехать в столицы и поучаствовать в массовой вступительных экзаменов с каждым годом становилось всё меньше. Высшее образование перестало быть равнодоступным. Аттестаты и медали уже не имели значения.

Кстати, о медалях. В Российской империи золотые медали утвердили в 1828 году. Были они действительно золотыми: диаметром 32 мм, из золота 990 пробы, весом 25 - 26 граммов. Награждали ими за отличные успехи в учёбе и примерное поведение. Самым известным золотым медалистом был Владимир Ильич Ленин.

В советскую эпоху золотые медали вернули в школу Постановлением Совнаркома СССР от 21 июня 1944 года «О ме-

роприятиях по улучшению качества обучения в школе». Тогда же было принято решение проводить в школе выпускные экзамены. Положение о золотой и серебряной медалях вступило в силу 30 мая 1945 года. И хотя медали «За отличные успехи и примерное поведение» имели республиканский, а не всесоюзный статус (на Монетном Дворе их чеканили на 15-ти языках, для каждой республики свои), но медалисты имели право быть зачисленными без вступительных экзаменов в любые высшие учебные заведения СССР. Позже ввели правило, по которому золотые медалисты сдавали не все, а лишь один вступительный экзамен по профильному предмету и если сдавали его не на 5, то поступали в вуз на общих основаниях. До 1954 года золотые медали изготавливали из золотого сплава 583-й пробы, покрывали чистым золотом, весила такая медаль почти 11 граммов. В последние годы золотые медали «За особые успехи в учении» изготавливали из латуни, диаметром 40 мм, покрывали золотым напылением толщиной в 5 микрон и весом золота 0,307 граммов.

Негласный план по медалям заставлял школы натягивать оценки медалистам, а их знания порой не выдерживали простого собеседования в вузах. В одном из южных регионов однажды золотыми медалями наградили всех выпускников... В 2014 году золотые медали отменили. Вместе с медалями отменили и «золотые» льготы при поступлении в вузы. Некогда престижная школьная награда дискредитировала себя. Позже золотые и серебряные медали то возвращали, то отменяли, условия награждения постоянно менялись, но 5–10 баллов к результатам ЕГЭ они всё-таки могут добавить и сегодня.

ЕГЭ стал обязательным не сразу. Первые несколько лет его сдавали по желанию в Центрах тестирования Минобрнауки России. Результаты экзаменов засчитывали при поступлении в некоторые государственные и в многочисленные частные вузы. После каждого экзамена (в данном случае речь идёт о русском языке) Центр тестирования Минобрнауки России публиковал не только экзаменационные вопросы, но и процент успешных ответов на них. Учителя, с одной стороны, могли

проверить экзаменационные вопросы на корректность их соответствия школьному курсу, а с другой стороны, могли выделить самые трудные темы, на которые в дальнейшем нужно было бы обратить особое внимание при работе с детьми.

Разработать разные варианты заданий ЕГЭ, одинаковые по уровню трудности, оказалось не так просто, как могло бы показаться на первый взгляд. В своей книжке «Подводные камни ЕГЭ», вышедшей в 2005 году, мне довелось проанализировать опубликованную тогда статистику результатов ЕГЭ за 2004 год. Исследования показали, что по суммарному проценту успешности один вариант заданий мог отличаться от другого почти в 2 раза (например, варианты 1 и 5 части «В» 283% и 144% соответственно). Справедлива ли такая разница? Обрадуется ли выпускник, если ему достанется именно трудный вариант? Например, в 5-м варианте задания В6 только 1% учащихся смог верно определить вид придаточного предложения в подпунктах 10 и 22:

(10) На какой канал ни попадёшь – обязательно про бандитов показывают.

(22) Но хорошие бандиты с ними очень сильно борются, как им ни препятствует в этом милиция.

Организационная работа по подготовке школ к ЕГЭ была проделана огромная: для учителей проводили специальные семинары, организовывали учёбу для экспертов и т.д. В 2009 году ЕГЭ объявили обязательным, но при этом вопросы заданий и процент успешности ответов перестали публиковать. Обратная связь Минобрнауки с учителями оборвалась.

Нельзя не видеть колоссальной сложности и грандиозности задач, стоявших перед ЕГЭ. Подготовка заданий по всем предметам теперь относилась сфере деятельности ФИПИ (Федерального Института Педагогических Измерений). И это правильно. С одной стороны, всю школьную программу нужно было перевести в систему вопросов и однозначных ответов, а с другой стороны, результаты экзамена должны были выстроить учащихся в условную очередь абитуриентов, распределив их (в том числе и тех, кто в вузы поступать не собирался) по

уровню знаний. Если бы все вопросы были слишком лёгкими, то большая плотность высоких баллов создала бы на входе в вузы «пробку» из плохо подготовленных абитуриентов с одинаково высокими баллами. Если бы все вопросы ЕГЭ были очень трудными, то «пробка» из низких баллов возникла бы уже по другой причине. Более того, ЕГЭ, став обязательным, ориентировал учащихся исключительно на высшее образование. Поэтому не следует удивляться, что желающих поступать в профессиональные училища с каждым годом становилось всё меньше.

Говоря об эффективности ЕГЭ, необходимо отметить, что знать предмет и успешно сдать экзамен по нему – это не одно и то же. Нужно не только знать, но и быть готовым именно к той форме экзамена, в которой экзамен проводится.

К 2015 году Рособрнадзор обратил внимание на то, что многие школьники плохо подготовлены к ОГЭ (Основному Государственному Экзамену) для 9-х классов и к ЕГЭ для 11-х. Чтобы иметь возможность оценивать качество работы учителей, было решено проводить в конце учебного года Всероссийские Проверочные Работы (ВПР). Чтобы успешно проходить диагностику ВПР, регионы ввели региональные контрольные (в Москве, например, тесты МЦКО – Московского Центра Качества Образования). Заметим, что речь идёт именно об оценке работы учителей, а не об оценке знаний учащихся. Но уже в этом году предполагается изменить статус ВПР с «проверочных» работ на «контрольные», чтобы их результаты учитывали при выставлении учащимся итоговых оценок.

Вот так, тихо поспешая, и стал ЕГЭ гегемоном, загрузив учителей бесконечной подготовкой к ОГЭ, ВПР и Региональным контрольным. Став гегемоном, ЕГЭ сместил на себя прицел всей концепции российского образования. Раньше учителя, давая знания по отдельным предметам, проверяли с помощью контрольных работ правильность усвоения учебного материала детьми. Теперь же школьники получают знания именно в процессе подготовки к контрольным. Как говорится, почувствуйте разницу.

Голоса, давно звучавшие за отмену ЕГЭ, теперь звучат всё громче. Устраивая психологический взрыв на выпускных/вступительных экзаменах (с тщательным досмотром на входе, с персональным сопровождением в туалет, с видеонаблюдением и пр.) ЕГЭ безжалостно деформировал всю систему среднего образования, подстроив её под себя. Но... Равнодоступность высшего образования теперь в значительной мере зависит не от знаний (которые и был призван взвешивать ЕГЭ), а от наличия общежитий и бюджетных мест в вузах. Именно государственное финансирование регулирует сегодня потоки абитуриентов. Ярko сыграв свою историческую роль на стыке эпох, ЕГЭ обрёл себя на неизбежное отрицание. Диалектика!

Сегодня интернет забит роликами с интервью, в которых люди, давно учившиеся в советской школе, превосходят по научному кругозору современную молодёжь. Не верите? Спросите у знакомых пятиклассников: «Куда впадает Волга?»

Не удивительно, что большой популярностью сегодня пользуются репринтные издания советских учебников. Более того, некоторым из них меняют «одежды»: делают цветными иллюстрации, редактируют и дополняют тексты. Написанные с позитивным отношением к жизни, логичные и лаконичные, советские учебники доходчиво излагали любую тему, вселяя в читателя светлую веру в будущее и чувство любви к своей Родине. Учебники современной школы во многом напоминают сборники энциклопедических статей, разбавленные рекомендациями: «Подумай и ответь», «Вспомни и опиши».

Когда после семи (7!) уроков в школе пятиклассник читает домашнее задание «пересказать §§...», то понимаешь, что даже взрослому человеку справиться с заданием весьма затруднительно. Потребуется часа полтора, чтобы составить конспект маленькой лекции с 15 - 20 новыми терминами, а потом ещё с помощью «дополнительной литературы или Интернета» подготовить сообщение об основании одного из городов Сибири (по своему выбору). Если же поинтересоваться: «А как учитель на уроке объяснял вам новый материал?», в ответ услышишь: «Нам фильм показывают». И это только один предмет. Кроме

него будут ещё задания выучить..., вычислить..., написать..., прочитать..., а по ОДНКНР (Основам Духовно-Нравственной Культуры Народов России) будет ещё и задание «нарисовать открытку и поздравить своего друга с национальным праздником по выбору (например, с татарским праздником Сабантуй)».

Какой друг? С каким праздником? Разве задание «нарисовать открытку» не учит детей лицемерию? Разве мы сами не стояли в стройных рядах пионеров и не клялись быть «Всегда готовыми» к борьбе за дело коммунистической партии? Разве «Закон Божий» не был обязательным предметом во всех гимназиях и школах Российской Империи? Разве у В.И. Ленина не стояла в аттестате «пятёрка» по Закону Божьему? И? Где сейчас родная коммунистическая партия? Где Российская Империя? Все ли храмы, разрушенные с 1918 года, сегодня восстановлены?

Золотые россыпи духовно-нравственных ценностей рассыпаны по страницам русской литературы, по учебникам истории нашей страны. Разве нельзя рассказать о том, как во время Великой Отечественной Войны в Ташкент прибыли составы с эвакуированными женщинами и детьми, как разместили людей на главной площади, а утром площадь была пуста – всех разобрали по домам! Почему не рассказать о землетрясении 1965 года, которое в пыль разрушило Ташкент, и о том, как детей из Ташкента на лето поселили в детских оздоровительных лагерях по всей стране? А потом всей страной восстановили прекрасный город? Да, это история времён СССР. А разве сейчас разливы рек не затапливают наши посёлки? А в засуху не горят леса и не сгорают деревни? И восстанавливаем их потом не за счёт местного бюджета, а всей страной? Почему нужно переписать созданный ИИ текст: «Дорогой друг... поздравляю... желаю... любви и счастья!» Почему бы учащимся не сделать совместные доклады по одной из предложенных тем? Качество докладов можно было бы обсудить. Дети должны учиться публично говорить и доброжелательно обсуждать работу друг друга. Главное – научить их слышать и слушать друг друга. По-

чему по духовно-нравственному предмету нужно обязательно ставить оценки? А просто «зачёт» не подойдёт?

У пятиклассников количество официальных оценочных работ за год может достигать 44, у семиклассников – 68. Здесь вспоминается сказочный царь Еремей, уверенный, что в его царстве всё можно было проверить и всех сосчитать. Хотя, помнится, Еремей не смог сосчитать собственного сына.

ЕГЭ, ОГЭ, ВПР и региональные контрольные сместили прицел образования с его содержания на компьютерную отчётность. Учителям, перегруженным списками, оценками, отчётами, остаётся всё меньше времени и сил на работу с детьми.

Не знаю, есть ли сейчас школьный устав или нет его. В школе, где когда-то посчастливилось мне учиться, каждый пункт устава, крупно написанный, мы могли прочитать в рамке под стеклом на стене, вдоль которой поднимались на свой 4-й этаж. И пока шли по лестнице, мы узнавали, что **ГЛАВНЫЙ** человек в школе – **УЧИТЕЛЬ**. А ученик **ОБЯЗАН**: не опаздывать, соблюдать, выполнять... В случае **НАРУШЕНИЯ**, он может быть **ИСКЛЮЧЁН**.

Вот мы и старались не опаздывать, соблюдать, выполнять. Школу любили нежно. Любили наших учителей и седовласого математика Максима Денисовича, который, если нужно было вызвать в школу родителей, забирал у провинившегося не дневник (его можно было бы и «забыть» в школе), а весь портфель, за которым потом и приходили родители. Зато математику знал весь класс.

Как бы то ни было, нормализовать и привести к общему знаменателю учебный процесс в школе с помощью ЕГЭ и ОГЭ удалось. Но дальше... Дальше стало скучно. Стало скучно и неинтересно. В ситуации нескончаемого контроля и оценивания. Контролируют и оценивают. Контролируют и оценивают директоров, учителей, учеников. «Учёт и контроль, повсеместный, всеобщий, универсальный – в этом суть социалистического преобразования. Учёт и контроль могут быть только массовыми. Учёт и контроль – вот главная экономическая задача». Да, да, это цитата из В.И. Ленина. Кажется, поменяй слова экономи-

ческая на педагогическая – вот и будут реалии нашей школы. Кстати, в «золотом» аттестате Владимира Ильича Ленина единственная четвёрка была по предмету с названием «Логика». Кто знает, может быть, именно поэтому «массовый учёт и контроль» в исторической перспективе не привёл к успеху социалистической экономики.

Нельзя не признать, что цели реформы образования, начатой в 90-е годы, были блестяще достигнуты. Воспитать «квалифицированного потребителя» удалось. Проблема только в том, что квалифицированных потребителей неохотно берут на работу. Почему? По словам одного из работодателей, причина первая (естественная и повсеместная) – молодые ищут своё место в жизни, поэтому всегда готовы уйти; вторая – им нельзя доверить напечатать хотя бы страницу текста, потому как не умеют выражать свои мысли и напишут безграмотно; третья причина – квалифицированные потребители, уверенные в себе и в своих правах, часто высокомерны, не умеют общаться с людьми, не умеют работать в содружестве; четвёртая – при отсутствии реального опыта работы ожидают высокую зарплату; пятая – уверены, что им все всегда должны; шестая... Не будем продолжать.

О бесперспективности ЕГЭ писали неоднократно. Когда-то моя статья с названием «Арбуз нельзя проглотить целиком» продолжилась словами «...Но его можно съесть кусочками». В статье мне хотелось донести мысль, что сдавать один экзамен вместо двух (выпускного и вступительного) – плохая идея. В школе экзаменов должно быть много, но при этом они должны быть дружественными. Такой дружественный экзамен по географии сдавал, например, Волька, в «Старике Хоттабыче». Дружественные зачёты сдают в музыкальных школах, когда учащиеся фиксируют для себя очередной этап роста мастерства. «Дружественные экзамены» должны быть и в школах. Нет, не для того, чтобы лишний раз подтвердить справедливость оценок, выставленных учителем, а для того, чтобы дать учащимся незаменимый опыт управления своими эмоциями, вниманием, чтобы научить справляться с волнением, научить правильно говорить и ясно формулировать свои мысли.

В 50-е годы переводные экзамены сдавали в каждом классе по всем предметам. В 1954 году их количество сократили до 2-х в четвёртом и в пятом классах (по арифметике и русскому языку). Дальше добавлялась ботаника, география. В 9–10-х классах сдавали экзамены уже по 5–7 предметам. В 60-е годы экзамены оставили в 8-м классе (из него можно было уходить в профессиональные медицинские, музыкальные и технические училища) и в 10-м классе (после его окончания можно было поступать в вузы).

Когда думаешь, почему отказались от экзаменов в средних классах, ответ напрашивается один: на второй год оставлять перестали, а экзаменационные оценки, как правило, подтверждали оценки, выставленные учителем за год. Так, зачем огород городить, если в училищах и вузах будут свои экзамены? Доля правды в этом есть. В 2015–2018 годах были попытки ввести переводные экзамены в 6-х классах. Далеко не всем эти попытки понравились, потому что от переводных экзаменов отказались. Ведь что значат переводные экзамены? Они значат, что учащегося можно не перевести? Оставить на второй год? Но детей с дошкольной логопедией, с дисграфией, с леворукостью (явной или скрытой), с дефицитом внимания и гиперактивностью можно оставлять даже не на 2-ой, а на 3-й и 5-й год обучения – ситуация с успеваемостью, например, по русскому языку у них не изменится.

В нашей школе училась девочка, которая прекрасно читала стихи, параллельно занималась в музыкальной школе, но по математике самой высокой её оценкой была тройка. После 8-го класса уйдя из школы в музыкальное училище, она окончила консерваторию с красным дипломом. И были у нас мальчики – прекрасные математики, которых в школьный хор петь не могли поставить.

Люди разные, но среднее образование у нас обязательное. Школа никого не должна потерять: Пушкин не ладил с математикой и был предпоследним в рейтинге класса, Чехов 2 раза оставался на второй год в гимназии, Маяковский учился плохо, Леонардо да Винчи был амбидекстром (умел писать обеими

руками, но имел большие проблемы с письмом), Пётр I пропускал буквы (был дислексиком) и плохо читал, Эйнштейн был двоечником и дислексиком, Наполеон хорошо учился только по математике, Бетховен писал с ошибками, а таблицу умножения так и не освоил.

Пора вернуть в школу ЛЮБОВЬ к детям. Чтобы из-за успехов по математике или родному языку не потерять великих поэтов, писателей, учёных, художников и музыкантов.

Пора вернуть в школу высокий статус УЧИТЕЛЯ. Из человека, вечно проверяемого всеми ответственными органами, учитель должен стать государевым человеком, передающим детям не только знания по отдельным предметам, но духовный и нравственный опыт предыдущих поколений. Пора вернуть в школу АТТЕСТАТ с оценками, выставляемых школой по результатам учёбы. Почему, доверяя школе 11 лет учить и воспитывать наших детей, мы не доверяем ей выставить оценки за учёбу в аттестат?

Пора вернуть в школу оценки за ПРИЛЕЖАНИЕ. Чтобы любую домашнюю или классную работу дети оформляли надлежащим образом. Чтобы на переменах над группками детей как мухи не летали «блины» и цензурщина. Чтобы в мыслях не было ни у детей, ни у родителей орать, кричать, угрожать и демонстрировать своё плохое воспитание учителю. Школа должна стать дружественной по отношению к детям и уважительной по отношению к УЧИТЕЛЮ. Экзамены или зачёты по отдельным предметам тоже должны быть дружественными. Не по принципу: «Сейчас-то мы тебя прове-е-ерим!», а по принципу «Ну дружок, расскажи, что ты знаешь об эпосе народов России».

Однако школьная «дружественная пастораль» должна на этом и заканчиваться. Гранитной стеной нужно отделить её от суровой борьбы за бюджетное высшее образование. Самое время вспомнить, что к экзаменам по математике в технические вузы в советскую эпоху абитуриенты в большинстве готовились самостоятельно по сборнику задач М.И. Сканави, а также по сборникам экзаменационных примеров МИФИ, МФТИ и МГУ. Всё! Других вариантов не было. Большая самостоятель-

ная работа позволяла тем, кто готовился в вузы, легко сдавать экзамены в школе. Честно говоря, не уверена, что это уровень сегодняшнего ЕГЭ.

В современных условиях естественные науки абитуриенты могли бы сдавать в несколько этапов в течение года по интернету с тем, чтобы потом уже лично приехать и сдать обобщённые варианты в Центрах Тестирования. Самые продвинутые вузы могли бы получить право на собственные «странички». Одним словом, вариантов много.

То же самое относится и к ОГЭ – обязательному для тех, кто поступает в училища.

Что касается экзаменов по русскому языку, то в ОГЭ, кажется, необходимо ввести диктант. Обязательными должны стать 7–10 лучших диктантов (в том числе знаменитый «Ещё только 11-й час...»).

Нельзя не согласиться, что если учащийся выучит эти диктанты, понимая все правила орфографии и пунктуации в них, а на экзамене напишет сделанную ИИ свободную выборку из 5–7 предложений, то такого человека уверенно можно будет называть грамотным. Что касается письменных работ, то возврата к толстым книгам «500 Золотых сочинений» быть не может. Для филологов критические статьи на тему «Образ Базарова...» – пожалуйста. Для остальных вполне подошли бы вариации тем сочинений, принятые во времена царских гимназий: «Не всё коту масленица», «О скоротечности жизни», «О проявлении нравственного начала истории».

Работа для педагогического и родительского сообщества предстоит огромная. ФИПИ будет что Измерять и Исследовать. Пришло время определиться: чему и как мы хотим учить детей. Чего мы хотим для них? Знаний? Здоровья? Мы хотим и того и другого.

Но знаем точно: «Арбуз ЕГЭ нельзя проглотить целиком».

Татьяна БОКАРЕВА

Татьяна Владимировна Бокарева – критик, литературовед, член МГО СП России. Учитель русского языка и литературы, МАОУ Домодедовский лицей №3 им. Героя Советского Союза Ю.П. Максимова.

Живёт в г. Домодедово, МО.

Пётр КАЛИТИН

Пётр Вячеславович Калитин – критик, литературовед, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Живёт в г. Коломна, МО.

Аннотация

Цель статьи: выявить антропологические и метафизические особенности бунинского понимания женской красоты по рассказу «Чистый понедельник».

Процедура и методы: герменевтически, логико-семантически, культурологически и текстологически проанализировать рассказ «Чистый понедельник» в контексте всего литературного творчества И.А. Бунина, а также соответствующие философские и литературоведческие работы ряда авторов: от И.А. Ильина до Максима Д. Шраера.

Результаты: сделан вывод об антиномично-истинной природе оригинального бунинского взгляда на русскую женскую красоту.

Теоретическая или практическая значимость: гносеологически и эстетически конкретизирован бунинский взгляд на русскую женскую красоту.

«СТРАННЫЕ» ОСОБЕННОСТИ КРАСОТЫ (РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ)

(По рассказу И.А. Бунина «Чистый понедельник»)

1. С первой же страницы рассказа И.А. Бунин подчёркивает странность своей героини, а также её отношений с героем. Прежде всего, это качество проявляется в отношении героини к самой себе. Так, например, она «зачем-то училась на курсах, довольно редко посещала их, но посещала», и когда герой спросил её, зачем, она ответила: «А зачем всё делается на свете? Разве мы понимаем что-нибудь в наших поступках...» [1, с. 460]. Та же противоречивость проявлялась и в ее отношении к вещам. «Ей

ничто [было] не нужно: ни цветы, ни книги, ни обеды, ни театры, ни ужины за городом, хотя всё-таки цветы были у неё любимые и нелюбимые, все книги, какие я ей привозил, она всегда прочитывала, шоколаду съедала за день целую коробку... Явной (однозначной! – Т.Б. П.К.) Слабостью её была только хорошая одежда, бархат, шелка, дорогой мех...» [1, с. 461].

Та же странность, или, точнее, противоречивость, сказывалась и во взаимоотношениях героини с героем. «Она раз навсегда отвела разговоры о нашем будущем, ...совсем близки мы всё еще не были; и всё это без конца держало меня в неразрешающемся напряжении, в мучительном ожидании – и вместе с тем был я несказанно счастлив каждым часом, проведённым возле неё» [1, с. 460]. Более того, она прямо говорила, что в жёны не годится, но «во всяком случае вы (герой – Т.Б. П.К.) у меня первый и последний. Вам этого мало? Но довольно об этом».

Однажды она «Ровно отозвалась из темноты:

– ...Кто же знает, что такое любовь?» [1, с. 463–464]. И когда герой восклицательно ответил ей, что любовь – это счастье, героиня вспомнила мудрость Платона Каратаева («Война и мир»), касающуюся счастья, как воды в бредне: «Тянешь – надулось, а вытацишь – ничего нету» [1, с. 463].

Примечательно, что герой оценивает толстовскую цитату как восточную мудрость [1, с. 464]. Ещё более примечательно, что до этого он оценивает её красоту «какой-то индийской, персидской» – с «великолепными и несколько зловещими в своей густой черноте волосами» [1, с. 461].

В другой раз герой вдруг определяет свою пассивность в виде «восточной красавицы с лубочной картинки» [1, с. 468]. На поверку – органичное, естественное увязывание странной противоречивости героини с восточной культурой, где царит «Бездна-Праматерь, которая «родит и поглощает и, поглощая, снова родит всё сущее в мире, а иначе сказать – тот Путь всего сущего, коему не должно противиться ничто сущее», и где живут «женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жаждой любви и которые от этого от самого никогда и никого не любят». В результате «Дом (этих душ – Т.Б. П.К.) ведёт к смерти и стези

(их – Т.Б. П.К.) к мертвецам», как писал И.А. Бунин в более раннем рассказе «Сны Чанга» [2, с. 113,117,118].

Но автор не ограничивает характеристику своей героини чисто восточной мудростью. Он соотносит её странность и со «странным городом» «Москва», с его Охотным рядом, Василием Блаженным и чем-то киргизским в остриях башен на кремлевских стенах – вновь не без лубочной коннотации. Героиня обобщает эту взаимосвязь до «красоты и ужаса»: «допетровской Руси» [1, с. 462, 463, 465].

И.А. Бунин последовательно экстраполирует свой взгляд на странную противоречивость героини «Чистого понедельника» и на конкретную характеристику её религиозности. Женщина при всём роскошном, если не языческом образе своей повседневной жизни постоянно посещает кремлевские соборы и монастыри и даже в трактире Егорова восхищается иконой Богородицы Троиручицы: «Три руки! Ведь это Индия! Вы (обращение к герою – Т.Б., П.К.) – барин, Вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву» [1, с. 465,466]. Более того, со странной религиозностью героини Бунин соотносит ключевой момент в понимании её внутреннего мира. Речь идёт о Житие Петра и Февронии, которое и предопределило её конечную, монашескую судьбу и вывело ее красоту из странно-противоречивой своеобразности. Она прямо вспоминает при герое ариографический эпизод, когда «вселил к жене его [Павла – Т.Б., П.К.] дьявол летучего змея на блуд. И сей змей являлся ей в естестве человеческом зело прекрасном» [1, с. 467]. Нельзя не отметить, что в тексте Жития змей является не просто в естестве человеческом, а в образе любимого мужа, что в какой-то мере оправдывает её измену [3, с. 9–12]. Но героиня бунинского рассказа, как видим, не допускает никаких лукавых оправданий.

Понятно, что тогда она уже приняла решение уйти в монастырь, чтобы, в конце концов, однозначно и «безжизненно» освободится от своей странной красоты [1, с. 469].

Но глубоко символично, что при самой последней встрече со своей пассивной-инокиней герой сталкивается «со взглядом [её] темный глаз в темноту, будто как раз на меня» [1, с. 471].

Французский культуролог Ж. Вигарелло характеризовал такой взгляд красивой женщины как сугубо романтический, раскрывающий непостижимость человеческой души [4, с. 163].

Мы же от себя добавим, что этот взгляд, разумеется, не лишён и собственно православной, аскетической составляющей.

Таким образом, достаточно подробная характеристика странной красоты героини «Чистого понедельника» привела нас к выводу о её не просто противоречивой, а жизнеутверждающей содержательности, которая органично связана со старомосковской и в целом восточной ментальностью.

Иначе говоря, Бунин последовательно раскрыл исключительно противоречивую особенность красоты русской женщины в её одновременно отрицательном и положительном принятии человеческой любви и человеческого счастья, что знаменательно и по прямому контрасту оттеняется исключительно-положительной и, можно сказать, нормальной любовью героя рассказа. Тоже при всей его «неприличной» красоте [1, с. 461]. Нельзя не отметить и очень специфическую, уникальнейшую: юродственную – определенность и неопределенность зараз – женской красоты главной героини.

Без преувеличения мы можем говорить по сути о русской природе её прекрасной внешности и души с по-своему аскетическим и жизнелюбивым одновременно началом [5, с. 7–9, 13–14, 21–22, 27–28 и др.].

Попутно напомним, что имя одного из самых известных русских юродов во Христе Василия Блаженного было отмечено в рассказе далеко не случайно и не лубочно.

2. Вот почему весьма резкая в своей критической однозначности оценка И.С. Шмёлева «Темных Аллей» и, как следствие «Чистого понедельника»: как «похабной», «гнуснейшей», «порнографической» «**тьмы**» [6, с. 434, 478, 514; 7, с. 46, 47] – безусловно, некорректна и выражает не более, чем мимолётное эмоциональное настроение автора «Лето Господнего». Мы бы объяснили эту заведомо негативную реакцию

действительной и потому непривычной: до читательского эпатажа – новизной бунинского взгляда на женскую красоту. Именно поэтому в своём «Дневнике», как раз в годы создания «Тёмных аллей», он подчеркнул следующее: «То дивное, несказанно-прекрасное нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело, надо, надо попытаться. Пытался – выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова» [8, с. 484].

Как видим, даже сам И.А. Бунин мог признаваться в низменном результате своего взгляда на женское тело и женскую красоту, если хотите, в духе И.С. Шмёлова.

Но мы не можем не признать, что, по крайней мере, в рассказе «Чистый понедельник» его автору удалось найти «странную»: антиномично-истинную – середину в заявленной тематике, естественно далёкую от всякой похабщины.

Также с неадекватной однозначностью подходил к оценке «Тёмных аллей» современный американский русист Максим Д. Шпраер, выделяя исключительно смертоносный характер бунинского описания секса, когда «желание влечёт за собой разрушение, увечья, трагедию смерти» [9, с. 257, 266].

Получается, с чем кстати соглашался и А.Н. Толстой (в статье «Ранний Горький»), говоря о Бунине «крутившемся, как овца на приколе, от ужаса смерти» [10, с. 134] – очевидное сходство с танатологической характеристикой женщины из упоминавшегося выше рассказа «Сны Чанга». Но как и в этом рассказе, так и в анализе Максима Д. Шпраера дело всё равно не ограничивается непротиворечивыми категорическими констатациями. И здесь мало сказать только об антиномической напряжённости между «целомудренным языком русской литературы» и «скрытым модернизмом» И.А. Бунина в описании секса и женского тела, потому что это касается одних общих и формализованных направлений в развитии литературы. [9, с. 240, 257]

Мы же отмечаем новаторский: антиномично-истинный – взгляд Бунина и на сам секс, и на само женское тело вне их

исключительно-смертоносной определённости. Не без примечательной переключки со взглядом на секс Ж. Батая, видевшего в нём «сладкое, животное, *священное*» [11, с. 136].

3. Но наиболее ярко и классически осмыслил бунинское литературное своеобразие И.А. Ильин, между прочим, непосредственный адресат И.С. Шмелёва, который именно с ним делился своим категорическим непринятием автора «Тёмных аллей». Надо сказать, что русский философ в чём-то соглашался с творцом «Лета Господнего», не исключая возникновения «грязного блуда» из «прозрения в бездну» [6, с. 482]. Но обращает на себя принципиальное внимание Ильинское выражение «прозрение в бездну».

Дело в том, что И.А. Ильин посвятил творчеству Бунина специальную исследовательскую работу, опубликованную уже посмертно в 1959 году. В ней И.А. Ильин как раз подчеркнуто рассматривает «главную сферу [бунинского] художественного видения»: *метафизическую «глубину (или бездну)! – Т.Б., П.К.) родового, полового инстинкта,» видения чувственных тайн»* [11, с. 233–234]. И хотя далее И.А. Ильин настаивает: «Бунин-художник вступает в чувственный мир – и природный, и человеческий, – опьяняясь; опьянённый уходит в него до дна, на самое дно страстное и страшное», тем не менее, тут же он признаёт именно юродственную сущность Бунинского «упоевания жизнью», включающегося в себя не только веселие и то же опьянение, но и «самосожигание» [10, с. 235–236] – понятно, и в виде «странной» красоты героини «Чистого понедельника». Более того, И.А. Ильин прямо утверждает: «Лишь краем своего зрения касается И.А. Бунин [святейших и властных, духовных и божественных] сфер, и не приемлет их целиком». Так русский философ, пусть косвенно, но принципиально соглашается, как раз с антиномично-истинной сущностью художественного видения автора «Тёмных аллей». Да, «Тёмные аллеи исчезают в тёмном провале небытия», но исчезают с «любовью», с «жаждой наслаждения...и страхом смерти» [11, с. 269, 266, 268].

В результате бунинская «тёмная бездна человеческой души» как раз в антиномично-истинной, или неслиянной, слиянности сопрягается со светлым, положительным началом и во всём творчестве, и в «Тёмных аллеях», и в рассказе «Чистый понедельник» русского литературного нобелеата [11, с. 265].

Так «странная» и несомненная новизна бунинского описания женского тела и женской красоты органически приобрела пусть неожиданную, да, неожиданную, да, непредсказуемую, но именно антиномично-истинную формулу Халкидонского православного догмата с его «не слитным, не превращённым, неразделимым, не разлучимым» принципом, имеющим особое значение для русского творческого сознания, по утверждению А.В. Карташёва [12, с. 108, 100, 118, 83, 98 и др.]. Имеющего особое значение и для автора «Чистого понедельника» и в целом «Тёмных аллей» – при всей их тьме, но не столько однозначно негативной, как утверждал И.С. Шмелёв, сколько креационистски, или просто творчески плодотворной – как раз из греховного человеческого ничто! ...

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 5.М.: Худ. литература, 1988. [639 с.]
2. Бунин И.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4.М.: Худ. литература, 1988. [703 с.]
3. Святые Пётр и Феврония. М.: Терирем, 2013. [272 с.]
4. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. М.: НЛО, 2023. [400 с.]
5. Калитин П.В. Тысячелетнее царство русского юродства. М.: ИОИ, 2018. [216 с.]
6. Ильин И.А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. [576 с.]
7. Ильин И.А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1947–1959). М.: Русская книга, 2000. [528 с.]
8. Бунин И.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 5.М.: Худ. литература, 1988. [719 с.]

9. Шраер М.Д. Бунин и Набоков. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. [464 с.]

10. Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. М.: Худ. литература, 1986. [511 с.]

11. Ильин И.А. Собр. соч. Т. 6, кн. 1. М.: Русская книга, 1996. [560 с.]

12. Карташёв А.В. Церковь. История России. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. [304 с.]